

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-историческия журнал

№ 4 (67) април, 2022

S. Vinnitsky

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Перед вами апрельский номер литературно-исторического журнала «Александръ», в котором вы традиционно получаете поздравления со Светлым Христовым Воскресением и Днём космонавтики. И через весь номер проходят темы православия и героического покорения космоса.

Хотелось бы выразить слова искренней благодарности гостю номера, моему земляку Александру Скворцову, который, несмотря на занятость, нашёл время пообщаться с читателями журнала. Желаю ему терпения и здоровья для того, чтобы хватило сил продолжать открывать новые пространства и покорять высоты, развивая русскую космонавтику и науку.

Ну и, конечно, поздравляю вас со светлым праздником Воскресения Христова. В этот день позабудьте о злости и печали, пусть вас не тревожат сегодня заботы. Пусть святая Пасха принесёт вам надежду и уверенность в будущем, а сердце наполнится светом и теплом. Пусть Божья милость освещает вам путь, а в семье царит мир и любовь.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

День космонавтики – это день гордости для всех россиян, это хорошее, приподнятое настроение, это отличный повод узнать что-то новое о полётах в космос, о людях, которые стояли у истоков его освоения.

Сама по себе эта дата непосредственно связана с первым полётом человека в космос: именно 12 апреля 1961 года Юрий Гагарин на космическом корабле «Восток-1» впервые в истории человечества совершил орбитальный облёт вокруг Земли. Полёт в околоземном космическом пространстве продлился 108 минут. За это время Юрий Гагарин облетел земной шар и благополучно приземлился в окрестности деревни Смеловки Терновского района Саратовской области. В наши дни, когда совершаются многомесячные экспедиции на орбитальные космические станции, этот полёт кажется очень коротким. Но каждая из этих минут была открытием неизвестного.

Сегодня профессия космонавта, пожалуй, является одной из самых редких. В ней существует два основных требования: прежде всего, космонавт должен быть испытателем, он должен контролировать и проводить испытания корабля и его бортовых систем в полёте. А второе требование – космонавт должен быть исследователем, он должен уметь получать и передавать на Землю ценную научную информацию об окружающем космическом пространстве, атмосфере и поверхности Земли. Космонавт должен иметь безукоризненное здоровье, высокие моральные и волевые качества. Ведь подготовка к полёту на Земле и сам космический полёт требуют напряжения всех его физических и моральных сил.

При этом следует помнить, что человеческие способности при всём развитии космических технологий до конца ещё не изучены, только любознательным, начитанным и заинтересованным в получении знаний людям открываются тайны Вселенной. Для того же, чтобы их воспринимать, необходимо больше читать, непрерывно заниматься самообразованием и познавать новое и интересное. И тогда жизнь будет успешной и будет развита интуиция, которая убержёт от неверных шагов и досадных ошибок.

Держайте!

**Александр СКВОРЦОВ,
лётчик-космонавт, Герой России**

СЛАВЯНСКИЙ ФОРУМ ИСКУССТВ
ЗОЛОТОЙ ПЕРА

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 4 (67), апрель 2022 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.04.2022 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:

390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д.18

Сайт: <http://bookjet.ru>, почта: info@bookjet.ru

Тел. +7(4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ТЕМА НОМЕРА

6 Василий Попов

ПРАВОСЛАВИЕ

9 Дмитрий Сазонов.

Митрополит Антоний (Кротевич):
к вопросу о неоднозначности оценок
и определений личности

ПАСХАЛЬНОЕ

20 Геннадий Рязанцев-Седогин

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

24 Яков Шафран.

Два народа

ПАТРИОТЫ

26 Николай Полотнянко.

Не пора ли России подняться?

ИСКУССТВО

29 Никас Сафронов.

Иконическое изображение
и тайна православной иконы

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

37 Евгений Голоднов.

Родился футболистом, но стал
министром

СОВРЕМЕННОСТИ

42 По ту сторону собственных сил

44 Василий Киляков

ПОЭЗИЯ

46 Евгений Харитонов

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

49 Василий Дворцов.

Душевный «Ночной разговор»

53 Ночной разговор Билала Адилова
с читателями

МУДРОСТЬ

56 Валерий Румянцев.

Лакон

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

58 Владислав Бусов.

Весенние стихи

61 Роман Кручинин

63 Людмила Сергеева

ЗЕМЛЯКИ

65 Вадим Кулинченко.

Три сома

ПРОЗА

69 Виктор Сайдаков.

Возьмите с собой Калю-малю...

ЖИТЕЙСКОЕ

Алексей Ильичёв-Морозов.

81 Здравствуй

82 Розыгрыш

84 Лучники

85 Знахарка

БРАТЯ МЕНЬШИЕ

90 Олег Лузанов.

Дик

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

94 Александр Сергеев.

Пора в космос!

21 September

Василий ПОПОВ

Поэт, родился в 1983 году в городе Ангарске Иркутской области. Окончил Сибирский институт права, экономики и управления и Литературный институт им. А. М. Горького. Обладатель Гран-при Международного литературного форума «Золотой Витязь», лауреат премии им. И. А. Бунина, премии им. М. Ю. Лермонтова и др. Публиковался в журналах «Сибирь», «Наш современник», «Родная Ладога», в «Литературной газете» и многих других изданиях по всей стране. Его произведения переведены на китайский, болгарский, вьетнамский и английский языки. Впервые в России перевёл поэму «вьетнамского Пушкина» Нгуен Зу «Степняки истерзанной души» на русский язык в полном объёме (3254 строки). Автор пяти сборников стихотворений. Секретарь Союза писателей России.

В честь 50-летия со дня
первого полёта человека в космос

Облака летят над нашим домом,
Белые, как в крынке молоко.
Передайте мой привет коровам,
Что пасутся в поле далеко.

Я лежу на крыше и мечтаю,
На зубах соломинку верчу.
Почему я тоже не летаю?
Глубоко вздохну и замолчу.

Милые леса, поля и реки,
Слушайте, вы слушайте меня:
Полетят на небо человеки,
Оттолкнувшись с этого плетня!

Улетят – на звёзды любоваться,
Улетят на долгие года.
Надо бы покрепче растрощаться,
Может быть, придётся навсегда.

И ничто не будет в мире ново,
Всё изучит наш пытливым ум.
Так же выйдет на поле корова,
А в лесу пойдёт зелёный шум.

* * *

Тёплый вечер, синий вечер,
В тишине лежит село.
Погасило солнце свечи,
Но ещё совсем светло.

Доит бабушка корову,
Дед ведёт поить коня.
Месяц выковал подкову
В небе около плетня.

Тихо, тихо ночь ложится,
Успокоилась земля.
Пусть деревня мне приснится
Да бескрайние поля.

В чёрной сбруе понесётся
Всадник, звёздами звеня.
Молоком парным прольётся
Топот млечного коня.

* * *

Какие звёзды разные
Сияют в тишине!
Как будто свитер вязаный
Надела ночь луне.
Метёт, кружит метелица,
Сверкает впереди,
И белая медведица
Шагает на груди.
А по бокам высокие
Олени вдаль бегут.
На плечи сели соколы,
Добычу стерегут.
Когда на печку в старости
Залезть не хватит сил,
Такой же свитер радостный
И я бы поносил.

* * *

Когда смотрю я в небеса
И вижу яркую звезду,
То я не верю в чудеса,
А верю в разум наш и труд.
Я верю в то, что полетим
Мы к этой огненной звезде
И прямо в небе закалим
Всё то, что создано в воде.

Есть одинокие миры,
Они зовут тебя и ждут.
Не для искусственной игры
В душе твоей слова бегут.
Всё для живого, для любви,
Для созидания основ.
Зови, Вселенная, зови –
Я слышу песню наших слов...

* * *

О, сколько думал я о жизни,
Что небо звёздное таит.
Ведь где-то там, в созвездье рыжем,
Такой же страждущий сидит.

Он так же смотрит в небе звёзды
И тоже думает в ночи,
Зачем весь этот мир был создан,
О чём Вселенная молчит?

И между нами расстоянье,
Которое преодолеть
Не может даже слов сиянье,
Ведь прежде нужно умереть.

Но верю я, что силы мира
Откроют нам небесный путь,
На лёгком топливе эфира
Мы полетим когда-нибудь.

И где-то ровно посередине
Мы с ним обнимемся вдвоём
И песню о заблудшем сыне
Одну и ту же запоём.

* * *

Художник красками играет,
Из бронзы скульптор деву льёт,
И композитор сочиняет,
Когда поэт стихи поёт.

Но человек всегда тоскует,
Когда ему не до стихов.
А кто Вселенную такую
Создал во тьме пустых миров?

Здесь столько красок, столько вкуса,
Здесь столько музыки живой.
Как перламутровые бусы
Галактики в дуге кривой.

И если мы не ждём ответа
И не отправимся туда,
То для чего всё нужно это,
Мы не узнаем никогда.

* * *

Слышу: новый век стучится
В наши двери – отворяй!
Золотая колесница
Едет прямо в Божий рай.

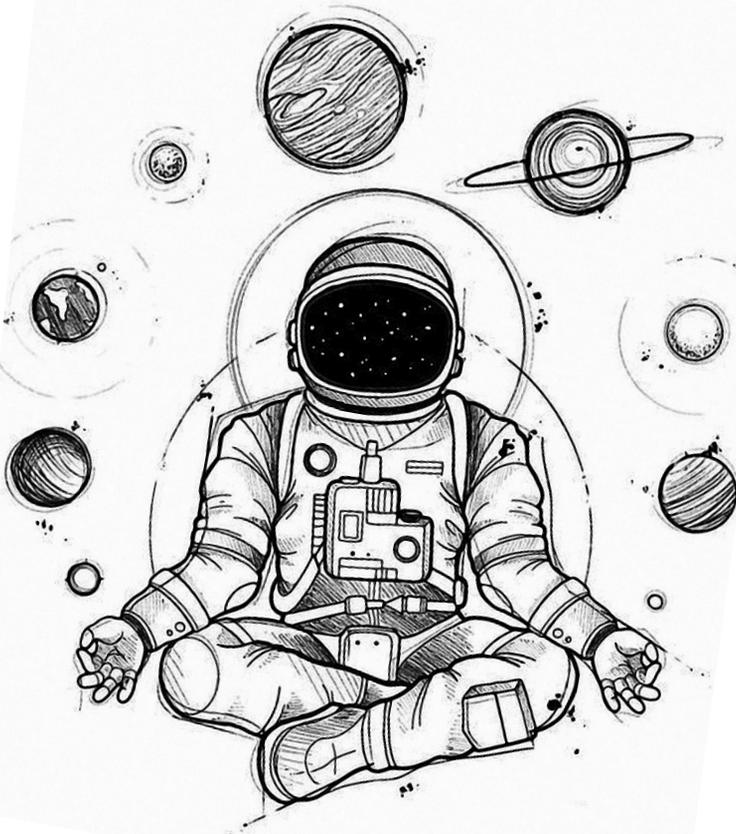
Скоро, скоро во Вселенной
Наш корабль, как магнит,
На энергии нетленной
Сквозь пространство полетит.

Это будут не ракеты,
А иные виражи.
Мы откроем три планеты,
На которых можно жить.

На одной из них увидим
Мы пустые города.
Словно вылетил Овидий
Их из каменного льда.

На другой из них не будет
Ни лесов, ни горных рек –
Только каменные люди,
Только водный человек.

Ю на третьей на планете
Встречаем мы любовь.
Гам, по всем ещё приметам,
Не лилась живая кровь.

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ (КРОТЕВИЧ): К ВОПРОСУ О НЕОДНОЗНАЧНОСТИ ОЦЕНОК И ОПРЕДЕЛЕНИЙ ЛИЧНОСТИ

На основании документов в статье показана однобокость и предвзятость оценок, применяемых к личности митрополита Тамбовского и Мичуринского Антония (Кротевича). Открытые в ходе исследования документы свидетельствуют о том, что зачастую действия и поступки митрополита во многом были обусловлены государственно-церковными отношениями того периода и обстоятельствами, сложившимися благодаря историческим реалиям жизни в атеистическом государстве, законодательство которого в отношении к религии не способствовало свободному развитию деятельности верующих. Удалось установить, что приписываемые митрополиту конфликтность и грубость в общении с людьми были продиктованы во многом состоянием церковной жизни и обстановки, сложившейся в послевоенный период, а также нахождением его в местах лишения свободы. Из анализа документов следует сделать вывод о необходимости переоценки личности и деятельности митрополита Антония.

Протоиерей Дмитрий САЗОНОВ,
кандидат богословия

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ (КРОТЕВИЧ): ВРЕМЯ И ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННИКОВ

ЧАСТЬ 1

Среди архиереев Русской православной церкви послевоенной эпохи одной из неординарных личностей следует считать митрополита Антония (Кротевича), прожившего довольно большую жизнь – 84 года. Последней епархией, которой он управлял, была Тамбовская и Мичуринская. На его глазах и в его памяти отобразились эпохальные события светской и государственной истории: время правления самодержавных правителей и большевиков, революция, которую он застал, будучи священником

в Киеве. Далее он пережил правление диктатуры пролетариата, приходское служение во время «Большого перелома» и годы «безбожной пятилетки», арест, приговор по ст. 58-10 – «по обвинению в контрреволюционной агитации», заключение и пять лет отсидки в лагерях, период «послевоенного возрождения Церкви» и хрущёвские гонения на религию. Умер он уже в брежневскую эпоху, в 1973 году.

На его веку сменились два российских императора, четыре руководителя СССР, правление Святейшего Синода и четыре патриарха. Епископский сан он получил в 1944 году, сменил девять епархий – республиканскую и провинциальные: Минскую и Белорусскую, крепкие Тульскую и Ярославскую, Тамбовскую, бедные – Костромскую, Ивановскую, Орловскую. В каждой из них он задерживался на разное время: от семи лет (Костромская епархия, 1946–1953 гг., и Тульская епархия, 1954–1963 гг.) до двух-семи месяцев (Минская и Белорусская, март – май 1961 г., и вновь Тульская в 1966 г.).

Прежнее, священническое его служение также не позволяет судить об «оседлости». Будучи священником, он сменил восемь мест служения: от нескольких месяцев в г. Перово Московской области в 1937 году до 15 лет в Киеве (с 1917 по 1931 г.). В 1935 году развёлся с женой, прожив в браке 21 год, имел детей. В его жизни было пять увольнений «на покой согласно поданному прошению» – 1953, 1961, 1963, 1966, 1970 годы, – которые также различались по продолжительности: от четырёх месяцев (с ноября 1953 г. по февраль 1954 г.) до трёх лет (1970–1973).

В епископа он был рукоположён через пострижение в монашество из протоиереев в 1944 году.

Образование имел достойное. Окончил классическую гимназию, прервал учёбу в Киевском медицинском институте для поступления в Киевскую духовную академию, которую окончил в 1914 году. В ноябре 1932 года за представленное сочинение на тему «История Страстной седмицы до образования Студийского Устава» он был удостоен степени

кандидата богословия. В 1954 году был избран почётным членом МДА.

Одно перечисление мест, где находился митрополит Антоний, а также событий, в которых он принимал участие или которым был свидетелем, позволяет говорить о нём как о человеке неординарном и многогранном.

В упоминаниях о нём и воспоминаниях о его деятельности в современной историографии нет положительных характеристик. Его личность и деятельность оцениваются исследователями советского периода жизни Русской церкви в негативном ключе: способствовал закрытию храмов, вёл соглашательскую линию в отношениях с властью, передавал властям церковное имущество, сжигал консисторские архивы, сотрудничал со спецслужбами, упразднил в Ивановской епархии институт благочинных¹.

По воспоминаниям епархиального духовенства, в период его управления епархиями поведение его было эпатажным. Часто в неэтичной, грубой и оскорбительной манере он обращался со священнослужителями, что послужило поводом для возникновения гротескных рассказов. Духовенство его боялось, всячески избегало личных с ним встреч².

Именно такая характеристика митрополита Антония, взятая из рассказов и «воспоминаний», кочует из одного электронного ресурса в другой, именно в таком ключе она попала в статью, опубликованную в «Православной энциклопедии» соавторами профессором МДА протоиереем Владиславом Цыпиным и костромским краеведом Н. Зонтиковым³. Особым фактом биографии митрополита, всплывшим два года назад, стала публикация на основе открытых исследователем украинских архивов Константином Богуславским материалов 5-го отдела 2-го управления НКГБ СССР, в которой под аген-

¹ Федотов А. А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). – Иваново, 2009. – С. 100, 139.

² Эдельштейн Г., свящ. Записки сельского священника. – М.: РГУ, 2005. – С. 84–86.

³ Цыпин В., прот., Зонтиков Н. Антоний (Кретевиц Борис Николаевич). Биографическая статья // <http://www.pravenc.ru/> [Электронный ресурс]. Дата обращения 16.06.2020.

том «Павловским» подразумевался епископ Антоний (Кротевич)¹.

Следует признать, что многие факты, обозначенные в биографии митрополита Антония (Кротевича), имели место, но при рассмотрении и исследовании документальной базы, при сопоставлении фактов и применении метода критического анализа к изложенным фактам следует сделать вывод, что представленная уважаемыми авторами оценка личности митрополита Антония выглядит однобокой и поверхностной. Поэтому представляется необходимым, беря за основу исследования метод историзма и критического анализа: а) сопоставить имеющиеся факты с реалиями государственно-церковных отношений того времени, в котором жил и трудился митрополит; б) проверить содержание документов, им подписанных, в соответствии не с современной общепринятой, а с объективной оценкой; в) подвергнуть документы критическому и сравнительному осмыслению.

К сожалению, для определения «хороший – плохой архиерей» до сих пор многими исследователями и авторами статей по теме хрущёвских гонений используется известное клише. Хороший архиерей – тот епископ, кто препятствовал закрытию церквей, тот, кто формировал и продвигал молодые кадры духовенства, укрепляя епархии образованными людьми, тот, кто оказывал сопротивление атеистической политике властей церковной активной деятельностью. Плохой – кто чуть ли не сам закрывал храмы, был груб с духовенством и паствой, потворствовал и делал уступки властям в их политике по сокращению церковных структур.

Именно в негативном ключе характеризует и даёт оценку духовенству и его деятельности в советский период известный «правозащитник»,

священник Георгий Эдельштейн, который делит священнослужителей на группы: одна – истинные пастыри, новомученики и исповедники, и те священники и миряне, кто не молчал, но публично свидетельствовал о гонениях на Церковь; другая – «красные попы – сергианцы», предатели, гонители Церкви, руками которых разлагались церковные структуры. К первой группе, кроме себя самого, новомучеников и исповедников Российских, он приписал архиепископа Ермогена (Голубева) и архимандрита Тавриона (Ботозского), а также «не молчащих» – священников Глеба Якунина и Николая Эшлимана, ко второй группе – всех остальных архиереев и священнослужителей, в том числе, как он пишет, «одного из самых выдающихся самодуров Московской Патриархии Антония (Кротевича), повинного в сотнях, если не в тысячах злохудожеств, включая и закрытие храмов»². Такого же мнения о митрополите Антонии, как было указано выше, придерживаются авторы биографической статьи о нём в «Православной энциклопедии» прот. Владислав Цыпин и Н. А. Зонтиков³.

² Эдельштейн Г., священник. Записки сельского священника. – М.: РГГУ, 2005. – С. 84.

³ Цыпин В., прот., Зонтиков Н. Антоний // Православная энциклопедия. Т. II. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. – С. 628–629.

¹ Крутов М. Епископы на службе Лубянки // <https://www.svoboda.org/a/28989881.html> [Электронный ресурс]. Дата обращения 21.07.2020.

Обратимся к документальным источникам. При внимательном их рассмотрении следует наглядный вывод о том, что закрытие храмов было не во власти и желании архиереев. При общем сравнении деятельности и оценки личностей архиереев хрущёвского периода надо сказать, что митрополит Антоний не особенно чем-то выделялся. Он не сделал ничего такого, что не делали в то время и при тех же обстоятельствах другие архиереи.

Разберём тезис о закрытии храмов как свидетельстве предательской антицерковной

политики сервилизма архиереев Русской православной церкви перед советской безбожной властью. При рассмотрении документов видно, что повсеместное закрытие храмов в советский период было продиктовано государственными постановлениями и инструкциями, постановлениями горсоветов и исполкомов, сельсоветов, но не податливостью или стойкостью архиереев¹. Протоиерей Владислав Цыпин в написанной им «Истории Русской Церкви в 1917–1997» отмечает, что в 1959 году закрытие приходов

Русской церкви на всей территории СССР приобрело «массовый характер, в следующем году оно осуществлялось с ещё большим размахом» – 1437 храмов были закрыты, разрушены или взорваны. Он сравнивает кампанию по закрытию церквей в 1959–1960 годах с подобной кампанией эпохи великого перелома и не отмечает «отличившихся» архиереев, которые в своих епархиях остановили этот процесс². Отметим статистику закрытия храмов на примере нескольких епархий Центральной России. Например, в Костромской епархии, которую возглавлял епископ Антоний с 1946 по 1953 год, за период 1946–1948 годов было открыто пять церквей, а уже в 1948–1953 годах, за пять лет, было закрыто 17 церквей. В Костромской епархии после его перевода, с 1953 по 1963 год, за 10 лет было закрыто девять храмов, т. е. пик закрытия церквей пришёлся на 1948–1953 годы. Открыв данные по закрытию церквей в СССР в довоенное время, отметим, что количество закрытых храмов в конце 1940-х – начале 1950-х годов не сравнимо с периодом после революции, с 1920-го по начало 1940-х годов. С 1917 по 1941 год, например, в Костромской епархии было закрыто 306 церквей, т. е., за 24 года закрывалось почти 12 храмов ежегодно.

¹ ГАИО. Ф. р-2063. Оп. 4. Д. 36. Л. 2.

² Цыпин В., прот. История Русской Церкви в 1917–1997. – М., 1997. – С. 390.

Особенно много было закрыто церквей с 1929 по 1932 год¹.

Сравним статистику закрытия храмов Костромской епархии, руководимой митрополитом Антонием, с другими епархиями Русской церкви центральных областей России. Во Владимирской епархии до 1941 года было закрыто 330 храмов – цифра совпадает с закрытыми храмами Костромской епархии до войны. С 1941 по 1962 год закрыто 12 храмов, из них с 1960 по 1962-й – четыре храма². В Ивановской епархии количество церквей в 1960 году сократилось на шесть единиц, а с 1961 по 1962 год – ещё на семь храмов, в 1963 году – ещё на два³. Примерно такое же соотношение закрытия церквей можно привести по любой епархии Русской православной церкви. Таким образом, равное количество закрытых храмов до и после войны является свидетельством того, что храмы закрывали власти во время антирелигиозных кампаний, имевших государственный заказной характер, и что их закрытие не зависело от личности архиерея⁴. Вот, например, в письме Кинешемского горисполкома от 25.01.1964 говорится, что Успенская община г. Кинешмы нарушает инструкцию законодательства о культах, где указано, что религиозной общине разрешено пользоваться лишь одним молитвенным зданием, а община с 1946 года пользуется двумя зданиями: Успенским и Троицким соборами, – поэтому по ходатайству исполкома горсовета облисполкому от 31 октября 1963 года здание Троицкого собора изымается из ведения религиозной общины и передаётся городскому краеведческому музею⁵. Вот письмо Совета по делам РПЦ уполномоченному Совету по Ивановской области от 7 июля 1949 года, в котором Совет указывает, что недействующие церковные здания объявляются национализированным государственным имуществом, нахо-

дящимся в ведении местных советских органов, которые несут ответственность за сохранность этих зданий и культового имущества. В случае совершения в этих зданиях богослужений зарегистрированными служителями культа либо другими лицами райисполкому или сельсовету следует прекратить их и изъять ключи от церковных зданий⁶. Из вышеприведённых свидетельств видно, что церкви, согласно законодательству о культах 1918 и 1929 годов, находились в собственности государства, которое распоряжалось своей собственностью согласно своим представлениям: либо передавало их в аренду приходским общинам, либо расторгало с ними договор и передавало здание в ведение других организаций, либо здание оставалось закрытым, впоследствии уничтожалось.

Знакомясь с архивными материалами, отметим тот факт, что в годы управления митрополитом Антонием Ивановской епархией с 1964 по 1966 год не был закрыт ни один храм. Данное свидетельство ставит под сомнение утверждение о. Георгия о «тысячах злохудожеств» митрополита. Мнение о том, что при управлении епархиями митрополитом Антонием храмов закрывалось больше, чем в других епархиях в то же самое время, не представляется достоверным. Достаточно взглянуть на данные статистики. Например, с 1948 по 1953 год в Костромской епархии было закрыто 17 храмов, в Калининской епархии – 17, в Ярославской – шесть, в Смоленской – шесть. Причём к 1953 году количество храмов по епархиям Центральной России выравнивалось и было примерно одинаковым. Однако, если сравнивать с соседними областями, в Костромской епархии храмов было больше, чем в других областях Центральной России – Владимирской, Калужской, Рязанской, Смоленской, Тульской. Костромская епархия в этом отношении уступала лишь Московской (211) и Ярославской (149). Количество на протяжении двух лет управления Ивановской епархией митрополитом Антонием, в 1964–1966 годах, оставалось стабильным – 44 церкви⁷. Из чего следует, что обвинять его в злонамеренном

¹ Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. р-2102. Оп. 5. Д. 51. Л. 4.

² Государственный архив Владимирской области. Ф. р-632. Оп. 8. Д. 3. Л. 39.

³ Архив Ивановского епархиального управления. Годовой отчёт за 1961 год. С. 3.

⁴ Филиппов Б. А. Очерки по истории России. XX век: учеб. пособие. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – С. 465.

⁵ ГАИО. Ф. р-2853. Оп. 4. Д. 36. Л. 106–107.

⁶ ГАИО. Ф. р-2953. Оп. 1. Д. 367. Л. 40.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-6991. Оп. 2. Д. 167. Л. 37, 38, 108.

желании закрыть большее количество храмов, чем в других епархиях, вряд ли представляется возможным. Отметим, что в двадцатипятилетний период управления епархией архиепископа Кассиана (Ярославского) также закрывались церкви, как они закрывались и ранее. Так, в 1960 году в Костромской епархии было 74 действующие церкви, а в 1970-м осталось 68, т. е. количество церквей сократилось на шесть единиц¹. Но вопреки очевидным фактам, о. Георгий Эдельштейн не вписывает архиепископа Кассиана в «разрушители» церковных устоев и враги Церкви².

Из приведённых статистических данных, сравнительного анализа роста и уменьшения количества храмов, а также исследования общецерковных документов конца 1940-х – начала 1950-х годов следует также вывод о том, что после провала политического государственного проекта Москвы как альтернативы Ватикану – «Русского Ватикана» – в 1948 году наметилась тенденция к отказу государственных органов в ходатайствах об открытии новых храмов и сокращению количества существующих, о чём имелось соответствующее правительственное постановление³. Поэтому отказ в ходатайствах и закрытие храмов находились вне компетенции архиереев Русской православной церкви, они находились в ведении сначала местных советов, а затем в ведении Совета Министров.

К утверждению о несправедливости устоявшегося в современной историографии обвинения архиереев в закрытии храмов добавим, что расторжение договора с церковной общиной и закрытие церкви было не во власти архиерея, а во власти госорганов. Также и регистрация того или иного священнослужителя находилась в компетенции областного уполномоченного, который мог дать регистрационную справку священнослужителю, назначенному архиереем на приход, а мог её не дать. Так, например, в 1949 году была закрыта Иоанно-Богословская

церковь в Костроме. Её закрытию предшествовали раздоры, склоки в приходской общине, частая смена священников, отказ уполномоченного по делам РПЦ в регистрации священнослужителей, отказ властей в разрешении на проведение ремонтов храма и в дальнейшем, как следствие, постановление исполкома Костромского горсовета за № 187 от 14.04.1949 «О расторжении договора на пользование церковным зданием церкви Иоанна Богослова за р. Костромой»⁴. На основании рассмотренных документов видно, что закрытие церкви явилось не столько своеволием уполномоченного по делам РПЦ, сколько следствием антирелигиозной кампании 1949–1950 годов, спровоцированной проектами постановлений ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды» и «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний». Обращения и ходатайства приходской общины о незаконности и предвзятости требований исполкома в решении о закрытии храма Председателю Верховного Совета СССР Н. М. Швернику и к Председателю Совета Министров тов. И. В. Сталину остались безрезультатными⁵. Отметим, что за 1949 год в РСФСР было закрыто около 600 храмов⁶.

В числе распоряжений митрополита Антония настоятелям храмов Костромской епархии в 1949 году – обращение к приходскому совету и прихожанам церкви, которая вскоре будет закрыта. 18 июня 1949 года митрополит вместе с облуполномоченным по делам РПЦ М. И. Галкиным и секретарём прот. А. Е. Сперанским посетил Успенскую церковь с. Качалова Костромского р-на, богослужения в которой возобновились по ходатайству прихожан в 1943 году после её закрытия в 1941 году. Посещение прихода оставило тягостное впечатление у епископа. «Храм в полном упадке, разорении – священник, 82-летний старец, уважаемый мною, в забытом и эксплуатируемом положении, –

¹ ГАРФ. Ф. р-6991. Оп. 2. Д. 486. Л. 112–115.

² Эдельштейн Г., свящ. Записки сельского священника. – М.: РГУ, 2005. – С. 120.

³ Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. – С. 402–403.

⁴ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф-2102. Оп. 6. Д. 330. Л. 11, 12, 22.

⁵ ГАКО. Ф. Р-1435. Оп. 2. Д. 57. Л. 14, 18.

⁶ Федотов А. А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). – Иваново, 2000. – С. 64.

пишет он. – Квартира священника – сторожка, совершенно непригодна к жительству (грязь, темнота, зимой мороз)». Митрополит возлагает ответственность за состояние церкви и священника на приход и указывает церковному совету на недопустимость «эксплуатации священника», который вынужден думать, как заработать на пропитание, а не о духовном возрастании паствы. В обращении он указывает, что приходской храм «отдан общине не для того, чтобы он пришёл в упадок, в полную негодность, а для того, чтобы не только сохранён был, но и благоукрашен, как подобает дому – жилищу Божию». «Там, где храмы не будут приведены в надлежащий вид, они могут быть закрыты (и закроются), – предупредил митрополит настоятелей, – там, где священник забыт и голодный – он будет отозван»¹.

Последствия посещения храма в Качалово были печальными. Уже через месяц, 28 августа 1949 года, по решению облисполкома церковь в Качалово, открытая по ходатайству прихожан, была закрыта спустя шесть лет после её открытия. В 1951 году она была передана под зерносклад колхозу им. В. М. Молотова. В 1969 году Костромской райисполком просил у облисполкома разрешения на слом качаловской церкви, как указывалось, «на стройматериалы»². Два наглядных примера закрытия храма в бытность управляющим Костромской епархией митрополита Антония (в Костромской слободе и в с. Качалово) позволяют сделать вывод о том, что закрывались в основном храмы, находившиеся в запущенном состоянии, храмы, где приходская община не могла либо была не в состоянии содержать храм и священника. В связи с угрозой расторжения с общинами договора и закрытия таких храмов митрополит Антоний обращался к благочинным и настоятелям храмов епархии с призывом делать ремонты в храмах и содержать их в достойном виде. «Имейте главной заботой благоустройство

храма – дома Божия, имейте больше заботы о храме, нежели о своем доме, в котором вы живете, – писал он. – Ремонтуйте храмы, делайте им вид вашей приходской святыни <...> Помните, что храмы закрываются только по вине прихода – не доводите храм до полного упадка. Ремонтуйте!»³

В современной историографии отмечается ряд архиереев, сопротивлявшихся политике закрытия храмов, архиереев, активизировавших церковную жизнь в возглавляемой ими епархии. Однако, как следует из дальнейших наблюдений за их участием, их либо переводили в глухие епархии, либо отправляли за штат, либо они сами уходили за штат с формулировкой «по состоянию здоровья», таким образом выражая свой протест против насилия властей над религией и верой.

Отметим, например, что архиепископ Ермоген (кстати, приверженец митр. Сергия Страгородского, записанный как истинный пастырь и борец за Церковь), в 1960 году был освобождён от управления Ташкентской епархией и жил в белорусском Жировицком монастыре и Одессе два года за штатом, «почисленным на покой», до назначения своего в 1962 году в Омскую епархию. До его назначения в Калужскую епархию в 1963 году в ней, при архиепископе Леониде (Лобачёве), с января 1960 по июнь 1961 года из 38 церквей было закрыто семь. К 1963 году было закрыто ещё две, в итоге осталось 28 храмов⁴. Т. е. пик гонений и сопровождавших их закрытий храмов архиепископ Ермоген провёл вне активной церковной жизни, вне активных антицерковных гонений. Поэтому говорить о нём как о «борце против атеистической политики властей», как об архиерее, при котором церкви не закрывались, было бы явным несоответствием фактам. Данные статистики свидетельствуют, что уже с 1963 по 1964 год в целом положение характеризовалось спадом антирелигиозной

¹ Архив Костромского епархиального управления (далее АКЕУ). Распоряжения по епархии за 1945–1953 гг. Обращение от 19 июня 1949 г. № 413. С. 105.

² Зонтиков Н. А. Храмы Костромского района // Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. – Вып. 2. – С. 35–36.

³ Архив Костромского епархиального управления (далее АКЕУ). Распоряжения по епархии за 1945–1953 гг. Циркулярное письмо от 5 июня 1952 года. № 383. С. 271.

⁴ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. р-3501. Оп. 1. Д. 57. Л. 10–11.

кампании¹. В 1965 году, т. е. после двух лет управления епархией, архиепископ Ермоген был уволен на покой в Жировицкий монастырь. Митрополит Ленинградский и Новгородский Антоний (Мельников) дал оценку жизни и личности архиепископа Ермогена и его «борьбы» с атеистической политикой властей, назвав его утопистом, не желавшим понять, что только со сменой государственного строя возможно изменение положения Церкви². Священный Синод своим определением оценил деятельность архиепископа Ермогена как бесполезную Церкови³.

Укажем на другой пример. При таком церковном радетеле, как архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), в его Крымской епархии, несмотря на мировую известность личности и решительную позицию по недопущению закрытия храмов, храмы закрывались, уполномоченный не регистрировал духовенство, которое архиепископ приглашал из других епархий для служения в Крыму. Желая спасти неблагополучные приходы, архиепископ Лука переводил туда (из городов в сёла) священников, некоторые из них были недовольны его переводами и открыто выражали своё мнение⁴. 22 ноября 1995 года архиепископ Крымский Лука был причислен к лику местночтимых святых, а в 2000 году – как исповедник для общецерковного почитания. В данном случае видно, как работает клише «хорошего епископа»: негативные стороны его деятельности замалчиваются, предпочтение отдаётся позитивным оценкам, удобно встраиваемым в светлый образ заранее определённого формата.

Другими аргументами, выдвигаемыми обличителями митрополита Антония и служащими, по их мнению, свидетельством его «разрушительной» для Церкви деятельности,

являются упразднение в Ивановской епархии института благочинных и передача здания епархиального управления государственным властям. Отметим, что, по данным Совета по делам религий при Минюсте СССР, в 1967 году из 67 епархий только в пяти были епархиальные советы – большинство архиереев управляло епархиями единолично. В 47 епархиях Русской церкви был институт благочинных, в основном в западных епархиях страны – на Украине, в Молдавии, Белоруссии⁵. На основании вышеприведённых данных, заявленных чиновником высокого ранга Совета по делам религий при СМ СССР, следует сделать вывод, что отмена института благочинных не являлась фактом из ряда вон выходящим – в 20 епархиях Русской церкви благочинных не было. Своё решение об упразднении благочинных в Ивановской епархии (в других епархиях у него были благочинные) митрополит Антоний мотивировал тем, что благочинные являлись «кураторами над приходскими священниками, посредниками между ними и архиереем». По его мнению, упразднением благочинных «улучшено и усилено было личное и непосредственное руководство митрополита пастырской деятельностью духовенства»⁶. Предыдущий опыт работы с благочинными дал ему повод неоднократно обращаться к ним с напоминанием об их прямых служебных обязанностях и требованиях к их исполнению. «Духовенство нравственно разложилось и своим поведением разлагает верующих, – писал епископ Антоний, обращаясь к благочинным. – Благочинные должны зорко следить за поведением духовенства, неурядицами в приходах, вообще за всем происходящим в приходской жизни по данному благочинию, но на деле нередко существуют для того, чтобы уведомить батюшку о своём посещении прихода – получить за полугодие 100–150 руб. на своё содержание с церкви и уйти»⁷.

¹ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1999. – С. 399.

² Шкаровский М. В. Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 гг.: от «перемирия» к новой войне. – СПб., 1995. – С. 215.

³ Определение Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. – 1969. – № 4. – С. 2–3.

⁴ Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. «Я полюбил страдания...» Автобиография. – М., 1996.

⁵ Фузов В. Из отчета Совета по делам религии члена Центрального Комитета КПСС. – Нью-Йорк – Монреаль, 1991. – С. 22.

⁶ Архив Ивановского епархиального управления. Годовой отчет за 1964 год. С. 8.

⁷ Архив Костромского епархиального управления (далее АКЕУ). Распоряжения по епархии за 1945–1953 гг. Распоряжение благочинным от 20.04.1952. С. 253.

Отметим, что без благочинных управлял Ивановской епархией его преемник – архиепископ Поликарп (Приймак). Восстановил институт благочинных в Иваново епископ Феодосий (Погорский) в 1968 году, сославшись в своём решении на соответствие института благочинных структуре управления епархией, прописанной в «Положении управления РПЦ» 1945 года. Он также привёл аргумент в пользу восстановления благочинных как помощников архиерея в связи с невозможностью ему составить объективную картину «в случае конфликтных дел и жалоб на священнослужителей, не было кого послать на место для ознакомления с истинным положением дела». Результатом невозможности посещения епископом приходов для ознакомления с ситуацией на месте, по его мнению, и стала необходимость восстановления благочинных, т. к. он не имел твёрдых оснований для решения спорных вопросов¹. Отметим, что, например, в Костромской епархии при управлении архиепископом Кассианом (Ярославским) в течение почти 10 лет и. о. секретаря епархии была женщина – А. М. Лисицына. В статусе и. о. секретаря епархии она была не в грозные годы хрущёвских гонений, а в относительно спокойные 1970-е годы. Несмотря на сложившиеся явно неканонические обстоятельства управления священниками женщиной, в отношении управляющего епархией архиепископа Кассиана не было нареканий со стороны священноначалия и последующего осуждения нашими современниками². Исходя из приведённых свидетельств неоднозначной картины епархиального управления в 1960-е годы, следует прийти к выводу, что в годы государственного натиска на Церковь не было строгого подхода к методам управления епархиальной жизнью, и в управлении епархиями архиереи пользовались правилом целесообразной осторожности, дабы избежать критики со стороны советской печати и административно-уголовной ответственности со стороны проверяющих органов.

В свете осуществляемой в 1950–1960-е годы государственной политики по ограничению владения церковными организациями недвижимым имуществом нецерковного назначения и решение митрополита о передаче здания Ивановского епархиального управления не кажется странным. В биографической статье о митрополите Антонии в ПЭ говорится о добровольной передаче митрополитом Антонием горсовету здания епархиального управления. Однако документальная база говорит об обратном, а именно о принудительном характере передачи здания. В заявлении Ивановского епархиального управления от ноября 1964 года говорится, что Ивановский механический завод обратился в епархиальное управление с заявлением о том, что завод имеет перспективный план застройки жилыми домами и детскими учреждениями квартала, где находится здание епархиального управления. «В связи с застройкой квартала ваше учреждение отчуждается в пользу завода, – сообщается в документе. – На основании вышеизложенного вам необходимо принять меры к переносу или же безвозмездной передаче учреждения и о принятых мерах сообщить заводу»³. В характеристике митрополита Антония, составленной облуполномоченным по делам религий Ивановской области, говорится, что взамен здания епархиального управления епархия получила другой дом, меньшего размера, который был отремонтирован⁴. Однако, как следует из письма митрополита уполномоченному, оказалось, что отремонтирован дом был не властями, а на епархиальные средства, причём при начислении оплаты рабочим была вменена ст. 19 налогообложения подоходным налогом, т. е. по наивысшей ставке, что вызвало резонное возмущение митрополита, который считал такой подход недопустимым и просил вмешательства облуполномоченного⁵. На основании открытых архивных документов следует сделать вывод, что передача здания горсовету была не актом доброй воли митрополита, а совершена была

¹ АЕИУ. Отчет за 1968 год. С. 15.

² Архив Костромского епархиального управления (далее – АКЕУ). Дело А. М. Лисициной. Указ от 6 августа 1972 года № 353. С. 23.

³ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. р-2953. Оп. 4. Д. 12. Л. 5.

⁴ ГАИО. Ф. р-2953. Оп. 6. Д. 6. Л. 44.

⁵ ГАИО. Ф. р-2953. Оп. 4. Д. 12. Л. 60–61.

в «добровольно-принудительном» порядке, поэтому доверять мнению уполномоченного по делам религий в Ивановской области о добровольной передаче вряд ли возможно.

Касаясь епархиального имущества в 1950–1960-х годах, следует отметить, что при сравнении с положением дел в других епархиях РПЦ мы встретим не лучшее состояние зданий, в которых находились епархиальные управления. Например, Костромское епархиальное управление (канцелярия, склад, архив) и правящий архиерей с 1946 по конец 1980-х годов ютились в небольшом домике, который в настоящее время занимает одна семья¹. Дом был приобретён в те годы епископом Антонием, т. к. к тому времени здания епархиального управления не было².

Насчёт имущества, принадлежащего епархии, в частности транспорта, следует сказать, что в 1960-е годы имеется свидетельство о ряде уголовных дел, которые возбуждены по поводу неправильно оформленного транспорта. Приходское имущество оформляли на частных лиц, что имело последствием судебные разбирательства и фельетонные публикации в печати. О жёстком, «страшном», как выражался митрополит Волоколамский Питирим (Нечаев) в своих воспоминаниях, контроле фининспекции свидетельствовал он как о явлении церковной жизни тех лет³. Ещё пример: «В г. Нерехте бывший староста Чернов, используя тот факт, что купленная на средства религиозного общества машина “Волга” была зарегистрирована на его имя, пытался через суд получить машину в личную собственность»⁴. Из церковной жизни 1960-х годов и документальной базы видно, что имущество нецерковного предназначения доставляло много хлопот епархиальным управлениям и приходам. В связи с остротой проблемы и нарушениями советского законодательства Церковь была вынуждена в 1961 году отстранить священнослужителей от управления приходами, передав управление финансово-хозяйственной частью церковному сове-

ту. Никакой протест в данных обстоятельствах, даже в случаях невиновности священнослужителей, не принимался. Налицо была проводимая целенаправленно кампания по дискредитации духовенства. Отметим в качестве примера протест архиепископа Павла (Гольшшева), который напрасно пытался заставить редакцию газеты написать опровержение на клевету – обвинение в финансовой нечистоплотности, опубликованное в газете⁵.

В связи с утверждениями авторов биографии митрополита Антония о передаче им городским властям епархиальной библиотеки следует заметить, что передана была не литература духовного содержания, а 186 художественных книг, т. к. новое здание епархиального управления не располагало помещением для большой библиотеки. Об этом имеется документальное свидетельство⁶. Как видно, налицо некоторое искажение фактов. Уполномоченный пишет, что митрополит передал библиотеку, подразумевая большое количество книг, а в письме митрополита значится конкретика – передал художественную литературу, которая вполне могла представляться чиновнику библиотекой. Отметим, что для верующего человека художественная литература ценности не имела, поэтому и была передана в горсовет. Уничтожение документов дореволюционных консисторий и епархиального архива, которое инкриминируют митрополиту, также следует понимать с учётом обстановки, в которой он находился. В советский период истории нашего государства к литературе запрещённого содержания могли отнести любой подозрительный документ: поминовение императорской семьи, молитву о заключённых священнослужителях и т. д. Поэтому ликвидацию дореволюционных документов следует понимать не как «злую волю» митрополита – предателя интересов Церкви, а как меры предосторожности. Годы, когда было совершено уничтожение консисторской документации дореволюционного времени, были временем незалеченных ран от репрессий, когда священнослужители получали сроки за «контрреволюционную деятельность» и

¹ В настоящее время в доме проживает прот. А. Логвинов (прим. Д. С.).

² Личный архив прот. Дмитрия Сазонова (ЛАДС). Воспоминания монахини Лидии (Карпинской). 2019 год.

³ Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В. Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. – СПб., 2007. – С. 162.

⁴ ГАКО. Ф. р-2102. Оп. 5. Д. 44. Л. 21.

⁵ Сухорукова А. Воспоминания А. И. Кузнецова об архиепископе Павле (Гольшшеве) // Вестник ПСТГУ II: История. – 2007. – Вып. 3 (24). – С. 143–155.

⁶ ГАИО. Ф. р-2953. Оп. 4. Д. 12. Л. 39.

«антисоветскую агитацию», за хранение «контрреволюционной литературы», когда повсеместно в Псалтыри и другой богослужебной литературе было зачёркнуто слово «царь», «помазанник», каждое такое слово могло спровоцировать дело о дискредитации власти либо деятельности против неё. Так, найденная при обыске у архиепископа Костромского Никодима (Кроткова) поздравительная открытка от находящегося в ссылке в Семипалатинске бывшего ивановского митрополита Павла (Гальковского) была вменена ему как «связь с контрреволюционным элементом», а бланки о денежных переводах из-за границы с материальной помощью – как «шпионская деятельность»¹.

Следует добавить, что церковная среда не была исключением из общей среды советских граждан, где повсеместным явлением было доноительство и клеветничество².

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александр (Могилев), архиеп. Священномученик Никодим. Жизнь, отданная Богу и людям. – Кострома, 2001. – 350 с.
2. Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В. Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. – СПб., 2007. – 639 с.
3. Амвросий // Православная энциклопедия. Т. II. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. – С. 628–629.
4. Архив Ивановского епархиального управления. Годовой отчет за 1961 год. 15 с.
5. Архив Ивановского епархиального управления. Годовой отчет за 1964 год. 16 с.
6. Архив Ивановского епархиального управления (АИЕУ). Отчет за 1965 год. 23 с.
7. Архив Ивановского епархиального управления (АИЕУ). Отчет за 1968 год. 24 с.
8. Архив Костромского епархиального управления (далее – АКЕУ). Дело А. М. Лисициной. 35 с.
9. АКЕУ. Дело № 8. Переписка с Московской Патриархией с 1946 по 1953 год. 326 с.
10. Архив Костромского епархиального управления. Распоряжения по епархии за 1945–1953 гг. 354 с.
11. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издание Московской Патриархии, 1992. – 1371 с.
12. Василий (Кривошеин), архиеп. Воспоминания. Письма. – Нижний Новгород, 1998. – 498 с.
13. Волков О. Погружение во тьму. Из пережитого. – М., 2009. – 429 с.
14. Государственный архив Владимирской области (ГВАО). Ф. р-632. Оп. 8. Д. 3. 47 л.
15. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. р-2953. Оп. 1. Д. 367. 54 л.
16. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. р-2953. Оп. 4. Д. 12. Л. 60–61.
17. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. р-2953. Оп. 4. Д. 36. 52 л.
18. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. р-2953. Оп. 6. Д. 3. 41 л.
19. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. р-2953. Оп. 6. Д. 6. 56 л.
20. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. р-3501. Оп. 1. Д. 57. Л. 10–11.
21. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. р-1435. Оп. 2. Д. 57. 43 л.
22. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. р-2102. Оп. 1. Д. 35. 44 л.
23. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. р-2102. Оп. 5. Д. 44. 32 л.
24. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. р-2102. Оп. 5. Д. 51. 47 л.
25. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф-2102. Оп. 6. Д. 330. 36 л.
26. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-6991. Оп. 2. Д. 167. 194 л.
27. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-6991. Оп. 2. Д. 486. 186 л.
28. Государственный архив Ярославской области (ГЯО). Ф. р-1033. Оп. 1. Д. 55. 42 л.
29. Зонтиков Н. А. Храмы Костромского района // Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. – Вып. 2. – С. 68–71.
30. Крутов М. Епископы на службе Лубянки // <https://www.svboda.org/a/28989881.html> [Электронный ресурс]. Дата обращения 21.07.2020.
31. Лавринов В., протоиерей. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. – М.: Общество любителей церковной истории, 2016. – 736 с.
32. Личный архив прот. Дмитрия Сазонова (ЛАДС). Воспоминания монахини Лидии (Карпинской). – 2019. – 2 с.
33. Патриарх Алексей II: жизнь и служение на переломе тысячелетий / Коновалов В., Сердюков М. – М.: Эксмо, 2012. – 317 с.
34. Румянцев В. Из воспоминаний // Костромская земля. Краеведческий альманах. Приложение к серии «Костромская библиотека». – Вып. 6. – 128 с.
35. Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. – 800 с.
36. Свенцицкий А. Б. Невидимые нити: Церковь, события, люди. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. – 432 с.
37. Синодик священнослужителей и мирян Ярославской епархии, пострадавших в годы гонений. – Романов-Борисоглебск (г. Тулаев): Изд-во «Соборъ», 2003. – 103 с.
38. Сухоруков А. Н. Ермоген (Голубев Алексей Степанович) // Православная энциклопедия. Т. XVIII. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. – С. 648–653.
39. Федотов А. А. Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). – Иваново, 2009. – 999 с.
40. Филиппов Б. А. Очерки по истории России. XX век: учеб. пособие. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – 719 с.
41. Фуров В. Из отчета Совета по делам религии члена Центрального Комитета КПСС. – Нью-Йорк – Монреаль, 1991. – 80 с.
42. Цыпин В., прот. История Русской Церкви в 1917–1997. – М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. – 830 с.
43. «...Я возжелал заповедей Твоих». Памяти архиепископа Амвросия (Щурова). – Иваново, 2017. – 474 с.

¹ Александр (Могилев), архиеп. Священномученик Никодим. Жизнь, отданная Богу и людям. – Кострома, 2001. – С. 265–266.

² Свенцицкий А. Б. Невидимые нити: Церковь, события, люди. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. – С. 351.

Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН

Член Союза писателей России, член ИСП, поэт, прозаик, литературный критик. Автор пятнадцати книг. Публиковался в литературных журналах: «Наш современник», «Родная Ладога», «Невский альманах», «Волга», «Север», «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова», «День и ночь», «Российский колокол», «Свет столицы», «Подъём», «Вертикаль. XXI век», «Философская школа» и других; в альманахах: Академии поэзии, «Наше бессмертие. Русские поэты о вере и Боге» и др.

Обладатель золотого диплома Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь», лауреат литературного конкурса «Просвещение через книгу». Лауреат литературных премий: международной имени Михаила Платова, всероссийской имени Святого благоверного князя Александра Невского, премий имени Ярослава Смелякова, Ивана Бунина, Алексея Липецкого, Евгения Замятина, премий журнала «Север», журнала «Петровский мост». Обладатель большой серебряной медали им. Николая Гумилёва.

Действительный член Академии российской словесности, действительный член Петровской академии наук и искусств.

Книги Геннадия Рязанцева-Седогина переведены на болгарский и немецкий языки.

Живёт и работает в Липецке.

ПУТЁМ ЗЕРНА

Пахали в ночь. Погожие деньки.
Успеть, успеть посеять в землю зёрна.
Седые небеса пространны, глубоки,
Земля вздохнувшая покорна.

Кормилица и ласковая мать,
Тебе не занимать терпения и воли,
Ты не устала со смиреньем принимать
Людей, не помня ни обид, ни боли.

Падёт зерно в твою святую плоть,
Его пробудит дождь, взлелеют ветры.
Путём зерна, считая километры,
Пойду и я, благослови, Господь.

МЕЧТА

Я хотел бы жить с тобою
До конца под сельским небом,
С деревенской гольтьюбою,
С молоком и чёрным хлебом.

Чтобы ты была простушкой
В белом ситцевом платочке,
Чтобы на часах с кукушкой
Вместо чисел были точки.

Чтобы в летний день воскресный
Колокол звонил к обедне
И в церквушке нашей тесной
Ты стояла бы последней

В долгой складчатой юбочке,
Тихо зажигая свечи
И рукою юной, тонкой
Осеняя лоб и плечи.

ЛЮБОВЬ

Мы просто шли
Тропой тенистой сада.
Мы шли через века,
Несли свою любовь.
Любила стены ты
Старинного Царьграда,

А я на Рим
Заглядывался вновь.
Мы просто шли.
Мы век не выбрали.
Он оказался ростом
Невелик,
Ты телом шла вперёд,
Душою – по спирали,
Когда внезапно век возник.
Вдруг стало тесно,
Душно у перрона:
Ты сразу поняла,
Что он похож на Рим
Времён правления
Нерона
И страха, связанного с ним.
Ты поднялась,
Крестом сложила руки.
Подумал я:
«Так действует любовь,
Которая в пути
Не ведает разлуки
И, умирая,
Воскресает вновь».

БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ

Была здесь некогда излучина реки –
Остался склон с сожжённой травой,
Сюда коней гоняли мужики
Весенней целиною к водопою.

На самом дне, у склона, притаясь,
Пульсирует живой водой родник.
Над ним иконка – «Благоверный князь»,
Но время стёрло светоносный лик.

Среди густой травы ведёт тропа,
На камне жёлтом кружка и корец,
Но сохранила русская судьба
Над родником старинный голубец.

СОН

Отцу

Как счастлив я, когда приснится
Мне нежность строгого отца.
Июльский день. Овраг. Криница.
И гул пчелиный без конца.

Отец ко мне коня подводит,
И силою крылатых рук
Меня возносит, и поводья
Даёт. И мы идём на круг.

Так сладко пахнет свежим сеном!
И жарки конские бока.
Я чувствую своим коленом
Верблюжий волос армяка.

Отец потёртую уздечку
Сжимает в твёрдом кулаке.
Я сверху вижу нашу речку
И грозный кнут в его руке.

Как счастлив я, когда приснится
Мне нежность моего отца.
Тот жаркий день, наш круг, криницу
Я буду помнить до конца.

СОЧЕЛЬНИК

Ребёнку

Мы побредём с тобой, ребёнок,
В простор безбрежно-снеговой.
Твой голос так лучист и звонок,
Как этот неземной покой.
Зажгутся звёзды золотые,
Погаснет розовый закат.
Сейчас к тебе, моя Россия,
Прикован Бога нежный взгляд.
Нас ожидает нынче чудо,
Смотри, как светит на поля
Хвостатая звезда. Верблюды,
На них три статных короля.
Сосредоточенны их лица,
Одежды тканые, чалмы.
Они идут, чтоб поклониться
Младенцу Богу средь зимы.

Темно в России. Звёзды яркие,
Волхвы несут в своих руках
Неслыханные здесь подарки
В тяжёлых, крепких сундуках.
Пойдём с тобой верблюжьим следом.
Ты видишь: на краю села,
Укрытый снегом, словно пледом,
Вертеп и у ворот осла.
Нас встретит нежно Матерь Божья,
С высокой грустью чела,
Она сюда по бездорожью
Вчера с Иосифом пришла.
Внутри уж надышали жарко,
Стоят, склонившись, короли,
Младенец спит, и три подарка
Тревожат сон Его, смотри...

ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

В этой деревне над чёрною пашнею
(Думать об этом невмочь)
Ночью глухую, беззвёздную, страшную
Ходит боярская дочь.

С думой о батюшке, с думой о Родине.
Ходит и бродит века.
По берегам, где земля плодороднее,
Да и река глубока.

Дивная странница, душам приказчица,
Думы мои сбереги.
Жизнь моя катится, под гору катится,
Страшно, не видно ни зги.

Хватит, довольно земле припорошенной
Песни печальные петь.
Белое платье украсят горошины,
Будет приятно смотреть.

ВОСПОМИНАНИЕ

Отцу

Пройдёт зима, снега растают в поле,
И обнажится чёрная земля.
Я с грустью помыслию поневоле:
Вот минул год, к земле стал ближе я.
Я вышел из натопленной светлицы,
Где пахло кашей, печью и овсом.
Как далеки и как туманны лица
Любимой бабушки и матери с отцом.
В года далёкие... проснёшься поздно:
В избе светло, струится солнца свет,
Дрожит водица на окне морозном,
С портрета взгляд отца поры военных лет;
Так тихо, лишь трещат поленья...
Вдруг сердце мысль шальная поразит...
И нет следа от радости и лени,
И плачешь так беспомощно, навзрыд.

СВЯТОМУ ДУХУ

Ты утешаешь нас в часы молитвы,
Ты утешаешь нас в чужом краю,
Ты воина хранишь во время битвы,
У страшной бездны на краю.

Ты – Царь Небес, властитель истин вечных,
Тебе принадлежат тепло и свет,
Ты почиваешь в недрах бесконечных
Отца веков, галактик и планет.

Приходишь Ты дыханьем чутким ветра,
Прохладой новой утренней зари,
И нет нежнее и прекрасней света,
Он согревает души изнутри.

Приходишь Ты в явлениях страшной бури
И в грозных всполохах небес,
Когда нет в небе ни клочка лазури
И, замерев, стоит притихший лес.

ОБРАЗ

Вся наша жизнь поэзии полна!
Её волшебным ароматом сердце дышит,
Горячий воздух ветерок колышет...
Но как она невыразима и темна.

Мертвы на полках пыльных словари,
Слова твердим и повторяем снова.
Они для нас поэзии основа,
Но в них невыразимое внутри.

Так в духе сочетаний слов иных,
В повторах и провалах непонятных
Язык безумца росчерком невнятным
Находит красоту явлений неземных.

Но лишь тогда ты благостен, поэт,
Когда ты чувствуешь, что за тёмной гранью
Незрим бессмертный образ мирозданья,
Что нет страданья в нём и времени в нём нет.

* * *

Зимой сидели в доме старом
В кругу оставшейся родни.
Вдруг в дверь мороз ворвался с паром,
И вспомнились былые дни.
И вспомнился в далёком детстве
Избы натопленной уют,
Животные в родном соседстве –
Гербарий собранный жуют.
Вставал над дверью иней белый –
То мой отец студил избу...
Входила поступью несмелой,
Показывая худобу,
Кобыла наша,
Пригибаясь.
Светились тёмные глаза,
На морде струйкою, качаясь,
Текла согретая слеза.
Зима стояла у порога,
А лошадь фыркала в избе.
Впервые я увидел Бога
В той лошадиной худобе.

ТЕПЛО

Как будто не было снегов.
Смотри, уж роща зеленеет.
Ещё от влажных берегов
Туман едва заметный веет.

Палящим солнцем облита,
Земля летит теплу навстречу,
Живит и душу человечью,
И плоть травинки и листа.

Стою во мгле ночного сада
И слышу в сумраке немом:
Земля питает родником
Лозы бессмертной винограда.

РОЖДЕСТВО

Вмёрзли сосны в снега.
Колкий ветер с позёмкой,
И ребристую кромкой
По утрам берега.

Одинокая степь,
Перелески пустые
Да столбы верстовые,
Впору песню запеть

Про покинутый край
Сиротливого детства.
Только небо в наследство
Да обещанный рай.

ЗАКАТ В МАЕ

Закат окрасил облака,
Туман повис над луговиной.
Ни звуков птиц, ни ветерка,
Река в отсвете рыжей глины.

Пронзительна степная тишь.
Но ночью запоют цикады.
И этот высохший камыш
Озябнет от ночной прохлады.

ДВА НАРОДА

ЭССЕ

Демократия – это не чтобы не воровать, а чтобы воровать больше.

Роман Никандрович Васишлин

Как-то задался вопросом – а действительно ли на Земле живёт столько народов? И понял, что вопрос-то риторический...

Ещё не так давно, чуть более ста сорока лет тому назад (для истории – это всё равно что позавчера), была русско-турецкая война за освобождение Болгарии. У всех на слуху сражение на Шипке. Но мало кто знает, чего стоило русским стояние на Шипке в ту зиму. Особенно тяжёлое положение было на вершине Святого Николая, там в двадцатиградусный мороз солдаты не имели не только полушубков, тёплой шапки и рукавиц, но даже тёплых рубашек и тёплых портянок. Как были они с

осени в мокрой одежде и гнилой, разваливавшейся обуви, так и замерзали в них, превратившихся в ледяные, хрупкие, ломающиеся и не спасающие от мороза и от непрекращающегося пронизывающего ветра лоскутья. О тёплых землянках и печках и говорить не приходилось. Старшие офицеры дивизии, которая занимала эту вершину, в это время жили в долине в обустроенных помещениях, пили вино и хорошо ели. А ещё лучше жили интенданты, имевшие, как говорят некоторые либералы – любители рынка, хорошую маржу на солдатских тулупах, валенках и прочих вещах зимнего солдатского обихода...

А ведь могли бы на освобождённой территории организовать массовый сбор тёплой одежды и обуви. Справедливости ради следует сказать, что так и делали некоторые офицеры, к

сожалению, не из той вымерзавшей дивизии, самостоятельно, в индивидуальном порядке организуя силами своих солдат такой сбор в близлежащей местности. Были и болгары-добровольцы, что, рискуя своей жизнью, так как турки следили за передвижениями перед своими позициями и стреляли в случае чего, везли и несли продукты и что-то из своего небогатого имущества. Однако это не носило массового организованного характера...

Этому вопросу, в частности, посвящён роман Вениамина Каверина «Два капитана», в котором описывается, как экспедиция капитана Татарина на шхуне «Святая Мария» погибла в северных морях России из-за негодного, мягко говоря, обеспечения снаряжением, вещами и продуктами.

В этой связи вспоминаются и годы Первой мировой войны, когда интенданты делали хорошую прибыль, снабжая войска разваливающимися после первого серьёзного дождя сапогами, гнилым обмундированием и некачественным питанием, когда у войск сильно не хватало патронов и снарядов... А в это время в столицах рестораны полнились жирующими на солдатской беде теми, кого трудно назвать людьми.

В годы Великой Отечественной войны, когда советские люди воевали и трудились для фронта в тылу, гешефтмахеры всех национальностей и мастей неустанно делали свои деньги на народной беде. Даже в условиях ленинградской блокады они умудрялись наживать состояния и коллекции картин, драгоценных камней, редких книг и пр.

Список можно продолжать и продолжать, вспоминая Чечню и Донбасс, ad infinitum...

Вот и олигархи и коррумпированные чиновники (говорим без эвфемизмов) не с Запада пришли, и не инопланетяне их спустили нам из космоса. Они наши, кровные, возвращённые интернационалом воров, хапуг и барыг, род которых теряется в веках. И данное явление носит инклюзивный характер.

Так пришёл ответ на вопрос: а действительно ли на Земле живёт столько народов? Их всего-то два: порядочные и непорядочные. Последние делают всё, чтобы им было хорошо, невзирая на других, а то и просто наплеватьски относясь к ближним своим, частенько жируя и на костях их. На Земле живёт только два народа – народ Авеля и народ Каина. Последний и состоит не только из олигархов и нечистых на руку интендантов и снабженцев всех мастей, но также из убийц, садистов, грабителей и разбойников, т. е. из всех, не имеющих внутри императива, долженствования поступать гуманно, творить добро, заботиться о людях, а не иначе. К сожалению, капитализм всей историей своей доказывает, что он создание каинитское, то есть античеловеческое.

Яков ШАФРАН

Яков ШАФРАН
г. Тула

Член Академии российской литературы, Российского союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий: им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Его имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли тульской». Заместитель главного редактора – ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори», член редакционных советов: Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас», музыкально-поэтического альманаха «На лирической волне» (Тула, журнал «Приокские зори») и музыкально-литературного альманаха «Тульская сторона».

Не пора ли России подняться?

Николай ПОЛОТНЯНКО

УКРАИНА, 2014

Больная жизнь досталась веку
Кошмаром явленных идей.
Он породил страну-калеку,
На Русь озлобленных людей.

На что ей, жалкой, опереться,
Когда умами правит ложь?..
Мечта бандеровская с детства,
Чтоб москалю под душу нож.

Народ ограблен и унижен.
Христа замял наживы бес.
Страной на торжище бесстыжем
Торгуют оптом и вразвес.

Майдан, ослепнув, веселится,
Совсем не ведая о том,
Что в сердце каждого дымится
Отчизны гибельный разлом.

ТАК ЕСТЬ ОНА ИЛЬ НЕТ ЕВРОПЫ?

Ковыль от ветра сух и включен.
Течёт живой янтарь стрекоз.
В бездонном небе реет кобчик
И видит всё вокруг насквозь.

Даль неоглядна. Ветер свищет.
И в небо смерч встаёт столбом.
Что мы с тобою в поле ищем,
Всегда безлюдном и пустом?

И лишь намёком, что когда-то
Здесь был племён былинных шлях,

Курган виднеется покатым,
Хранящий богатырский прах.

Здесь шли бесчисленные толпы –
Арийцев диких племена.
Завоеватели Европы,
Чьи сохранились имена

В названьях стран, что есть и ныне,
Откуда к нам приходит ночь.
Но нет героев там в помине,
Давно уж их иссякла мощь.

И дух иссяк. Одрябли крылья.
Пред лже-Христом все пали ниц.
И толерантной веет гнилью
Из славных некогда столиц.

Так есть она иль нет Европы?
Ответ на это будет дан,
Когда свои натопчут тропы
К ней беглецы из знойных стран.

Когда в Европу хлынут орды
И захлестнёт её поток,
Что будет с ней, слепой и гордой,
Которой стал не нужен Бог?..

СТЕПЬ ДА СТЕПЬ...

Степь да степь промеж Днестром и Доном
Широко легла.
В мутном небе, зноем раскалённом,
Бьются два орла.

Два орла, единокровных брата,
Два орла-слепца.

От восхода бьются до заката,
Бою нет конца.

Рвут когтями, клювом, бьют крылами,
Грудью – в грудь.
Степь горит, и вновь бушует пламя
Воскрешённых смут.

Что их так внезапно ослепило
И толкнуло в бой?
Знает правду лишь Саур-Мои́ла
Да ковыль степной.

Далеко вокруг слышен злобный клёкот
Раненых орлов.
Застилают нивы смрад и копоть,
Братьев кровь.

Там, где кровь вражды на всех прольётся,
Жизнь пойдёт на слом.
Треснет степь и больше не срастётся
С Доном и Днепром.

ПАМЯТИ ГЕРОЯ АЛЕКСЕЯ МОЗГОВОГО

Покину я заплёванный асфальт
И уступлю другим смешное место.
И зябко обо мне сфальшивит альтист
Спешащего нетрезвого оркестра.

Но не об этом я хочу сказать,
А лишь о том, что кончатся дороги.
Есть время жить, есть время умирать,
Но нет его, чтоб подвести итоги.

Всё ненадёжно в суете сует,
Где все вошли мы в штопор или ступор.
И выйти из него – надежды нет,
Но если повезёт – то полутрупом.

Так надо жить, как не живут сейчас,
Чтоб болью павших трепетало Слово.
Саднит кровью пролитой Донбасс,
Но живы побратимы Мозгового.

И пусть комбриг предательски убит,
В строю поэтов для него есть место.
И в честь его душа моя трубит
Под марш Победы русского оркестра.

КТО РУССКИЙ ЕСТЬ

-1-

Славянские ль ручьи сольются
в русском море?..
Решит ли Русь свой роковой вопрос?
Иль не найдёт согласия в братском споре
На радость тем, кто кинул украинства кость,
Чтоб из народа сотворить народы,
Раздуть вражду меж ними, чтобы злость
И даже ненависть перечеркнула годы
Спасительного братства во Христе
Слепым грехопадением в свободы,
Утратой правды и блужданьем в пустоте.

-2-

Нестойка Украина, как тростник,
Колеблемый то Западом, то нами.
Но я не верю, что в какой-то миг
Враждебными мы станем племенами.

Ведь мы равны в несчастиях своих –
Развал Отечества и правда воровская.
И вера в то, что из краёв иных
Нас явится спасти судьба чужая.

Она пришла – и запылал Донбасс.
И ложь, и гнёт равно терзают нас.

-3-

Мир все прошёл этапы бытия,
От рабства и почти до коммунизма.
Все классы общества исчезли. Вижу я
Народ полуживой в поруганной Отчизне.

История России не погост.
Она, и в этом больше нет сомненья,
О русском единении вопрос.
Он должен быть решён без промедленья,
Вопрос вопросов, русскими людьми
На поле от Одессы до Перми,
От Чопа и до бухты Провиденья.

Как русским стать тому, кто по природе
русский,
Но объяснить не может, кто он есть
Ни самому себе, ни недругу, ни другу?
Он ведаёт одно: гнетёт его болезнь –
«Тоска по справедливости», и муку
Считает он за сокровенный смысл
Стоянья человека перед Богом.
Познание правды станет тем итогом,
К которому его стремится жизнь.

*Кто русский есть – вопрос души:
Что для неё всегда всего святее?
Кто в правде жив и мёртв во лжи,
Тот русский есть, и нет его русее.*

ЖИВ РУССКИЙ ВОИН МОЗГОВОЙ

Жив русский воин Мозговой.
И слышен глас его из гроба
Над потрясённою толпой:
– Я с вами, побратимы, чтобы
Наш строй не дрогнул боевой.

Не надо слёзы лить, не надо,
На радость подлому врагу.
Я не убит был из засады
И жив на русском берегу.

Я рядом с вами, побратимы.
Недолог мир, и быть войне.
Она спешит в кровавом дыме –
Мертвец на огненном коне.

Враг своего дождался часа,
Чтоб нашу волю подавить.
Но душу русского Донбасса,
Как и мою, нельзя убить.

Жив русский воин Мозговой.
И слышен глас его из гроба
Над потрясённою толпой:
– Я с вами, побратимы, чтобы
Наш строй не дрогнул боевой.

ШИНЕЛЬ

Над Красной площадью метель
Затмила свет стеною вязкой.
По Красной площади шинель
Шагала прямо к башне Спасской.

Метель навстречу ей мела,
Но та упрямо шла к воротам.
И с Мавзолея содрала
Муляж фанерный мимоходом.

Из урн, что с прахом, под стеной
Герои встали на поверку.
И вострепнулся часовой:
– Куда шагаешь?
– На примерку!

Вся из солдатского сукна,
Пропахла порохом и потом.
Шинель накрыть могла одна
Россию всю, со всем народом.

Враг близ порога. Кто сейчас
Надеть её герой достойный,
Как то бывало, и не раз,
Во все отечественные войны?

К кому сейчас она пришла?..
Про это есть слушок в народе,
Что никому не подошла
И потому ночами бродит.

Когда поднимется метель
Вокруг Кремля стеною вязкой,
По Красной площади шинель
Шагает прямо к башне Спасской.

ИКОНИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ И ТАЙНА ПРАВОСЛАВНОЙ ИКОНЫ

Интерес к иконам не ослабевает на протяжении многих лет и тысячелетий. Исторически сложились несколько подходов к изучению икон, которые различаются не столько по критерию представленных в них наук, сколько по ведущей цели исследовательского интереса.

Богословский подход центрирован на выявлении духовных основ самой иконы, процесса её возникновения, силы воздействия, исторической судьбы и т. п. Имеется, в частности, обширное святоотеческое наследие Византии, представленное трудами Афанасия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Кирилла Александрийского, Максима Исповедника, Дионисия Ареопагита, патриарха Никифора,

Феодора Студита, Иоанна Дамаскина, которые весьма глубоко и полно раскрыли духовную сущность иконы, механизмы реализации в иконе духовного опыта.

Философско-религиозный подход нацелен на рефлексию природы иконообразности, места иконы в картине мира личности и общества, аксиологической сущности иконы, разработку религиозно-эстетической концепции православной иконы. Этот подход широко представлен работами, относящимися к рубежу XIX–XX веков, и реализован в трудах русских учёных Д. В. Айналова, о. Сергия Булгакова, Ф. И. Буслаева, Н. П. Кондакова, Н. В. Покровского, Н. М. Тарабукина, Е. Н. Трубецкого, о. Павла

Флоренского и др. Важно подчеркнуть, что именно ими была сформирована методология изучения иконы. Позже эту традицию продолжили философы русской эмиграции П. Н. Евдокимов, В. Н. Лосский, Л. А. Успенский и др., а в наши дни – Н. А. Барская, В. А. Бачин, И. Л. Бусева-Давыдова, В. В. Бычков, Н. Н. Третьяков, И. К. Языкова.

Искусствоведческий подход во главу угла ставит внешне фиксируемые характеристики икон, анализируются их декоративно-прикладные функции, сюжетопостроение, техники живописи и т. п. Здесь можно назвать в первую очередь работы теоретиков изобразительного искусства М. В. Алпатов, И. Э. Грабаря, Н. Лазарева, О. С. Поповой, Э. С. Смирновой и др.

В рамках культурологического подхода икона рассматривается как текст культуры, предметом изучения выступают репрезентации в иконе сакральных смыслов, ценность феномена иконы в контексте культуры. Это направление относительно новое и прослеживается в основном в работах последних двух десятилетий. Здесь можно назвать исследования М. Ю. Бакулина «Иконописное творчество в русской православной культуре», В. Н. Колесник «Русская икона как духовная модель православного культурного космоса», Н. Г. Келеберды «Икона в контексте духовности», Е. Н. Лиманской «Икона в традиционной русской культуре», Е. В. Швыдкой «Смысл православной иконы и её содержание в храмовом континууме». Отдельно нужно отметить работы В. В. Липахина, в которых раскрываются внутренние смыслообразующие механизмы православной культуры.

Особняком стоит естественно-научный подход, в рамках которого представителями точных наук – таких как физическая оптика – рассматриваются характеристики иконы, связанные с её оптическим восприятием и теми законами оптики, которые в ней воплощаются и которые нарушаются. Данный подход реализован в работах академика Б. В. Раушенбаха.

Множественность подходов и внимание представителей самых различных областей как гуманитарного, так и естественно-научного знания к феномену иконы, как представляется,

связано с тем, что в ней заключена некая тайна.

Икона в том её виде, который дошёл до наших дней, является результатом долгой борьбы между иконоборцами и иконопочитателями, которая достигла пика в VIII–IX веках. Именно в этот период император Византии Лев III Исавр ввёл запрет на почитание икон, а затем последовало постановление церковного собора, получившего название Константинопольского, состоявшегося в 754 году. Другие его названия – Иерийский (по месту проведения в Иерийском дворце) и иконоборческий собор. На нём были приняты догматы, главные из которых: 1. Иконы повелевалось почитать за идолов. 2. Все поклоняющиеся иконам были преданы анафеме. Спустя почти сто лет, в 843 году, Второй Никейский собор эти догматы опроверг и было окончательно восстановлено иконопочитание.

Суть борьбы состояла в признании или непризнании права на иконическое изображение. В оросе Иерийского собора указывалось, что «...всякая икона, сделанная из какого угодно вещества, а равно и писанная красками при помощи нечестивого искусства живописцев, должна быть извергаема из христианских церквей».

Придание иконе легитимности и возвращение её в храм стимулировало исследовательский интерес к данному феномену. При этом любое исследование, касающееся икон и всего, что с ними связано, так или иначе содержит в себе явную или неявную попытку раскрыть секреты воздействия иконы на восприятие человеком того, что на ней изображено.

В достаточно большой и протяжённой исторической ретроспективе обращают на себя внимание некоторые смещения, а порой и просто ошибки эпистемологического характера. Наиболее принципиальная – это попытка анализировать икону как предмет изобразительного искусства. Она обусловлена объективным сходством иконы и картины. И там и там есть изображение, есть перспектива, есть цветовая палитра, видна рука автора и т. д.

Действительно, в иконе есть много элементов, роднящих её с изобразительным искусством, но при этом обращает на себя внимание

их ярко выраженная специфика. Иконическое изображение целиком и в каждой своей детали символично. В частности, крест – символ мученичества, копье в руках святого символизирует победу над тёмными силами, указующий перст, традиционно изображаемый в правом верхнем углу, означает Божественный промысел. Если на иконе изображена такая деталь, как лестница, то это не элемент интерьера, как в живописном произведении, а символ духовного возвышения и стремления к Богу; пещера – аллегорическое обозначение входа в преисподнюю и т. д.

То же можно сказать об одежде на изображённых на иконе фигурах. Шуба или пурпурная мантия указывает на принадлежность святого к князям, плащ (приволака) – к воинам, белый гиматий – одежда мученика.

Цвет в иконе также символичен, и эта традиция сохранилась ещё со времён Византии. Здесь можно обнаружить некую иерархию цветов в соответствии с обозначаемыми ими явлениями. Золотистый цвет – это символ Божественного света, это цвет святости, Царствия Небесного. Золотом пишутся нимбы, некоторые одеяния святых. Иногда его заменяет насыщенный жёлтый цвет. Бледно-жёлтый цвет, напротив, символизирует скупость, в таком цвете традиционно изображается Иуда Искариот.

Белый цвет символизирует святость, чистоту и невинность души, шире – праведность. Сходное значение имеет серебряный цвет, который обозначает чистоту плоти. Багряный или пурпурный цвет применяется иконописцами как символ царской персоны. Именно в таких цветах в русской иконописи изображали одеяния святых царей и князей. Красный же – это цвет Христовой крови, пролитой за веру, символ мученика, жертвы. Другие цвета также имеют строго определённое значение, изменить которое иконописец не имел права.

На иконе пишутся не лица, а лики. Их отличие в том, что черты обобщённые и нереальные; за счёт использования приёма изображения глубокого взгляда расширенных глаз возникает впечатление их отрешённости от мирской суеты, строгого, благого покоя и какой-то духовной

отягощённости, сочетаемой с безболезненной печалью.

В трудах византийских богословов – Иоанна Дамаскина, Феодора Студита и других – была разработана своеобразная теория символов, которая легла в основу иконописи. Она включала, прежде всего, иерархию образов, вершиной которой был Бог как первообраз, единый и сущий, первоначало всего. Бог – начало мира, Он вне мира, и Он невидим, неопишуем, непознаваем. Но человеку нужно к нему приблизиться, и для этого нужны какие-то образы Бога, которые могут быть поняты людьми. Бог сам являл свои образы ветхозаветным старцам в виде трёх ангелов, неопалимой купины, света с небес и т. д. И в этом плане образы иконы – это органичная реализация некоего Божьего, выражаясь современным языком, коммуникативного намерения.

Другой вид образов – Логос, осуществлённое слово Божье, воплотившееся в Христе. Это тоже образ, явленный Богом. Это лучший образ Бога – Сын. Как писал Иоанн Дамаскин, «Сын есть живое, естественное и во всём сходное изображение невидимого Бога, нося в себе самом всего Отца». Образ Бога через образ Сына может (и должна) запечатлеть икона. При этом символ – это означающее, но не означаемое, он лишь обладает сходством с тем, что он символизирует, поэтому «икона суть видимое невидимого и не имеющего фигуры, но телесно изображённого из-за слабости понимания нашего». Наконец, третий уровень образа – человек, в отношении которого ограничительные предписания минимальны, и здесь допускается изображение, имеющее некоторое сходство с оригиналом.

Время в иконе тоже весьма специфично. В реалистическом искусстве время и место всегда конкретны и однозначны. Иными словами, на картине изображается тот или иной человек – в конкретный период его жизни, пейзаж – в определённое время года или суток, событие – в момент его осуществления и т. д. В иконе же нередко изображаются вместе люди, жившие в разное время, один и тот же человек изображается дважды или несколько раз, на житийных

иконах можно одновременно наблюдать разные эпизоды жизни святого. Природа, присутствующая в иконе в качестве фона, также не имеет примет ни времени года, ни состояния погоды, ни конкретного освещения – оно чаще всего не имеет своего источника, т.к. свет падает отовсюду или с нескольких сторон, в силу чего ярко освещённые места на ликах святых, предметах одежды могут быть одновременно и справа, и слева, при этом тени в иконе практически всегда отсутствуют, что в живописи невозможно.

Всё, что было описано выше, вкуче с другими деталями и атрибутами иконы объединяется в композицию, которая приобретает целостность в контексте задаваемой иконописцем перспективы.

Как известно, перспектива и приёмы её живописного отображения ведут свою историю из Древней Греции и Рима, где использовались при изготовлении театральных декораций. Первым художником, применившим эти идеи в живописи, был Джотто ди Бондоне (1267–1332), а далее, с конца XV века, закон перспективы стал общепринятым в Европе, и это получило название «ренессансной перспективы». Цвет тоже «работал» на перспективу. Европейская живопись строится на разности интенсивности цветов, предметов на переднем и заднем плане; яркие предметы воспринимаются как стоящие ближе, более приглушённые – как стоящие дальше. Детали заднего плана «приглушены» расстоянием, и весь задний план даётся в сдержанных тонах.

В иконе используется так называемая обратная перспектива, которая создаётся расходящимися линиями. Это достигается за счёт того, что точка схода линий расположена не внутри изображения (на заднем плане), а перед ним, там, где находится зритель. В силу этого возникает впечатление, что все линии на изображении расходятся, как бы расширяя пространство образа. Такой приём позволяет выстроить все предметы на передней линии и изобразить их как с тех сторон, что доступны обыденному восприятию, так и со сторон, которые обычный глаз человека видеть не может. Это позволяет в иконе дать в развёртке предметы с пло-

скими гранями и прямолинейными рёбрами. Например, у фасада здания изображаются как фронтальная, так и обе боковые стены, у томика Евангелия могут быть видны одновременно обложка и сразу четыре обреза. Лик изображается как бы развёрнутым по плоскости: видны темя, виски, уши, и всё это обращено к зрителю. При этом иконописные «дефекты» усиливаются за счёт того, что мастер прибегает к приёму подчёркивания дополнительно изображаемых плоскостей и ракурсов. Эти плоскости (раскрышки) часто окрашиваются в яркие тона, выдвигаются вперёд и стремятся стать центром иконы. В итоге обратная перспектива иконы подчёркивается ещё и цветом.

Фон на иконе обычно более яркий, а одежды людей, которые находятся близко, тёмные и неброские. В этом случае передний план иконы оказывается как бы распластавшимся под воздействием божественного света, божественная энергия выгибает края изображения, предмет на иконе разворачивается, показываясь с трёх сторон, выявляя с наибольшей полнотой объёмную форму и пространственные соотношения.

Таким образом, обратная перспектива позволяет развернуть пространство изнутри наружу. Предметы, изображённые так, предоставляют зрителю возможность как бы осязать предмет глазами («кожность зримого» у Флоренского), дать почувствовать самодовлеющую жизнь изображённого, независимую от точки зрения (воли) воспринимающего, дать возможность ощутить объём предметов, одновременно представить их изнанку, оставляя при этом общую композицию плоскостной, не нарушая её прорывами в «глубину», которая неизбежна в «прямой» перспективе.

Но икона не портрет и не картина, иконописцы говорят, что прежде чем начать писать икону, нужно убить в себе художника. Художник – это, по определению, творец и создатель, реализующий себя, свои представления, свой взгляд на людей, события, явления. Иконописец же – посредник, который икону пишет, но не создаёт, ибо икона, по учению святых отцов, «небесное явление» и «подобие» Божественного. Живописец переносит на холст видимое,

MP

OU

Святая Пятъ Блженикъ

IC XC

S. NIKAS

мирское и телесное, а в иконе как раз и нет ничего мирского и телесного, её образы являют нам тайну невидимого.

Икона – это текст. Текст происходит от латинского слова *textus* – «ткань, соединение». Но это особый текст. Для его понимания нужно владеть определённым знанием и обладать специфическим сознанием. Главная черта этого сознания – символизм. Он был в полной мере присущ средневековому сознанию, которое воспринимало на равных мир видимый и мир невидимый, населённый духами, тёмными и светлыми силами, образами и пр. В этой связи икона должна была стать посредником между видимым и невидимым мирами, выступить зримым символом невидимого мира, используя для этого иконические образы.

Человек мыслит образами, а они, в свою очередь, опираются на результаты его же когнитивного и чувственного опыта познания мира. Поэтому для превращения образа в стимул духовного переживания нужно его представить в чувственно воспринимаемых формах, опирающихся на повседневный опыт личности. Здесь объективно доминируют технологии и методы живописи. В итоге невидимое изображается в видимых формах, сверхъестественное принимает очертания и выглядит как естественное. Небесное воплощается в земном, божественное – в человеческом.

Богословы часто подчёркивали, что не во всём образ подобен первообразу. Для того чтобы придать прочность связи между образом и изображением на иконе, требовался особый код, который определял и скреплял текст иконы и обеспечивал бы единую для иконописца и аудитории смысловую основу, облегчал их взаимопонимание и создавал своего рода барьер между иконой и тем, кто этим кодом не владеет. Этот код воплотился в форме канона. Канон определял до деталей действия иконописца, а владение кодом позволяло прихожанам реализовать готовность к личностному общению с теми, кто находится в духовном зоне – некоем пространственно-временном континууме, где открываются возможности совершить мистическую встречу со святыми образами, обратиться

душу к высшему, «горнему» миру, войти в своеобразный канал божественного света. Павел Флоренский писал об иконе: «Искусство *напоминательно*, по учению отцов VII Вселенского собора. В данном случае речь идёт отнюдь не о субъективной напоминательности искусства, а о платоновском *припоминании* – как явлении самой идеи в чувственном: искусство разрывает пределы мира условного и, начинаясь от образов, через посредство образов, возводит к первообразам».

Возвращаясь к вопросу о тайне иконного изображения, отметим, что анализ его вышеописанных особенностей, его сопоставление с «традиционной» живописью эту тайну до конца не раскрывает. Продвинуться в этом направлении, как представляется, можно, включив в контекст анализа того, к кому обращена икона, – человека.

Современному человеку икона часто представляется как произведение наивного искусства, созданное автором, который не изучал основы композиции, рисунка, не владеет перспективой и т. д. В этой связи кажется, что на иконе всё «неправильно». Однако академик Б. В. Раушенбах, занимаясь в 60-х годах прошлого века проблемой стыковки космических аппаратов, которая требовала точного визуального контроля за ходом сближения тел в пространстве, обнаружил, что человеческий мозг воспринимает пространство по законам линейной оптики лишь отчасти. Феномен иконы заинтересовал его именно в связи с тем, что иконописцы пытались изобразить пространство как можно более полно.

На основе сравнения различных изобразительных систем учёный пришёл к выводу, что пространство воспринимается человеческим глазом искажённо, но мозг человека корректирует эти искажения, и в итоге человек воспринимает окружающее пространство относительно адекватно. Б. В. Раушенбах ввёл понятие перцептивной¹ перспективы, которая соединяет в себе разные виды перспективы – прямую, аксонометрическую, обратную, – дополняя их

¹ Перцепция (от лат. *perceptio*) – чувственное познание предметов окружающего мира, субъективно представляющееся прямым, непосредственным.

субъективным опытом, перерабатывая на основе имеющихся в мозгу алгоритмов.

В контексте проблемы, рассматриваемой в данной статье, можно предположить, что каждый наблюдатель создаёт своё собственное представление о реальности, которое может отличаться от представлений других людей, наблюдающих те же объекты в то же самое время. Поэтому один человек проходит мимо иконы, лишь взглянув на неё, а другой застывает перед ней в благоговении перед прекрасным, ощущая её зов к молитве, испытывая душой энергетическое поле силы, излучаемой через икону из Царства вечного света, слыша внутренний Логос и тишину вечности. Это воцерковленный человек. Для него икона – своего рода окно между миром реальным и миром идеальным, между сиюминутностью и вечностью, это окно возможности преодоления ограниченного, падшего, земного мира и приобщения к свободе абсолютного бытия. Войти в пространство иконы и того пространства, что «за иконой» (да и увидеть его), может только человек, являющийся носителем религиозного сознания, верующий человек. У человека неверующего или же номинально верующего (в церкви делят посетителей на прихожан и заходжан) имеются определённые барьеры, которые возникают на основе зрительного восприятия, корректируемого предыдущим опытом и знаниями. У верующего этих барьеров нет, это своего рода эффект безбарьерного восприятия. Можно утверждать, что у человека невоцерковленного, и тем более неверующего, доминирует интеллигибельное восприятие иконы, т. е. основанное на рациональном постижении данного произведения, а у верующего человека восприятие иконы чувственное, т. е. чувственное.

Здесь мы подходим к ещё одному моменту, который в силу ограниченности объёма статьи можно обозначить в основном тезисно. Живописное произведение – это всегда, выражаясь современным языком, некая «дополненная реальность». Художник дополняет воспринимаемую им реальность либо социальным содержанием (И. Н. Крамской, И. Е. Репин, В. В. Верещагин), либо мистическими образами

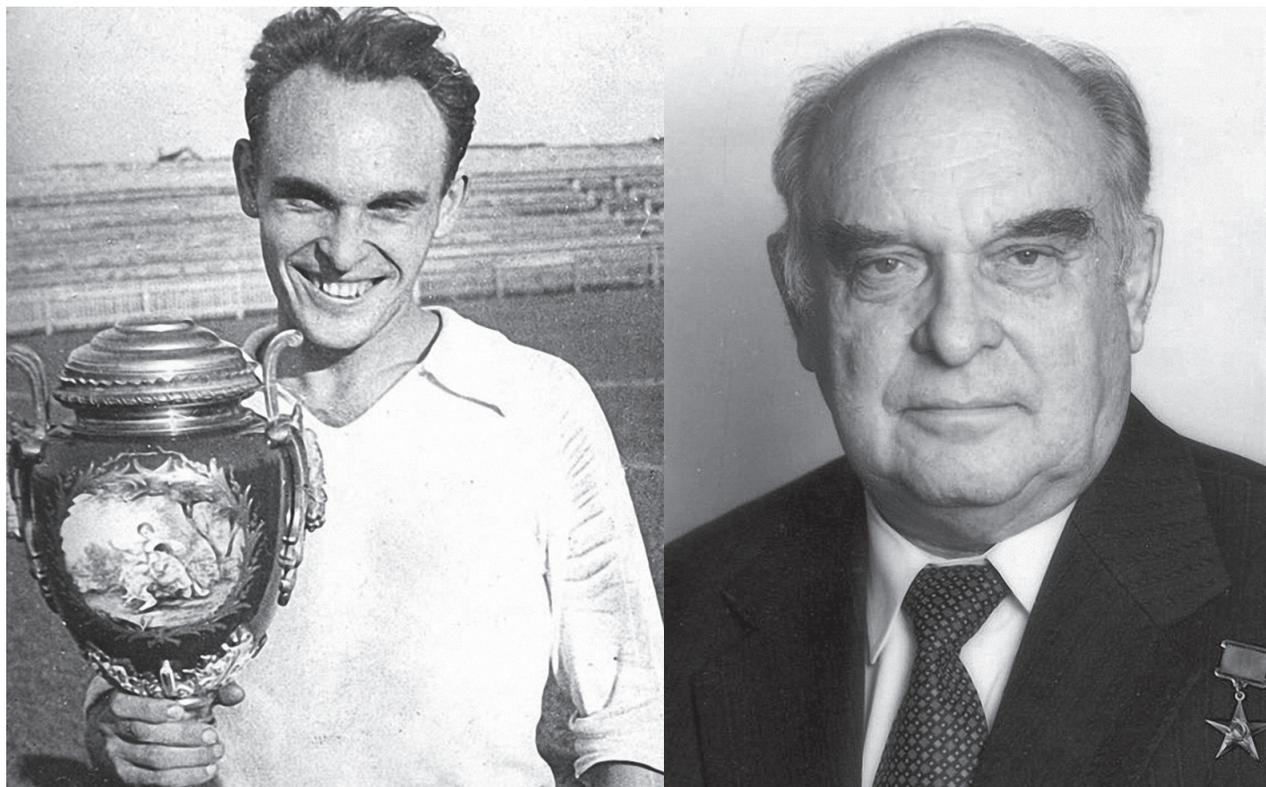
(прерафаэлиты, Г. Моро, М. А. Врубель), либо воображаемыми событиями (А. А. Иванов, Н. Н. Ге, М. В. Нестеров), либо знаковыми фигурами (Э. Нольде, Ж. Руо, С. Дали) и т. д. Для зрителя картина выступает в качестве некоего экрана, на который он проецирует себя, свой опыт, мировоззрение, мироощущение, свою психодраму и т.п. Его оценка картины в значительной мере зависит от степени совпадения некой «модели ожидания», с которой он подходит к этому живописному произведению, с «картиной обладания», которая возникает в процессе его восприятия.

Иконописец же в процессе написания иконы никакой реальности не имеет. Есть лишь священные тексты и канон. А у верующего человека, скорее всего, нет ни той, ни другой модели. У него есть своего рода «алиби в бытии», реальность не довлеет над ним, и он дополняет (а в сознании заменяет) иконное изображение духовным опытом, он совершает движение ввысь, причём не в пространственных, а в иных измерениях, воспринимает икону не в деталях, а целостно, синтетически.

Этому в немалой степени способствует то, что икона, будучи текстом, является ещё и частью гипертекста, в качестве которого выступает комплекс храмовых искусств – иконопись, богослужбное пение, церковное зодчество, колокольный звон, слово пастыря. Они помогают верующему обрести напряжение веры, осознать и прочувствовать, осуществлять постоянные усилия по преобразованию своего внутреннего мира. И икона играет в этом едва ли не ведущую роль.

Разумеется, в рамках статьи невозможно до конца раскрыть тайну иконы как явления, одновременно принадлежащего и миру искусства, и миру веры. Она является воплощением вечности и помогает понять, постичь и осознать многое в нашем художественном (и не только художественном) мире.

Никас САФРОНОВ,
*академик Российской академии
художеств, профессор Ульяновского
государственного университета*

Н. Тарасов – капитан команды Орехово-Зуева, 1938 г. Стадион «Сокол» (г. Ликино-Дулёво), где проходят с 2016 г. турниры имени Тарасова

РОДИЛСЯ ФУТБОЛИСТОМ, НО СТАЛ МИНИСТРОМ

Потомственного текстильщика со старорверскими корнями Николая Никифоровича Тарасова (1911–2010) из Орехово-Зуева не один год заманивали в большой футбол братья Старостины, но он предпочёл игре производство, хотя лидировал в прославленных командах, а в 1937-м стал даже серебряным призёром «Спартак». И в этом «вина» Никифора Никифоровича Тарасова-старшего (возглавлявшего у господ Морозовых строительный отдел на текстильной мануфактуре) и будущего премьера страны Алексея Николаевича Косыгина, посетившего «подмосковный городок», где «липы жёлтые в рядок», в довоенном 1939-м.

Николай Тарасов, по собственному признанию, никогда не жалел о своём выборе. И надо было видеть, как он горько плакал, когда в бандитские 90-е, во время разгула лихой приватизации, было загублено его детище – многолетний флагман текстильной промышленности Подмосковья и России Ореховский ХБК имени Клавдии Николаевой. «За что? Почему?» – безответно вопрошал он горе-руководителей. Зато у одного из них уже намечалась личная недвижимость в Испании, а в нагрудном кармане «грело совесть» удостоверение одного из доверенных лиц молодого президента... Подобные ему директора столько накопорезили

в известную эпоху, но ушли спокойно на пенсию. Недавно президент Путин признал, что в ваучерной чубайсовской приватизации 90-х принимали участие кадровые сотрудники ЦРУ, оформленные советниками в правительстве Ельцина. Так что без комментариев.

После судьбоносной встречи с молодым министром (в то время ещё «народным комиссаром») текстильной промышленности СССР Косыгиным инженер-технолог Тарасов укрепился в решении посвятить себя текстильному производству. Алексей Косыгин прибыл в Орехово-Зуево по причине сильного пожара на самой старой фабрике (бумагопрядильной № 1) Орехово-Зуевского хлопчатобумажного комбината. Фабрику в первой половине XIX века построил ещё дед Саввы Морозова, Савва Васильевич («Савва Первый»).

Умелыми профессиональными действиями молодого руководителя Н. Тарасова и его коллег последствия пожара были ликвидированы. А знакомство с молодым министром Косыгиным переросло затем в многолетнее плодотворное сотрудничество, взаимоуважение и настоящую мужскую дружбу. Косыгин взял «под контроль» работу начинающего директора и Ореховского комбината в целом. Алексей Николаевич умел помогать, но был сторонником трудовой дисциплины, строго спрашивал за просчёты, невзирая на должности, звания и тёплые отношения. И подобные факты не раз приводил в своих рассказах сын министра – учёный Е. Н. Тарасов, с которым мы плодотворно общаемся около десяти лет во имя памяти его отца.

11 декабря 2021 года в честь 110-летия почётного гражданина города в выставочном зале местного историко-краеведческого музея ореховозуевцы организовали презентацию почтовой карточки и её специальное гашение. В этом действе помимо широкой общественности приняли участие сын героя нашего очерка – доктор технических наук, ветеран ракетно-космической отрасли Евгений Николаевич Тарасов, председатель Орехово-Зуевского общества филателистов Фёдор Фёдорович Гопиенко, а также последняя из здравствующих Героев Соцтруда прядильщица, почётный гражданин города Валентина Егоровна Матвеева, хорошо знавшая

министра-земляка, и ветеран Футбольной национальной лиги, известный российский футболист, защитник, тренер, советник президента ФНЛ в 2020–2021 годах Сергей Бондарь (родом из Луганской области Украины)...

Орехово-Зуевский городской округ входит в экскурсионный маршрут «Текстильная столица Подмосковья и родина российского футбола». Николай Тарасов стал его знаковым лицом. Много доброго совершил он для земляков в родном городе: занимался техническим перевооружением фабрик, способствовал открытию современного домостроительного комбината, строительству новых панельных многоэтажек, санатория-профилактория, родильного дома, больницы, школ, детских садов, домов культуры, всячески поддерживал родную футбольную команду «Знамя труда», так что «непрофессиональные» футболисты в августе 1962-го вышли с хорошими показателями в финал Кубка СССР с донецким «Шахтёром». Существует народная легенда, что сам Никита Хрущёв, болея за любимый «Шахтёр», через своих помощников вмешался в финал Кубка. Причём «Знамя труда» на то время был единственным спортивным клубом, игравшим в финале Кубка, но никогда не выступавшим в высшем дивизионе.

В середине 1960-х, уже будучи министром, депутатом Верховного Совета СССР и кандидатом в члены ЦК КПСС, Тарасов здорово помог землякам в решении многолетней проблемы – в переселении из старых морозовских казарм в новое жильё.

Однажды Николай Никифорович постарался сделать так, чтобы старейшую и самую крупную городскую казарму «Самомазку» с несколькими тысячами жителей посетил очень влиятельный чиновник – приближённый к самому первому лицу государства Брежневу – и увидел всё своими глазами.

Необычным гостем стал бывший председатель КГБ, депутат Верховного Совета СССР, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Александр Николаевич Шелепин (1918–1994). В то время он возглавлял ещё и Комитет партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и Совете Министров СССР, одновременно являясь заместителем председателя Совета Министров.

Для него провёл экскурсию будущий генеральный директор Ореховского ХБК им. К. И. Николаевой, депутат Верховного Совета СССР и почётный гражданин Московской области Борис Андреевич Молодцов (1926–2007). Такая вот «прогулка в историю» сыграла решающую роль в принятии решения на самом высоком уровне о расселении ореховских казарм.

Под впечатлением от увиденного Шелепин убедил ЦК и правительство – накануне 100-летия со дня рождения В. И. Ленина – принять историческое решение. Благодаря этому «чуду» в течение короткого срока город Морозовской стачки приобрёл современный вид...

Двоюродным братом Петра и Николая Тарасовых был знаменитый орехово-зуевский, а затем и лучший всесоюзный вратарь довоенной эпохи Иван Рыжов (1907–1956), скромный в быту и неподражаемо-блистательный на игровом поле. Именно с него писатель и страстный футбольный болельщик Лев Кассиль «ваял» Антона Кандидова для популярного в советскую эпоху художественного фильма «Вратарь» (1936). О прототипе киношного героя много спорили, но, на мой взгляд, большинство аргументов всё-таки в пользу Ивана Рыжова.

С самого детства братья Пётр, Николай Тарасовы и Иван Рыжов («Ванец», как его ласково называли болельщики) любили в свободные часы погонять футбольный тряпичный мяч на просторах деревни Ионово – родового старообрядческого гнезда Тарасовых. Пётр учил младшего брата азам и тонкостям игры. Старший брат в своё время стал капитаном местной команды «Красный текстильщик», а потом капитаном выбрали и Николая. Но, как говорится, делу – время, потехе – час. Чаще всего братья помогали родителям в хозяйственных делах – рубили дрова, носили воду, заготавливали вместе со взрослыми сено для домашней скотины... Такая трудовая «зарядка» и строгое родительское воспитание были только на пользу юным футболистам. Шло время, и братья возмужали, позже поиграв в командах мастеров. Но профессионалом в футболе до конца остался лишь Иван Рыжов, передав затем свою любовь к спорту сыну Михаилу, правда, тот стал зна-

*Старший лейтенант РККА Н. Тарасов.
1943 г. Из архива Е. Н. Тарасова*

менитым не в футболе, а в хоккее, пятнадцать лет играл в составе ведущих ленинградских и московских команд...

А Пётр Тарасов, как и его родной брат Николай, посвятил свою жизнь текстильному производству. Проработал на комбинате более шестидесяти лет – в качестве главного инженера и главного механика. Мне довелось с ним встречаться несколько раз. Пётр Никифорович был уже в солидном возрасте, но футбольное мастерство не растерял, как и Николай Никифорович. Братья обладали тонким чувством юмора. Вели здоровый образ жизни, не курили, не увлекались спиртным, а в старости не игнорировали утреннюю зарядку, преодолели девяностолетний рубеж...

Однажды министр Николай Тарасов оказал большую (финансовую!) поддержку кинорежиссёру-земляку Леониду Марягину в реализации художественного фильма «Город невест». Премьера картины состоялась в октябре 1985 года в Москве.

Косыгин, Тарасов и Брежнев на ВДНХ СССР

Косыгин и Тарасов

Н. С. Хрущёв и Н. Н. Тарасов. 1963 г.

Съёмки проходили в Орехово-Зуеве, на его улицах, в общежитиях, в цехах и кабинетах дважды орденоносного Ореховского комбината и даже на квартире самого генерального директора Бориса Молодцова. Время съёмок и премьеры совпало с подготовкой и проведением 100-летия знаменитой Морозовской стачки.

В массовке фильма снялись десятки работников ХБК, жителей города. Говорят, не случайно и то, что фильм связан с биографиями земляков – Николая Тарасова и Бориса Молодцова, ведь автором сценария был сам режиссёр Леонид Марягин, выросший в текстильном городке.

В картине блистали звёзды советского кино: Георгий Жжёнов, Олег и Антон Табаковы, Людмила Зайцева, Наталия Белохвостикова, Любовь Соколова, Иван Рыжов, Игорь Ясулович, Николай Прокопович... Актриса фильма Ирина Чериченко в двадцать два года стала знаменитой на весь Союз. Музыка к фильму написал общий друг Леонида Марягина и Михаила Танича, композитор Ян Френкель – автор незабываемой мелодии для песни «Текстильный городок» Михаила Танича. Участник Великой Отечественной, кавалер нескольких боевых орденов старший сержант Михаил Танхилевич прибыл в Орехово-Зуево с семьёй в конце 50-х, отсидев шесть лет за антисоветчину – похвалил качество немецких дорог и радиоприёмников – и получив «волчий билет». Из Орехово-Зуева в середине 60-х он уезжал уже как автор известных советских шлягеров, в том числе и «Чёрного кота»...

Однажды со мной поделилась своими воспоминаниями одноклассница Леонида Марягина, ветеран педагогического труда, бывший преподаватель текстильного техникума (ныне – текстильного колледжа имени Саввы Морозова) Римма Петровна Агапова (Тарасова) – племянница министра Тарасова и дочь его старшего брата Петра Никифоровича (1907–1999).

Римма Петровна поведала, что одноклассники во время встреч в первой школе не раз просили Леонида Георгиевича снять фильм о родном городе. Однажды он это пообещал и слово своё сдержал. Одноклассница Тарасова подсказала ему обратиться за помощью «к дяде Коле».

Сын министра Н. Н. Тарасова ветеран ракетно-космической отрасли, д. т. н. Евгений Тарасов (слева) на Шестом турнире по футболу имени Н. Н. Тарасова. 27 июня 2021 г.

Презентация почтовой карточки в память о Н. Н. Тарасове в выставочном зале краеведческого музея г. Орехово-Зуево, 11 декабря 2021 г.

По словам племянницы министра, несколько аудиторий местного текстильного техникума с разрешения администрации съёмочная группа использовала под гримёрки и реквизит. Здесь же прошла и встреча популярных артистов со студентами. Естественно, были и автографы, и редкие по тем временам фотографии с настоящими звёздами советского кино.

На недавней декабрьской встрече Евгений Николаевич Тарасов поделился с ореховозуевцами: «В "горбачёвском" восемьдесят пятом, – сказал он, – отец не собирался на заслуженный отдых, ощущал в себе силы продолжать трудиться на благо Родины. Однако первой леди страны Раисе Максимовне не понравилась ткань, из которой ей сшили деловой костюм. Она, разумеется, пожаловалась "отзывчивому" мужу. И первый (и последний) советский президент (как и последний генсек ЦК КПСС) товарищ-господин Горбачёв в одну минуту решил участь министра-косыгинца. Да так решил, что Николая Никифоровича не только лишили его должности, но и заблокировали ему всю информацию о дальнейшей "модернизации" лёгкой промышленности СССР...» Может, потом и икалось не раз Горбачёву, когда, потеряв свою родную текстильную промышленность, мы в девяностые накинудились на турецкий и китайский ширпотреб, нередко почёсываясь вместе с детьми то ли от «удовольствия», то ли от аллергии.

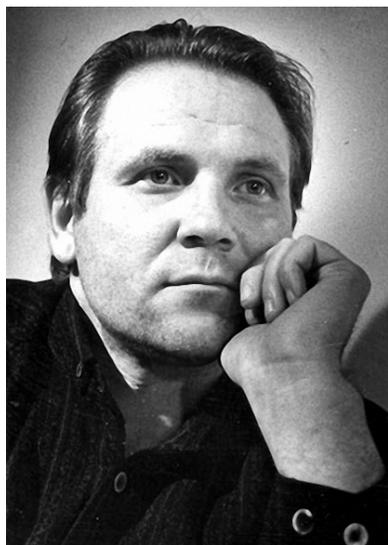
Приблизительно за год до кончины известного кинорежиссёра Станислава Говорухина я написал ему письмо с предложением снять

документальный фильм о земляке, бывшем министре лёгкой промышленности СССР Николае Тарасове, и коротко рассказал о его удивительной судьбе. На это Станислав Сергеевич так же лаконично ответил, что Николай Никифорович Тарасов – весьма достойный человек и судьба его может стать украшением любого фильма с хорошим сценарием и сильным актёрским составом. Но... время самого Говорухина (по его словам) расписано надолго вперёд. Вероятно, он чувствовал, что ему оставалось уже немного... Жаль, мог получиться хороший фильм, как это всегда делал Мастер.

Летом 2021 года даже сильная российская жара не помешала азарту ветеранов местного футбола. На легендарном ликино-дулёвском стадионе «Сокол» (где с 1937 года выступали звёзды советского спорта, в том числе не раз и Лев Яшин) вновь сошлись ветеранские команды. На этот раз из Орехово-Зуева, Ликино-Дулёва, Куровского и Павловского Посада. Встретились, чтобы в настоящей мужской игре отстаивать право на переходящий Кубок имени Николая Тарасова.

Память – это, скорее всего, благодарность и любовь людей и времени. Николай Никифорович, по моему мнению, её заслужил своим многолетним верным служением людям, землякам, лёгкой (лёгкой ли на самом деле?) промышленности, малой родине, а в конечном итоге – Отечеству.

Евгений ГОЛОДНОВ

ПО ТУ СТОРОНУ СОБСТВЕННЫХ СИЛ

Поколению, которое пришло в мир в Советском Союзе в 1950–1960-х годах, в середине жизни досталась нелёгкая ноша: войти в эпоху перемен, разрушивших огромное пространство родной страны, расколовших её, взмутивших отравой неприязни взаимную терпимость многонационального разнообразия, распылывших целые роды, поправших труды и память предков. Ушёл былой идеологический, экономический, трудовой, социальный, бытовой, нравственный уклад. Привычная триада «мир, труд, май» сменилась «чёрным октябрём», ознаменованным расстрелом парламента, локальными конфликтами, торгашеским духом, безработицей-безденежьем и кредитным рабством. То, что грядёт впереди, оптимизма не вызывает: историческая перспектива страны неясна, неопределённость судьбы детей тревожит...

Писатель Василий Киляков – именно из этого поколения.

Известен он читающей публике, прежде всего, как прекрасный прозаик, создатель повестей и рассказов, опубликованных в журнальной периодике и собранных в книгу «Посылка из Америки». Узнаваем как автор, который с болью пишет о гибнущей русской деревне, о тоске городского человека по распадающемуся крестьянскому обиходу и уходящим в небытие родовым корням, об утрате современником нравственных ориентиров. Привлекают внимание читателя и содержательные, полные точных наблюдений и зрелых умозаключений кильяковские эссе, литературно-критические работы, лично окрашенные «Записки пожилого человека» – свидетельства эпохи.

Острота мировосприятия, равнодушие к народным бедам, умение увидеть, понять самое важное и из случайных, на первый взгляд, деталей создать достоверный и западающий в душу образ – вот что характерно для творчества писа-

теля. За воплощёнными им художественными явлениями всегда стоит личность автора – и она по-христиански милосердна, внутренне чиста и добра. Именно эти особенности творческого характера обусловили то, что самое сокровенное, не до конца высказанное, дорогое доверено Киляковым лирической стихии.

В его поэтическую книгу «От истока к устью» вошли избранные стихотворения разных лет. Три её раздела – «По дороге неторной, ковьильной», «Неповторимое», «Дар и Вечность» – соответствуют хронологии жизненных событий автора лишь отчасти. Каждый из разделов оказывается напоён своими тематическими источниками. Первый – впечатлениями странствий по «поселению вольному – России», детскими воспоминаниями, благодарным ощущением «бытийности – в теле», полном сил, новизной встреч и поисками своего места в мире. Но в таком раздольном, многокрасочном живом око-

ёме уже настигает лирического героя тоска по подлинности и ранняя усталость: раздражают дураки и дороги, мучает предательство и боль утрат, тяготит бессмысленность усилий и конечность человеческой жизни. Он, обретая в родном доме «чувство одиночества и Бога», понимает, что впереди ждёт путь иной, который, скорее всего, окажется нелёгок и призовет к действию «по ту сторону собственных сил».

Фигура лирического героя привлекательна: он не боится брать на себя ответственность за принимаемые решения, готов к взаимодействию с миром и даже к упрямому противостоянию ему. Но прежде необходимо сосредоточиться на главном, сблизить духовные горизонты, проявить и уточнить пока ещё размытые собственные внутренние очертания. Через ошибки, падения и потери придёт желание «стяжать дух мирен», потребность определить свои сердечные скрепы и точки опоры в земном бытии, воспитать в себе умение молиться и дарить радость другим. Только так обретается «душа, что теплее воска».

Этот выбор всегда индивидуален, неповторим, рождён уникальным опытом. И личные обретения – любовь к жене, нежное и бережное отношение к детям – дадут силы продолжать движение в самых трудных обстоятельствах. Таким смыслом наполнены стремительные, изменчивые воды второго раздела книги, названного «Неповторимое».

Имя третьего – «Дар и Вечность» – говорит само за себя. Здесь поэт – свидетель времени, поднимающий, возвышающий душу над суетой мира, оценивающий и собственные поступки, и происходящее на земле с точки зрения христианина, чья жизнь устремлена в Небеса. В материальном мире, следуя законам земного притяжения, река прокладывает русло от истока к устью сверху вниз, от возвышенности спускаясь в долину, вбирая притоки, становясь более полноводной, спокойной – до той поры, пока не сольётся с морским простором. Но путь духовной реки – а именно он определяет интонацию поэтической книги Василия Килякова – парадоксально направлен снизу вверх и стремится к той дальней высокой линии горизонта,

которая может лишь чудиться, угадываться в самом начале. Но именно с нею в конце концов и сливается он в своей наполненности зрелым чувством, пережитым опытом, главным смыслом земного бытия. Не с раздольной ширью водной глади, не с мерным звуком океанской волны – а с величием непостижимого Творца видимого и невидимого мира.

Уже в первом разделе намечен этот «вертикальный вектор» осознающей себя души героя. Когда, вглядываясь в ночную тьму, он ощущает необъятность бездны, с которой оказывается лицом к лицу:

*А там, в мирах иных полей,
так мрачно облака теснятся,
что хочется к земле прижаться,
как в детстве – к матери своей.*

Когда недоуменно вопрошает: «О каком таком мире – и здесь, и нигде – твоё сердце мечтает, мечтает?..» Когда в момент сосредоточенного погружения в чтение, в область подлинного литературного слова, вдруг чувствует, «как от туч ледяная луна – душа освобождается от тела».

Когда доверительно и просто признаётся «тёзке-васильку»: «Как ты, я в землю врос навеки, а тянет – к Небесам».

И наконец, когда оказывается готов к выходу из зоны душевного равновесия, которая ассоциируется у автора с миром детства и юности, с «берёзовой рощей заречья»:

*Не вернусь я сюда,
я уйду по дороге неторной, ковыльной –
в Небеса,
где смиренность, любовь
и печаль.*

Подлинная поэзия всегда связана с поэта́нной жизнью сердца, она одновременно и созерцательна, и самоуглублённа. Но приходят смутные времена – и знакомый с детства мир прощается с гармонией тишины и покоя. И оказывается, что душа поэта мучительно зависима от приходящих извне образов, от грядущих новшеств и уязвима перед сторонними воздействиями: она трепещет в потоке событий, как обнажённый нерв, если творческий человек честен перед своим даром. И, видя крушение

многих человеческих судеб в переломные моменты истории, остро ощущая скоротечность жизни, её хрупкость под напором наступающего хаоса, поэт вопиет о милосердии, как библейский Иов. И не перестаёт вопрошать – и себя самого, и вечные Небеса – об Истине, о смысле свершающихся потрясений, даже по ту сторону собственных сил...

Василий КИЛЯКОВ

* * *

Кричит испуганная птица.
Ночь распахнулась, как крыло,
и на уснувшее село
холодный лунный свет ложится.
Я, очарованный луной,
смотрю на дальнее светило.
И вдруг очнулся: что за сила!
И что за бездна надо мной!
А там, в мирах иных полей,
так мрачно облака теснятся,
что хочется к земле прижаться,
как в детстве – к матери своей.

НОЧНОЕ

Река дышала, словно вечность.
Звенели жабы до утра,
ругая жизни быстротечность
и пламя моего костра.
Река плескала и дремала,
и девки пели на току...
Семья лосей переплывала
в восходе плоскую Оку.
Лось плыл и шевелил ноздрями,
хрипел, костра глотая дым,
и даже звёзды егерями
застыли, улыбаясь им.
Потом на берег перевозданный
все выбрались –
и затрубил
сохатый дико и гортанно
в избытке грозных, дерзких сил.

* * *

На сеновале поселился я
и здесь живу на свежем, душном сене.
Корова да баран – вот вся моя семья,
а вместо тюфячка – котомка на полене...
Раскосый взгляд двух щелей надо мной –
в них Неба вечность...
Всё замкнулось.
Дождём холодным и весной
душа, как пашня к семени, проснулась.
И жизнь сама – как яблоневого сада:
вчера прозрачен, завтра – бел и розов...
Дед трёт виски и курит самосад.
И курица клюёт, гребёт в навозе...
А бабка Поля гонит самогон,
над вешним садом – чад от барды,
и на крыльце играют в карты
мальчишки, как гусары: на патрон!

ВСЁ ЖИВОЕ

Дождь пробежал – грибной, несчастый.
Играет пескарями брод,
и, как овец печальный пастырь,
пасёт три тучи небосвод...
Я в лес нырнул, я стал невидим – зелень!
Кромсает небо пахарь-самолёт...
Встаёт заря – как петушинный гребень,
и самолёт, как клюв, её клюёт!

ПАМЯТНЫЙ ПОКОС

Извечной грусти полон зов кукушки,
и шапки пламени, и писк ольхи в костре,
и кислый квас из оловянной кружки,
и дальний окрик дружных косарей...
Как в этой зорьке ветрено и зябко!
Всё больше дел, всё меньше – сил и слов.
И долгий-долгий взгляд кухарки с тряпкой,
и сладкий пар вскипающих котлов...
Совхозные за речкою покосы,
и жеребёнка с маткой росный бег...
Кухарка – девочка.
Мы счастливы и босы.
И долог день,
как век.

* * *

Как хорошо в горячий летний день,
 пережидая полдень косовицы,
 у старых ив найти густую тень
 и на траву устало опуститься.
 Зной безнадежно ровен и глубок,
 но тем отрадней из прохладной чащи
 смотреть на зыбкий марева поток,
 текучим хрусталём кипящий.
 Кузнечиков песчаный звон
 то скупно-сух,
 то так прозрачно-тонок...
 И в небе, кажется, поёт не жаворонок,
 а летний зной поёт.
 И клонит в сон...

* * *

Край корявый мой, край мой древний,
 где в дождях – паутины грибниц...
 Я хотел бы уехать в деревню,
 я устал от людей и больниц.
 Чтоб опять мне по горло – туманы,
 чтобы небо – лазурь со стекла,
 чтобы бойкий петух горланил
 и заря на ладонь легла.
 Чтобы в лодке рыбачьей – течи,
 чтобы реку туман ласкал...
 Что ж ещё в этой жизни беречь нам,
 как не запах ржаного куска?
 Налетай, огольцы и плотвицы!..
 Мякиш я разомну-раскрошу,
 родниковой святой водицы
 вместе с солнцем черпнуть поспешу.

* * *

Вновь сирень плеснула в подоконник,
 вновь я жить хочу!
 Под луной широк и светел конник –
 хоть на нём ночуй.
 Хоть ложись к окну – мечтай на звёзды,
 по-мальчишьи, в дым...
 Ветер пьёт сиреневые гроздья,
 трогает гряды.
 Тихо входит в душу ужас бездны:

«Беспределен мир?!»
 Небо надо мною – омут звездный
 с чернотой дыр!..
 Крест иконным ликам – от порога!
 Дома как в гостях:
 чувство одиночества и Бога...
 И вселенский страх!

* * *

Ночь! Такая звездынь – не до сна!
 Тёплый ветер углей не потушит...
 И сиреневая тишина
 бездной Божьей упала в душу.
 Догорает дорожный постой,
 захрапев, стригунок встрепенулся...
 Тонкий месяц над рыжей рекой,
 как ребёнок, во сне потянулся.

* * *

Я бы век промолчал здесь,
 в берёзовой роще заречья:
 словно вновь я вернулся на землю,
 как будто бы жил уже здесь...
 Всё по-новому ясно,
 и понятнее – всё человечье,
 и теплее молитва,
 и святая – любовь, а не месть.
 Песню льёт жаворонок,
 и пробуют голос кукушки...
 Сколько здесь я дышу?
 Полчаса? Или час?
 Или день? Или век?
 И берёз золотые, с поклоном, верхушки
 протянулись к небесной,
 бездонной для всех синеве.
 Как случилось,
 что жизнь прокатилась бесследно, не пыльно?..
 Слишком рано, так рано в туманы окуталась даль!
 Не вернусь я сюда,
 я уйду по дороге неторной, ковыльной –
 в Небеса,
 где смиренность, любовь
 и печаль.

**Материал подготовила
 Римма ЛЮТАЯ**

В СТАРОМ ПАРКЕ

В старом парке царит одинокий покой,
Обречённо склонились немые деревья.
Чистый воздух пропитан дубовой корой,
И утихло привычное птичье веселье.

Тишина. Ни души. Лишь дрожащий листок
Бездыханно парит под воздушным гипнозом.
Догорает зари вдалеке огонёк,
Предрекая визит запоздалым морозам.

А на небе луна зажигает огни,
Не спеша, выжидая приверженность ночи.
И внезапно на лоно уснувшей земли
Вдруг посыпались белые снежные клочья.

Грациозно снежинки порхают, летят –
Волшебства новогоднего хрупкие маски.
Украшая весь парк в серебристый наряд,
Сотворяя шедевр для рождественской сказки!

НЕПРОЩЁННЫМ

А жизнь тогда имеет цену,
Когда поступкам нет цены!
Нельзя прощать друзьям измену!
Не для того мы рождены,

Чтоб боль терпеть от тех, кто в спину
Посмел вонзить коварно нож.
Кто верил в нас наполовину,
Улыбкой прикрывая ложь.

Лжеца не вылечить прощеньем!
Оно как масло для огня.
Все эти клятвы искупленья
Вины за подлость – болтовня!

Пусть те, кого любили слепо,
Кому мы стали вмиг чужи,
Познают боль, что так свирепо
Несут предательства ножи.

Евгений ХАРИТОНОВ

Родился 12 ноября 1985 года. Живёт в г. Белгороде. Член Союза белгородских литераторов. Победитель, лауреат, финалист всероссийских и международных литературных конкурсов. Публиковался в журналах: «Берега», «Александръ», «Звезда Востока», «Бийский вестник», «Пять стихий», «Северо-Муйские огни», «Наша молодёжь», «Белая скала», «Сибирский Парнас», «Причал», «Ротонда», «Рассвет» и т. д.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ АВГУСТА

И солнце как солнце. И небо как небо.
Но чувствую, осень закинула невод
И тянет его по долинам и логом,
По хоженным ею веками дорогам.

К реке прикоснётся, волну поднимая,
С величием буйство воды принимая.
Свернёт на аллею по старой брусчатке,
Оставив на кронах свои отпечатки.

Устроит в безоблачном небе полонку,
И дождь морозящий за нею вдогонку
Пошлѣпает, будто доверчивый странник –
Осенней тоски подневольный избранник.

И вскоре, пусть этого мы не хотели,
Мир станет тускней. Лишь зелёные ели,
Над осенью вновь показав превосходство,
Возьмут до весны над лесами господство.

СТАЛИНГРАД

Я бывал на земле Сталинграда.
Кто-то скажет, что в прошлом война.
Нет, ребята, подобного ада
Не забудет вовеки она!

Видел я, как карабкалась Волга
На бетонные стены в порту
И как пены застывшая корка
Вновь и вновь выводила Звезду!

Как парили в безоблачном небе
Стаи чаек, покинув причал.
Мне казалось, они о Победе,
О Великой Победе кричат!

В дни метелей и летнего зноя
Продолжает душою страдать
За солдат, не пришедших из боя,
Многодетная Родина-мать.

Ничего не забыто с годами,
Славный подвиг в летах не исчез.
Даже звёзды горят орденами
На бескрайнем мундире небес!

Если будете здесь, поклонитесь
Вы у братской могилы солдат.
И за души всех тех помолитесь,
Кто погиб, чтобы жил Сталинград!

АБРИКОСОВАЯ ОСЕНЬ

Лесов оранжевые косы
Глядят в остывшие пруды,
Как будто снова абрикосы
Свои развесили плоды.

И сыплют их себе под ноги,
А те бегут куда-то вдаль
По старой хоженной дороге,
Листая жизни календарь.

К 25-ЛЕТИЮ РАЗВАЛА СССР

Впитали горечь алые рябины,
Услышав в преддверной тишине,
Как спорят захмелевшие мужчины
Под окнами о верности стране.

Безумье в головах или расплата
За наши опустевшие сердца?
Глядят с фотоальбомов виновато
Все те, кто был с Россией до конца.

Традиции забыты и немодны,
В театры не застать очередей.
Мы стали наконец-таки свободны
От разума, от чести, от идей.

Брезгливые к улыбкам человека,
Попрытались в квартирах за дверьми.
А ведь прошло всего лишь четверть века
С тех пор, когда мы были все людьми.

(2016–2021)

ВСТРЕЧА СО СМЕРТЬЮ

Я видел такое, что многим не снилось –
Как сердце живое в груди торопилось
И вдруг замолчало... И больше ни звука.
Не слышится с жизнью былой перестука.

Как взгляд человека мгновенно тускнеет,
Как тело горячее вмиг холодеет,
А воздух становится приторно-душным.
Лишь стрелки часов на стене равнодушно

Всё так же спешат, не заметив потери –
Как чья-то душа приподнялась с постели,
Оставив лежащей свою оболочку
И память, с которой мне жить в одиночку.

ВЕСЕННЕЕ

Лёд на озере трещит,
Как дрова в советской печке.
Скоро солнце истощит
Рыхлый снег лучистой свечкой.

Снова южные ветра
Будут дуть в тугие щёки.
И почувствует кора
Под собою кровотоки.

Будто бы из-под земли,
Из глубин хрустальной клетки
Разлетятся соловьи
На взлохмаченные ветки.

Побелеют на глазах
Облака – небес подвески.
И поселятся в лесах
В синем бархате пролески.

ПОТОМОК

Вольёт в себя стакан холодной водки,
Заест её фрагментом огурца,
Приняв тепло с могильной старой фотки,
Где выгорели контуры бойца.

Внушит себе, склонившись пред могилой,
Что отдал долг, явившись раз в году.
Затем начнёт срывать неторопливо
Подросшую по пояс лебеду.

Второй стакан с души печаль не смоем,
Но ни к чему традиции менять...
Сидит потомок, пьёт и Бога молит.
О чём? Да разве может кто понять?

Душа цветёт от алкогольной смазки.
Весенний ветер гладит деревца.
А лучше б взял он кисть и банку краски
И освежил оградку у бойца.

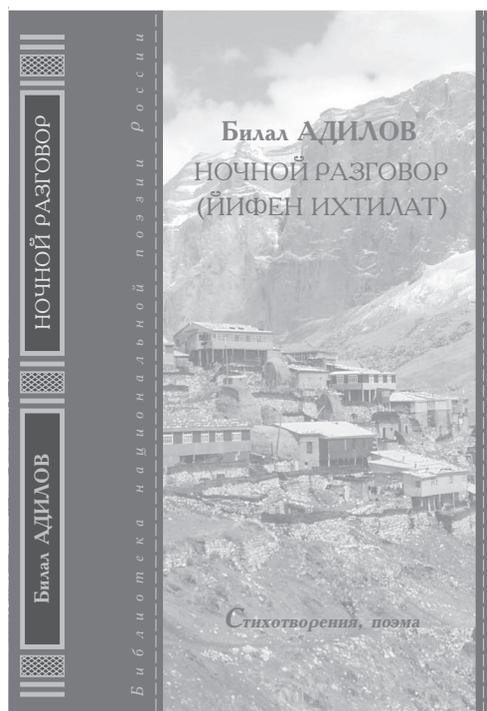
Когда зима раскинет сети,
Пленив сугробами дворы,
Из дома выбегут соседи,
Чтоб выбить пыльные ковры.

Я тоже из дому наружу
Пойду к метелям напрямик,
Снегами очищая душу –
Свой запылённый половик.

Василий ЛАТЫНИН
(перевод с Лезгинского)

ДУШЕВНЫЙ «НОЧНОЙ РАЗГОВОР»

Книжная серия «Библиотека национальной поэзии России», выпускаемая редакционно-издательским домом «Российский писатель» по инициативе Совета по национальным литературам Союза писателей России, недавно пополнилась новым презентабельным томиком современного лезгинского поэта Билала Адилова. Книга продуманно составлена Раидой Ревшан (Саидовой) и со вкусом оформлена рисунками с кавказским колоритом художником Дилярой. На такой книге невольно задержался взгляд.

Взять в руки, раскрыть книгу поэзии – к этому всегда толкает особое состояние души, прилив чувственного возвышения, переполняющих сердце и ум эмоций. Нужно испытывать жар, плавящий грудь и голову, жар любви к женщине, к родине, счастья свидания с женщиной или с родиной, или же, наоборот, огонь ненависти, тоски из-за невозможности счастья, чтобы искать на книжной полке столь же сильного, встречно созвучного сопереживания, каковое можно найти только в поэзии.

Отличие литературы от других видов искусства в том, что и музыка, и живопись, и тем более танец или театр ищут аудитории, и чем

воспринимающая аудитория шире, тем больше их воздействие, а вот литература – это всегда разговор один на один. Писатель и читатель всегда одни, им не нужен посредник или свидетель.

Прилив эмоций заставляет искать себе доверительного собеседника, точнее, дружественного сочувственника, честного сопереживателя, и поэтическая книга Билала Адилова «Ночной разговор»¹ – именно такой собеседник. И уточнение, что разговор «ночной», – ещё одно подтверждение: разговор самый доверитель-

¹ Адилов Б. Ночной разговор: стихотворения, поэма / Билал Адилов. На лезгинском и русском языках. Перевод с лезгинского В. А. Латынина. – М.: РИД «Российский писатель», 2021. – 272 с.

ный, тонко дружеский. Только меж духовно близкими людьми.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ ДУМЫ О РОДИНЕ

У поэта и читателя всегда есть общие темы для разговора – и ностальгия по краю, где поэт родился и вырос, по малой родине, близка и понятна каждому, сочувственна каждому.

*В родной Судур так хочется вернуться,
Когда парная зелень по садам,
Когда к реке ручьи игриво льются
И мать-земля дарует жизнь цветам.
Хочу увидеть горные вершины
И ким, где собиралась молодёжь,
Красавиц, что несут с водой кувшины...
Ах, память, память! Душу не тревожь.*
(«В мае»)

Родина, детство, юность – да, наивная, но совершенно ничем ещё не замутнённая чистота взгляда, чистота мыслей, невинная чистота горного ручья и горного воздуха. Эта вовремя и в полноте пережитая невинность с возрастом не оставляет человека, она становится щитом, непробиваемым нравственным щитом, и охраняет, удерживает от ненужных слабостей, спасает от многих соблазнов, от непоправимых поступков. Чистота юных чувств, впервые испытанных на родине, остаётся в человеке навсегда, как голос матери, звучащий из сердца в любых городах и странах, в любых временах.

*Мы с тобой молчали каждый раз,
Хоть друг с друга не сводили глаз.
Было нам понятно и без слов,
Что в душе давно живёт любовь.
Ты ждала признанья от меня.
Но был нем я, свет в душе храня.*
(«Два окна»)

А всё же малая родина у каждого своя, она уникальна, неповторима, ибо для каждого единственна. Аул на склоне горы, деревня в тайге, городок на берегу моря – каждая родина

прекрасна, достойна воспевания. И воспеть её в полной мере можно только на родном языке. Мы же знаем: язык созидает народ. Пока жив язык – жив народ. А потеряв свою речь, племя растворяется, примыкает, вливается в другие, свой язык хранящие. Исчезает язык, и от народа даже памяти не остаётся. Поэтому можно утверждать, что язык – это тоже родина, родина не как точка на карте, а как основание, ось в сознании, стержень, что держит народ, родовое древо. Никакой язык в точности, до конца не переводим, но всем совершенно понятна излагаемая в разных странах и на разных континентах разноречивыми словами любовь:

*Слово «люблю!» было Пушкиным сказано
Женщинам, Родине, людям, земле...
Этим же словом с Есениным связаны
Отчие дали в рязанском селе.
Эх, не любовь ли основой является
Нашего мира до нынешних дней?!
В душу на всех языках проливается...
Но «аз вун канзава» сердцу милей!
Сразу теряется сладость «амурная»,
И «I love you» покрывает туман.
В «канзава» слышу журчанье Самура я
И воркование голубя там.
Слышу в горах лошадиное ржание,
Вижу орла, что с орлицей кружит.
Даже вершина Шах-дага сиянием
Тоже «...вун канзава» мне говорит.
(«Мысли мои – на родном языке»)*

Наверняка понятными и близкими многим читателям не только на Кавказе окажутся и размышления Билала Адилова о нынешнем смутном времени, обращённые к своему знаменитому предку, прославленному лезгинскому поэту XII века Стуру Далаху:

*О горестях своих кому мне рассказать?
Нет никого вокруг, кто слушать бы хотел.
Безвременье у нас, во мрак ведёт стезя,
А честный человек сегодня не у дел.
Поведай, предок мой, кому же доверять –
Болтливым хвастунам, пронирыливым
льстецам?*

Они теперь в чести, умножилась их рать.
И мало чистых душ, не принявших Тельца.
(«Предку Далаху»)

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ БОРЬБА ЧУВСТВ И РАЗУМА

Зачастую пламя, охватывающее нас и порождающее особое состояние души, прилива возвышенных эмоций, возгорается от внутреннего конфликта разума и чувств. Разум теряет свою силу перед безжалостно к нему возрастающими чувствами. Если мужчина влюблён, он обречён на подвиги. И главный, самый трудный подвиг – преображение. Преобразование себя. Разум шипит страхами: ведь всё шло продуманно, делалось просчитанно, и вдруг – мир разом переворачивается, это же как шагнуть в огонь – а где гарантии, что ты только закалишься, а не станешь пеглом? Прыгнуть со скалы – а кто обещал, что ты полетишь как птица, а не пропадёшь в тумане на дне ущелья? Разум противится, но...

*Я не знал, что такое любовный огонь,
Ты окутала в молнии, высекла пламя,
И понёс меня ветер любви, будто конь,
Стали светлые дни мои тёмными днями.
Не писал я рифмованных строчек в тетрадь,
Ты дала мне перо, на стихи вдохновляя.
Кто бы знал, как губителен чувственный град!
Я пишу потому, что от страсти сгораю.
Я не знал, что такое страданье и боль,
А теперь закипает душа без покоя.
Думал, что родником возникает любовь,
А она полилась полноводной рекою.
(«Ты дала мне перо, на стихи вдохновляя»)*

Так должно быть, такова наша природа – влюбиться и вспыхнуть, но, воспламенившись, не сгореть, ведь только через эти очищающие от мелочности страх и боль можно пройти инициацию, став мужчиной. Настоящим мужчиной. Волнующие поэтические строки Билала Адилова убеждают в этом.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Раздел, давший название всей книге, пожалуй, самый эмоционально сдержанный, умозрительный. Здесь поэт уже не фонтанирует восторгами, не заливает, не забрызгивает кипением своего счастья, не перебивает читателя клокотанием своей боли. Здесь всё тише, при сохранении внутреннего накала противостояния тут разум берёт верх над чувствами. И разговор течёт теперь действительно тихо, доверительно, тонко дружески. Это неспешный разговор меж духовно близкими, внимательными друг к другу философами, где не всё открыто называется своими именами и нужно уметь разглядеть в словесном образе мыслительный первообраз.

*Пришёл к тебе я снова, Каспий мой,
Прошу тебя, поговори со мной.
Туч грозových я сделался темней.
Поговори, печаль мою развей.
Сочувствие целебно для меня.
Но ты сегодня грустный – вижу я.
(«Стихи слагаю из своих забот»)*

Ночью раны становятся ошутимее. Раны тела и раны души. Ноют старые, болят свежие. И порой под утро почти не остаётся сил сдерживаться.

*Сердце рассекает меч сомнений –
Коль твоих не ценят побуждений,
Может, душу не неволить впредь?
Горький вывод из сердечной драмы:
Время не излечивает раны –
Помогает боль перетерпеть!
(«Время не излечивает раны»)*

Но мужчине непозволительно впадать в отчаянье, безвольно опускать руки. Потому что жизнь, короткая она или длинная, требует от человека постоянно отдавать долги. Долг перед своим родом – перед отцом и матерью, даровавшими ему эту самую жизнь, наполнившими его сознание родовым наречием, укрепивши-

ми гордость историями предков. Долг перед родимой землёй, вырастившей его сильным и смелым, открывшей ему красоту любви. Есть ещё долг перед ответной любовью женщины, благодаря которой он стал настоящим мужчиной. А ещё долг перед друзьями-товарищами, защищавшими – порой от себя же самого – его честь. Долг за всё, что сделало, сотворило человека таким, каков он есть. Всё лучшее в человеке появилось благодаря кому-то и чему-то. Потому долгов неоглядное множество – и сколько успеешь вернуть?

*Успокойся же, сердце, не нужно так биться.
Разве давним мечтам удалось воплотиться?
Я тебе возражу – далеко до итога,
Ещё дел у меня на земле этой много.
Терпеливее будь, твой покой – мне награда.
Всё, что начал творить, завершить всё же надо!*
(«Ночной разговор»)

Смелость в творчестве – искренность. Способность обнажить душу – героизм поэта, его каждодневный подвиг. Ведь сколько подлости и злобы только и ждёт такой незащищённости. Но, терпя удары злобы и укусы подлости, при этом сердце поэта встречает такие же открытые, как у него, сердца читателей, которые исцеляют и укрепляют его своим добром и благодарностью.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЁРТЫЙ ГРЕЕТ ДУШУ РЕЧЬ РОДНАЯ

Поэма «Прялка» связывает все темы, ранее поднятые в книге. И найденная старая прялка для поэта стала волшебной машиной времени. Родной дом, любовь отца и матери, древний и новый быт лезгин на фоне вечной природы Кавказа. Осознание ответственности сына за исполнение чаяний отца... Композиционно закрученная, подобно колесу, поэма неспешной ниткой тянет повествование, и, казалось бы, всё повторяется – и думы о родине, и борьба чувств и разума, и размышления о роли языка, который, по определению Александра Куприна, и есть «история народа».

*Под вечер вся родня – в кругу семьи.
Короткий день в окне поспешно тает.
У женщин – рукоделия свои,
Девчонки сёстрам косы заплетают.
Читает дядя книгу сказок нам.
Раскрыв глаза, мы примостились рядом,
Внимая громким дядиным словам,
Пусть даже и молчит Шахерзада...*
.....
*Там «Перизаду» девушки спюют
И «Ай-мержен» польётся звонко вскоре...
Навряд ли в мире где-нибудь найдут
Таких солисток, как в судурском хоре!*
.....
*Пять месяцев сестрички ткут «сумаг»,
В него вплели моё зачем-то имя.
Пришла весна. Растаяли снега.
И мне ковёр принадлежит отныне.
Сверкает россыпь солнечных лучей,
Вершины скал как будто в позолоте!
Набухли почки, мчит стремглав ручей,
В садах и огородах ждёт работа.*

Каждая книга – событие в жизни писателя. Книга, пахнущая типографской краской, с магнитно потрескивающими страницами – событие знаковое, смыслоутверждающее, ключевое. Ибо она, книга, есть завершающая материализация раздумий и переживаний, никогда никому до сего момента не видимых, никем и ничем не измеримых – днями ли, месяцами или годами. Жизнь писателя прежде всего и размечается датами изданий-выходов книг, это потом уже имеют важность рубежные цифры сроков его учёбы, периодов трудовой или служебной деятельности. Его жизнь действительно этапна от публикации к публикации – момент выхода книги и есть момент разделения раздумий о том или ином, переживаний того или иного. Освобождения от того, что, возможно, уже будет не важно в работе над новой книгой.

Мудрость поэзии – признак её истинной народности. И залог её независимости от временных сует. Так, ночной разговор поэта Билала Адилова к рассвету становится мудрее, теряет горячность, предрассветный разговор миротворит. Помимо таланта автора нужно

отдать должное и составителю Раиде Ревшан (Саидовой), очень тонко срежиссировавшей книгу, точно определившей не только тематическую, но и эмоциональную последовательность стихов.

И конечно, особая честь и хвала переводчику, подарившему русскому читателю возможность открыть-обрести для себя нового доверенного собеседника, которому легко дружески сочувствовать, полновесно сопереживать. Валерий Латынин сам прекрасный поэт, несущий в заплечном мешке своей памяти исторический опыт казачьего рода и опыт офицера, отдавшего десятилетия жизни службе самой великой стране в славные и горестные её эпохи. Уже многие годы Валерий Анатольевич щедро отдаёт своё время и силы переводческой деятельности, в которой особое место занимает литература Кавказа. Умение вникнуть в тонкости мышления горских народов, уловить душевную мелодику различных наречий нахско-дагестанских языков – на это требуется и теоретическая подготовка лингвиста, и время кропотливого погружения в местный быт, в местную природу. И врождённые способности доброго наблюдателя, которыми природа столь нежадно одарила Латынина-переводчика. В итоге совместного сотворчества автора и переводчика на свет появилась замечательная книга стихов «Ночной разговор», которая, надеюсь, придётся по душе многим любителям поэзии.

Василий ДВОРЦОВ,
заместитель председателя правления
Союза писателей России

НОЧНОЙ РАЗГОВОР БИЛАЛА АДИЛОВА С ЧИТАТЕЛЯМИ

ПО РОДИНЕ СКУЧАЮ

Вернулся я под небеса твои,
Любимый край! По родине скучаю.
Сердечные объятья отвори
И песни спой, что с колыбели знаю.

Шах-даг¹ сейчас затмили облака,
Не видно солнца в этой каше манной.
Легла окрест осенняя тоска,
Укутавшись овчинами тумана.

Нахмурились ущелья, родники,
Как будто бы им душу замутили.
Надрывна речь бушующей реки –
Она свои выплёскивает были.

¹ Название горного массива.

Не унывай! Пробьётся солнца лик,
И мы зажжём в душе свою лучину.
Вновь заискрится от лучей ледник
И засияют горные вершины!

Пусть небо принесёт тебе тепло,
Пусть вновь орлы порадуют круженьем!
Люблю тебя, мой отчий край, светло
И кланяюсь своим стихотвореньем!

НА ПАСТБИЩЕ

Сижу на пастбище высотном.
Вершины гор как на ладони.
В лугах ковёр цветочный соткан.
В бездонном небе солнце тонет.

Кружатся над цветами пчёлы,
Их неустанные полёты
И щебет ласточки весёлый
Мне душу наполняют мёдом.
Бредёт отара по Гавдану¹:
Она в долине будто строчка,
Но скоро приближаться станет
И потечёт рекой молочной.

Над грядками колдуют люди –
Моих стихов краса и гордость.
Пусть души их здоровы будут
И одолеют все невзгоды!

Родник Кизир бурлит и льётся,
Торопится к любимой речке.
А мне о Родине поётся.
Пусть будет эта песня вечной!

ДВА ОКНА

Были два окна между собой
Связаны невидимой тропой.

Я с утра садился у окна
Ждать, когда ты встанешь после сна.

Ты умела повод находить,
Чтоб окошко то и дело мыть.

Было словно зеркало окно:
Отражало весь мой мир оно.

Мы с тобой молчали каждый раз,
Хоть друг с друга не сводили глаз.

Было нам понятно и без слов,
Что в душе давно живёт любовь.

Ты ждала признанья от меня.
Но был нем я, свет в душе храня.

А потом жизнь разбросала нас.
Грустно мне без этих чувств сейчас.

Я недавно навестил наш край,
И заныло сердце, хоть рыдай:

На твоём окошке – пыли слой...
Над моим – дом ласточек пустой.

ЗАПАЛА В СЕРДЦЕ МНЕ

Красавицу увидел на рассвете,
Такую, что глаза не отвести.
Она шла в платье лёгком, без жакета,
И маки красовались на груди.

По росным травам смело шла босая,
И через луг вели её следы.
С улыбкой, тихо песню напевая,
Она рвала Кавказских гор цветы.

Услышала шаги, остановилась,
Смутилась, будто трепетная лань,
Наверное, немало удивилась,
Что не одна гуляет в эту рань.

Глаза её на родники похожи.
Горели губы в утренних лучах,
Лучилось солнце на атласной коже...
Таких красавиц раньше не встречал!

Я замер сам, как будто околдован,
Не в силах ни идти, ни говорить,
Пока само не выпорхнуло слово:
«Вы не боитесь ноги простудить?»

¹ Название пастбища.

Ответила легко на удивленье:
«Скучала сильно по родным краям,
Живя вдали от нашего селенья...
Роса же здесь – целительный бальзам.

Чего бояться?
Родина – наш лекарь,
Щит и опора в круговерти лет,
А эти травы – лучшая аптека,
Полезней их на всей планете нет».

...Та встреча стала золотой страницей
В моей судьбе.
Красавица средь гор
Запала в сердце мне, ночами снится
И восхищает душу до сих пор!

ВРЕМЯ ПОМОЖЕТ СОНЕТ

Как живёшь в толкучке дел, событий,
Тщишься душу от беды спасти?
Жизнь – клубок, запутались в нём нити...
Не хотел бы их концы найти?

А в глазах любимой видя стужу,
Кровь ещё не превратилась в лёд?
Даже сталь, когда зима завьюжит,
От нагрузок тяжких устаёт¹.

Сердце рассекает меч сомнений –
Коль твоих не ценят намерений,
Может, душу не неволить впредь?

Горький вывод из сердечной драмы:
Время не излечивает раны,
Помогает только боль терпеть!

ДОЖДЬ НЕ УБЕГАЕТ ОТ МЕНЯ

Интересно, как у вас погода,
Пахнет ли на улице весной?
Солнышко смеётся с небосвода
Или льётся дождик затяжной?

Ласточка моя с утра умолкла,
Может, дремлет в домике своём?
С нею говорить сейчас без толку,
Лучше побеседую с дождём.

Выхожу, чтоб сердце успокоить,
Дождь же душу повергает в дрожь,
Будто говорит:
«Чудак, не стоит,
Ведь промокнешь и домой уйдёшь!»

Злится, капли мне в лицо бросает,
За поступок глупый мой браня.
Я терплю, ведь он не убегает
Так, как ты когда-то от меня...

ОРЛИНАЯ ГОРА

Есть в Алуште холм один высокий,
Зачарован я его красотой!
Не живут там ни орёл, ни сокол,
Назван же Орлиною горой.
Говорят, что там росла дубрава,
Как гора, видна издалека,
В ней орлы гнездились.
Величаво
Поднимались ввысь под облака.
А вокруг холма селились люди,
Храбростью подобные орлам.
Сеяли завистники повсюду
Ненависть к свободным храбрецам.
И однажды злоба ополчилась –
Захватила холм, дубы сожгла,
И жильё людей испепелила,
И орлов с гнездовья согнала.
С той поры лишь дух орлов витает
Над холмом, что назван их горой,
А орлы на скалах обитают –
Сторонятся подлости людской.
Средь людей, что стали здесь селиться,
Жили три писателя больших²,
Видимо, не мог не отразиться,
Дух орлиный в сочиненьях их!
На холме высоком над Алуштой
Думал я о людях и орлах,
Видел море, шелест листьев слушал
И летел душой на Чатыр-Даг³.

¹ Усталость металла – одна из причин, по которым ломаются металлические конструкции.

² С. Н. Сергеев-Ценский, А. И. Куприн, И. С. Шмелёв.

³ Горный массив в Крыму.

ЛАКОН

Бюджет пилят крупные чиновники, мелким достаются только опилки.

Это не поток сознания, а болото незнания.

Правительство преподавало народу такой урок, что люди хотят перемен.

Цирк – это театр, где дикие животные прикидываются домашними.

Утраченные иллюзии – хороший повод обзавестись новыми.

Прежде чем принять решение, нужно принять последствия.

Любовь слепа, пока не протрёт глаза влюблённым.

И то, что не сбылось, тоже может быть счастьем.

Не уверен – не обгоняй своё время.

За всё надо платить, даже за то, что делаешь бесплатно.

Течение Истории постоянно меняет русло.

Чтобы сделать невозможное с первой попытки, нужно долго тренироваться.

Не бойся показаться глупым, бойся оказаться им.

Иллюзия – это неосуществимая мечта, базирующаяся на отсутствии знаний.

Я слишком хорошо знаю жизнь, чтобы верить ей.

Одиночество – это побег от суеты.

Уверенность в себе – хорошее качество, если оно не злоупотребляет количеством.

Власть – это бизнес, надевший маску политики.

Чтобы выиграть войну с природой, нужно начать отступление.

Когда рождённые ползать захватывают власть, они следят за тем, чтобы ни у кого не выросли крылья.

Жизнь – это заколдованный круг, в котором колдун – ты сам.

Там, где кончается ложь, начинают всплывать островки правды.

Мода – это попытка, используя форму, скрыть содержание.

Все мы дети природы, а ведём себя как её родители.

Энтузиазм – это сплав страстного желания и воли.

Вера в себя – религия победителей.

Не спеши перевернуть страницу своей жизни. Посмотри, нет ли там ошибок.

Нам всегда не хватает того, без чего мы можем обойтись.

Всегда есть шанс, который станет упущенным.

Чтобы оставаться человеком, нужно сначала стать им.

Поражения учат побеждать.

Юность без героизма – надёжный фундамент для старости без мудрости.

Когда не находишь слов, помогает язык жестов.

Иногда смелость может быть лучшей формой осторожности.

Сжёг за собой мосты и понял, что его запутал берег.

Женские слёзы – страшное оружие. Каждая капля как пуля, пробивающая мужское сердце.

Без мечты нет будущего. Без воспоминаний нет прошлого.

За растрату времени приговор выносит судьба.

Удача сама не приходит, но приглашительные билеты раздаёт всем.

Несбывшееся тоже было.

Все наши беды в том, что они ещё не закончились.

Только прожив жизнь до конца, понимаешь, что ты в ней так ничего и не понял.

Жизнь – это задача со многими неизвестными, решение которой подразумевает ошибочный ответ.

Нашедший себя уже не потеряется.

Стучитесь – и вам откроют. Только не перепутайте дверь.

Каждый ищет в жизни свою дорогу. Но редко кто решается проложить её сам.

Трудно прожить жизнь без ошибок с первой попытки.

Если вам нечего терять, вы обязательно что-нибудь найдёте.

Жизнь – это захватывающее приключение, которое заканчивается трагически.

Выборы козла отпущения редко проходят на альтернативной основе.

Он так усердно носил маску, что на ней появилась щетина.

Не всякий кандидат в классики успешно преодолевает кандидатский стаж.

«Надо больше двигаться», – подумала мысль и выскочила из головы.

Болезнь – это тюрьма, где надсмотрщик – врач.

Прыгающие с платформы марксизма попадают под колёса ревизионизма.

Переводя стрелки на другого, не забывай, что виноват всегда стрелочник.

Политики делают всё, для того чтобы люди не занимались политикой.

Сколько от себя ни беги, всё равно будешь топтаться на месте.

Всё, что кажется важным, таковым не является.

У сильных духом всегда есть крылья за спиной, которыми они не пользуются.

Сожалеть о том, что было, глупо. Ещё бессмысленнее сожалеть о том, чего не было.

Прежде чем ценить человека, его оценивают.

Идеальные отношения с рыбой – это когда клёв не прекращается.

Каждый фазан желает знать, где сидит охотник.

Жизнь – это рай, который люди норовят превратить в ад.

Не так страшен окружающий мир, как его представители.

Разум отвечает за принятие решений, сердце – за их последствия.

Человек есть то, о чём он думает.

В социальных сетях многие так запутались, что выбраться уже не могут.

Окончательных побед не бывает.

Светлое будущее – это галлюцинации наших современников.

Первые шаги к смерти мы делаем, когда учимся ходить.

Нет худшей религии, чем неверие в себя.

Напряжение жизни измеряется эмоциями.

Есть такие книги, которые учат гораздо лучше, чем жизнь.

Если поднял паруса, не забудь поднять и якорь.

Чувство глубокого удовлетворения при внимательном рассмотрении нередко оказывается мелким.

Мелодия – это фрагмент жизни, изображённый звуками.

Жизнь лучше учит тех, кто склонен к самообразованию.

Хорошо выглядит женщина или плохо, зависит от того, кто на неё смотрит.

Мечты придают нам силы, чтобы мы могли мечтать и дальше.

Искра правды способна поджечь большую ложь. А уж пожар сделает своё дело.

Дайте человеку цель – и он будет уверен, что сам её нашёл.

Природа дала человеку шанс превратиться из обезьяны в человека. Но далеко не все люди воспользовались этим шансом.

Любовь – лучшая часть нашей жизни, когда мы были слепыми.

Если вы начали разговаривать с самим собой, значит, вам есть что сказать себе.

У позорного столба Истории тоже есть места для бессмертия.

Чтобы сохранить опыт, его нужно использовать.

Новые идеи приходят в те головы, где их ждут.

Человек – существо странное: поедает коров, свиней, кур, рыбу и при этом жалуется, что его кусают комары.

Нередко подставляют плечо для того, чтобы вы успели подставить свою голову.

Валерий РУМЯНЦЕВ

Весенние стихи

Владислав БУСОВ

* * *

Ещё в полях лежат снега
И реки скованные льдами,
И в хрустале их берега
Омыты тёплыми лучами.

Ещё не долг ясный день
И по утрам бела пороша,
Но птиц слышна весной звень,
И мир становится пригожим.

Зимы уходит маета,
Грядёт весенняя благая
Природы вечной суета,
Собой путь к жизни пролагая.

ВЕСНА СВЕТА

Михаилу Пришвину

Кромка льда отошла к середине
Там, где скована речка ещё.
Не весна, но светило отныне
Золотистым ласкает лучом.
Этот час пробужденья природы
Весной света фенолог назвал.
Лучше нет прозаической оды,
Что с теплом он России слагал.
И сейчас его слово нужнее:
В мегаполисный холода век
Нам душою не стать бы черствее,
Не прервать с малой родиной бег.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Мартовским звонкоголосьем
Наполняются леса.
Меж рядов берёз и сосен
Светит неба полоса.

За холмом, за косогором,
Там, где в речке хрупкий лёд,
Пробуждение будет скоро,
Вся округа это ждёт.

С силой буйной и игривой,
Враз бросаясь наутёк,
Хлынет вольный и строптивый
Грозный водяной поток.

Сбросит речка льда оковы
И затопит берега,
Скроет дивные просторы,
Где привольные луга.

Но, когда пройдёт стремнина,
Стихнет бешеный напор,
Заливных лугов картины
Будут все как на подбор.

* * *

У пригорка проплешины снега,
На подходе весенний сезон.
Разливается светлая нега,
От капли немолкнувший звон.

Щебет птиц – неуёмный оркестрик,
Неба синь и полей широта.
Пробивается к свету подснежник –
В мире вёсен царит доброта.

* * *

На дорогах талый снег,
У берёз проталины.
Возвратился с юга стерх,
Сухостой в подпалинах.

Обнажённый лес стоит.
Солнца луч иглою
Золотую тянет нить,
Следуя покрою.

Вот сошьёт одежду он –
Сюртуки, кафтаны,
И в бору зелёный звон
Пробудит поляны.

АПРЕЛЬ

По струнам солнечных лучей,
По струям вешних вод журчащих
Апрель шагает, чародей,
Дыханием весны звучащей.

По небу гонит облака
Клубами невесомой ваты,
Тревогой очертив слегка
Путь неизведанный куда-то.

Зальёт округу светом он
Надежды, Веры и Любви:
Апрель идёт, ему поклон –
И сердце радуется нови!

* * *

Звон в весеннем лесу,
Пробужденье берёз.
Поклонюсь колесу,
Что из света и грёз.
По ожившим стволам
Потечёт свежий сок,
По прильнувшему губам,
Остудит мой висок.
И наступит пора –
Побегут ручейки.
В светлом мире добра
Станут краше деньки.

* * *

Апрельский лес бывает мрачен
В той среднерусской полосе,
Когда лишь только обозначен
Приход весны, желанный всем.
Ещё местами на тропинках
Лежит раскисший талый снег,
И, как на старых фотоснимках,
Весны неспешный виден бег.
Но на ветвях оживших елей
Светло-зелёный цвет иглы,
Хотя просохнуть не успели
В лесу их тёмные стволы.
И близится час возрожденья,
Пробьётся маленький росток.
Вновь наступает пробужденье –
Слезой берёз прольётся сок.

ВЕСЕННИЙ ДАКТИЛЬ

Нежная свежая зелень
В светом рождённом апреле.
Почки набухшие в клее
На пробуждённой сирени.
Словно пушистый цыплёнок
Вербы мохнатая лапка,
Как золотой самородок
Роя пчелиного матка.
Робко пробился подснежник
В талом и рыхлом сугробе.

Светлого утра предвестник
Он на весенней дороге.
Бал обновленья в природе,
Вешние воды прольются,
Рифмой слагаемой оды
В наших сердцах отзовутся.

* * *

Белый шар цветущей яблони
За моим окном в саду.
Нынче сказка стала явью,
Былью стала поутру.

В одночасье звёздным цветом
Вишня волосы свои
В завитушках перманента
Распустила в знак любви.

И черёмуха дурманом
Белокипенных кудрей
Предсказала без обмана
Череду холодных дней.

* * *

Серьги с берёз облетели,
Лето спешит за весной.
Вместо звенящей капли
Трель нарушает покой.

Солнце восходит так рано,
Будит поля и леса.
Колоратурным сопрано
Песню поют небеса.

* * *

И снова в жилах кровотоков,
И у берёз весенних сок,
И солнца луч мне бьёт в висок,
И синий небосвод высок.

И хочется кричать вослед
Летящим с юга журавлям
И вешний передать привет
Привольным Родины краям.

ВЕСЕННИЕ РИФМЫ

Машет яблоня в окно
Веткой с белыми цветками,
Дуновением легко,
Снежно сыплет лепестками.

В майский сад меня зовёт
Прогуляться с нею рядом
И вкусить запретный плод,
Наслаждаясь сладким ядом.

БЕЛАЯ СИРЕНЬ

Распустилась в майский день
Белая моя сирень.
Ароматы шлёт она
У раскрытого окна.

Отпускает мне поклон,
Предвещая сладкий сон.
Вот закат уходит прочь,
Коротка и дивна ночь...

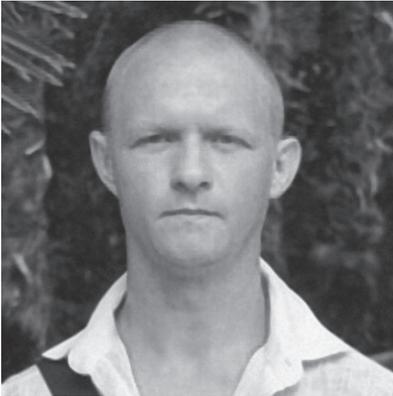
Утром белая сирень,
Просыпаясь, даст мне тень.
На листьях дрожит роса,
Птичьи слышны голоса.

Лета близится пора,
Унесут сирень ветра.
И напомнят: жизни миг
Чудодейственный, как стих...

* * *

Как быстро отцветает вишня,
За ней черёмухи черёд.
И с Божьей благодатью свыше
И яблоня в саду цветёт.

И лепестковая закружит
Метель, срывая белый цвет,
И зимнюю напомнит стужу
Ушедших безвозвратно лет...

Роман КРУЧЕНИН

* * *

Не знаю, кстати ли, не кстати,
 поэт ли, каменщик, маляр,
 моё призвание – читатель,
 Россия – библия моя.
 Пляшу от печки – от пролога,
 от печенегов к татарве...
 Я между строк читаю много
 и по губам, и по траве.
 Читать! – письмо берестяное,
 читать! – и «Слово о полку...»,
 читать! – и в холоде, и в зное –
 и чтить – хоть спящим на боку.
 Но главы есть... – к земле приинкни,
 в росе ли весь, в слезах ли весь...
 Ах, век двадцатый, – на полкниги! –
 побед не счесть и жертв не счесть...
 Но знамя есть, но будет знамя?
 Порвёт ли на платочки знать?
 Боюсь, что так и не узнаю,
 вернее так – боюсь узнать...

* * *

Какая странная роса –
 красна, но это не от крови...
 (Глаза закрою – набросать
 хоть пару строчек – и открою.)
 И где я только не бывал –
 и ворон там полынью болен,
 и гор-то нет – и всё ж обвал,
 а вот на этом русском поле...

Какая тишь, какая гладь!
 Ромашка с васильком в обнимку...
 (Не дай мне, Боже, удалять
 душою сделанные снимки.)
 О, из всего любовь лишь есть! –
 к заре, росе, родному дому...
 ...Да был я здесь, всегда был здесь,
 я просто видел по-другому.

* * *

Приласкай, берёзовая ветка,
 бор сосновый, снова помани,
 дни такие выпадают редко –
 тихие да светлые, мои!..
 Не бодаюсь с чёртиком рогатым,
 с ангелом бодаться не по мне...
 Стройным стал, как во дворе ребята,
 пазуху оставив без камней.
 Как за мной тропиночка пылится!
 На какой версте меня сморит?..
 Как сморит – прими же, мать-землица,
 светлые да тихие, мои!..
 Не собачусь ни с какою псиной
 и с листвой осенней не листвюсь... –
 просто лучик солнца с выси синей
 притянул и намотал на ус.

* * *

Свети, моя тьмутаракань,
 чтоб тьму смахнуть с названья,
 чтоб светлячком стал таракан...
 и беззапойным Ваня.
 Свети, без имени ещё,
 звезда лесов и речек,
 размолвки прошлые не в счёт –
 Ивана с Марьей встреча!..
 Свети не зло Москве назло,
 добром ли дюже манит?
 Хочу, чтоб Ване повезло,
 ну и, конечно, Марье.
 Свети, да будет свет в ответ,
 любовь да воркованье...
 Вот Марья шлёт тебе привет,
 ну и, конечно, Ваня.
 Свети во славу всей Руси,

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

чтоб деточек немало,
и, кто б название ни спросил,
в ответ:
– Иван да Марья.

* * *

Пусть говорят – хоть трезв, хоть пьян, –
народ наш долго не протянет
и, вероятно, средь землян –
чужие, инопланетяне.
Пусть нет дорог ни там, ни здесь,
свободы нет и ум оплёван.
Но есть любовь, прощенье есть,
сердца расписаны Рублёвым.

* * *

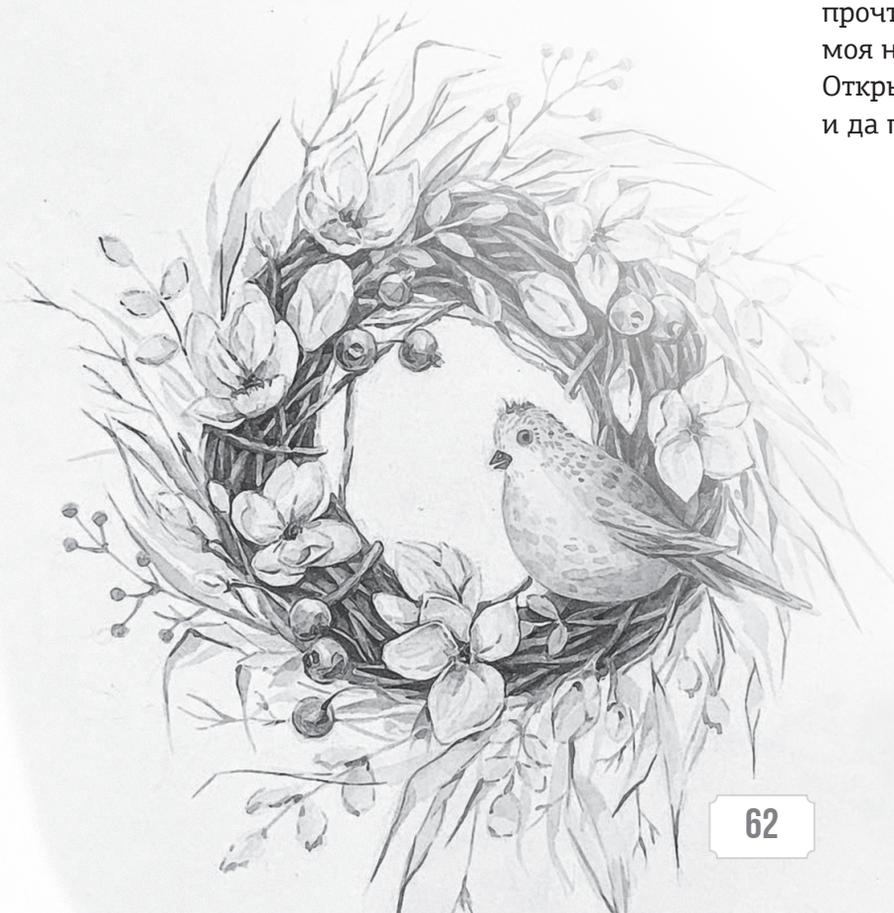
Пусть двери нынче крепче веры,
а быт – любуйся, не бурчи,
но никогда не зачерствеет
тоска по хлебу из печи.
Дай, Боже, в миг, когда в сторонку
вся жизнь, на план передний смерть,
открыть в последний раз заслонку,
о сажу душу потереть...

* * *

Есть Хлебный Спас, Медовый Спас
и Яблочный, конечно,
но уверяю каждый раз,
что есть ещё и Снежный.
Я жду в тенетах слов и нот,
когда сквозь мрак суровый
на солнце Родина блеснёт –
храм Спаса-на-сугробах!..

* * *

О, полки-полки, книжки-книжки,
а сколько строк ведут во тьму,
а дух, а дух всё ниже, ниже!..
Но томик Пушкина возьму.
Какая вьюга там, за дверью,
а между вьюг – в дыму, чаду...
Но если я в Россию верю,
ещё и Тютчева прочту.
Не то чтоб вдруг эпоха лета,
не то чтоб высью мир храним,
но я к двоим прибавлю Фета,
потом Есенина к троим.
Потом – Рубцов, Рачков и Юшин,
всё шире круг добра, не уже,
прочтённых, может быть, не хуже
моя наивная тетрадь.
Открыл и дописал: «...отвьюжит,
и да пребудет благодать!..»

Людмила СЕРГЕЕВА

* * *

* * *

Сердце –
душе обитель.
Из к/ф «Золотце»

Ты, слово родное,
могучее слово,
со мной наяву и во сне.
Янка Купала

Известно, что «сердце – душе обитель».
Никто не может тебя обидеть,
Если посильную помощь несёшь
И многих людей делами спасёшь
От горя, что посещает сердца,
То будешь счастливым ты до конца.

А жизни конца не знает никто.
И памятен в сердце будет лишь тот,
Кто доброе сеет в души людей
Без зависти всякой и злобных затей.

Так пусть же горит над тобою звезда,
В душе сохранить доброту навсегда!
Ещё может сердцу она подсказать,
Благое то дело – в беде помочь!

* * *

На бумагу за строкою строка
Ложатся мысли светлые мои,
Пришедшие ко мне издалека:
– Давай-ка, на бумаге ты твори!

И я пишу, как нелегко в пути,
Кто правдою совсем не дорожит,
Не мог подчас друзей себе найти,
В погоне за деньгами только жил.

А надо добрым быть всегда душой
И помогать, пока хватает сил,
Тому, кто путь свой в жизни не нашёл
И только горе людям приносил.

Да, человек – частица жизни всей,
Которую нам надо сохранить,
Хранили, как Христос и Моисей,
Тогда и вечно миру в мире жить.

Всем хочется мне донести
Слово то, что лечит душу.
Кого-то, может быть, спасти
От тягот. Вышли б все наружу.

Была бы радость, как весной
Гнезятся на деревьях птицы.
Пусть жизнь не кажется простой,
Но надо только не лениться,

А дни делами загружать.
В них видеть надо только радость.
В себе обиды не держать.
Так можно отодвинуть старость.

Она живёт в нас с малых лет.
Её мы рост не замечаем.
На чём-то оставляет след.
Лишь только в будущем встречаем.

Жизнь плюсы, минусы несёт.
Добро, однако, побеждает.
Нас память к вечности ведёт.
Об этом, думаю, всяк знает.

НАДО ДРУЖБОЙ ДОРОЖИТЬ

...Что ценней любого клада
нам на жизненном пути?
Пауль Флеминг

Нет ценней любого клада
Нам на жизненном пути.
Это – дружба. Верить надо,
Если хочешь, то найти
Дружбу можно с тем, кто даром
Может сил не пожалеть.
Так за дело взяться с жаром,
Чтобы мы могли иметь

Только радость в своей жизни,
Как бы туго ни пришлось.
Домом стала нам Отчизна,
Где не будет наших слёз.
И тогда, поверьте, люди,
Лад поможет в мире жить.
Наше сердце не остудит.
Надо дружбой дорожить!

* * *

*...О время, не лети!
Куда, куда стремится
часов твоих побег?
Альфонс Ламартин
(1790–1869)*

Время! Как ты быстротечно!
За детством юность к нам спешит.
А жизнь... Что жизнь? Она не вечна.
Как мысли, годы ворошит.
Бывает трудно, но проходят
Все тяжбы, если веришь ты,
Что радость в том тебя находит,
Когда сбываются мечты
О доле той, где не напрасно
В работу ты погружена.
О, как же время то прекрасно!
И кажется, что тишина
Вокруг тебя гасит тревоги,
А жизнь полна хороших дел.
И поведёт туда дорога,
Где будет счастлив твой удел.
Пусть даже время то наступит –
Душа отправится в полёт.
Людская память помнить будет
Все добрые дела наперечёт.

ЛЮБОВЬ БЕЗ СЛОВ

...А бывает любовь вот такая:
Без красивых и ласковых слов?
Говорить может, словом играя,
И на всё для любимой готов?
И слова, те слова так красивы,
Не поверить в них просто невмочь.
Будто сердцу дают они силы

Все преграды в пути превозмочь.
Но слова остаются словами,
А так хочется, кто-то б помог
Ежедневно справляться с делами,
Даже если сказать он не мог,
Что любовь в его сердце пылает,
Да такая, что жарко подчас
От единого взгляда бывает.
И тот пламень с годами не гас.
Та любовь с каждым днём станет крепче.
Пусть о ней мало сказано слов,
Но... по жизни вдвоём идти легче.
В это верить был каждый готов.

ВРЕМЕНА ГОДА

Завидую я Матушке-земле,
Что у неё всегда такая сила.
Пусть льют дожди и небеса во мгле,
Но всем собою радость приносила:

Когда весной заколосится рожь,
Иль в огородах зацветёт картошка,
Иль даже солнце пусть имеет мощь,
Но робко по утрам стучит в окошко.

А летом? Как весною благодать:
Щебечут птицы, с речек гомон слышен.
Густеет лес – просвета не видать!
И солнце забирается повыше.

А осень? Одевается в наряд,
В наряд, краплённый ягодой, плодами.
И думаю, что каждый будет рад,
Как осень одарит тебя дарами.

Спешит на смену осени зима.
С морозами, снегами куролесит,
Но понимает всё-таки она,
Что зря, ох, зря о долгой жизни грезит.

Придёт весна. Она продолжит ход,
Ход времени, земле который нужен.
И хочется сказать мне наперёд,
Что мир силён, когда с землёю дружат.

Т Р И С О М А

Хутор Гостиный приютился у слияния двух легендарных рек – Дона и его притока Потудани, в самом сердце чернозёмного Белогорья. В дождливую погоду к нему не добраться – по скользким меловым склонам не пройдёт ни один транспорт, разве только человек своими ногами.

Я бываю на этом хуторе ежегодно, там проживает мой брат с женой Полиной да ещё три-четыре семьи старожилов, таких же людей в возрасте, как и мои родственники. А когда-то в хуторе проживало не менее 400–500 человек. Правда, и сегодня летом наезжает значительное количество отдыхающих, природа здесь не хуже, чем в швейцарских Альпах. Но все отдыхающие не по душе старожилам. Вот свой человек из «столицы» – другое дело, с ним можно развеять наболевшие мысли, вспомнить общее детство.

Одним словом, и на этот раз меня ждали, брат уже оповестил мужиков о моём приезде в родные края. К вечеру на его подворье подошли местные аборигены, Илья Матвеевич и Виктор

Николаевич, в прошлом уважаемые люди, а ныне обычные пенсионеры. Но, несмотря на свой почтенный возраст, ещё полные энергии и мысли.

Разговор начался с воспоминаний о том, какая в прошлом здесь была рыбалка. Со всей округи съезжались сюда рыбаки, и на всех хватало рыбы, да какой! Чехонь и за рыбу не считали, омуты в Дону славились своими сомами.

– Отец был рьяный рыбак, – вспоминает Илья. – Уже после войны однажды приходит с реки и говорит: «Илья, сходи с братом, и прихватите ещё кого-нибудь, вот туда, к берегу, – Илья показывает рукой на Дон, – и заберите трёх сомов». – «Хорошо», – говорю бате. А он: «Что “хорошо”?! Вам там не справиться вдвоём с братом». А брат старше меня, уже сильный мужик. Пошли вдвоём и действительно за раз не управились. Сомы-то были за 50 кг каждый. Как батя с ними справился, до сих пор не пойму. Рыбаки были настоящие. Топором разрубали сомов. Принёс куски на работу, я уже тогда монёром работал, так ребята за свинину

приняли и уплетали за обе щёки. Года-то были голодные, и рыба нас шибко выручала...

Разговор незаметно от воспоминаний «детских и мужицких» шалостей перешёл на нынешние проблемы нашего бытия.

Завечерело. Медленные летние сумерки незаметно надвигались на луга и хутор. Замолчали птицы, устроившись на ночлег. Наступал тот момент, когда солнце, закатившееся за горизонт, посылало свои лучи-отблески и никак не хотело отдавать землю тьме. Был предночной миг тишины, которая не звенела в ушах и, как та тёплая вода, нежно обволакивала всё моё существо. Пришло лёгкое ощущение того, что как будто попал в какое-то сказочное царство.

– Тимофеевич, – прерывает моё блаженство Виктор Николаевич, – расскажи, как там на самом деле живут в Москве. Смотришь телевизор и думаешь, что там сплошной праздник. Артисты упиваются на своих юбилеях, бизнесмены считают отобранные у нас деньги, кто-то строит дворцы, а правительство всем им потакает. А вот как убирают хлеб и доят коров, я что-то давно не видел, козёл тебя задери. А что же едят наши «герои»?

– Что тебе ответить, Виктор Николаевич?.. Едят они «заморскую икру» и пьют импортные вина, а плоды труда своего народа по дешёвке гонят в заморские страны за так называемые откаты. А в Москве тоже живут по-разному. Там хватает всяких, но больше бедных. Их реже показывают по телевизору, ведь принцип старый: «нет нищих – нет и проблем». Знаю одно, хутор Гостиный никогда в «ящик» не попадёт. Ваша патриархальная жизнь никому не интересна. Масштабы не те, да и не укладываетесь вы в нынешнюю жизнь.

– Да, дела, – вздыхает Виктор Николаевич, – раньше крестьян-хуторян больше ценили, хотя на первом месте был гегемон. А где он нынче, тот рабочий класс? Одни чиновники...

У людей, проживших трудную беспокойную жизнь, всегда есть свои взгляды на жизнь прошлую, будущую и, конечно, настоящую. Эти два пенсионера с богатой трудовой биографией, Илья и Виктор, отличаются друг от друга своим темпераментом и взглядами на современную

жизнь, но общее в их взглядах одно – раньше порядка было больше и народ что-то значил, а сегодня ты никому не нужен, как та пластиковая бутылка, брошенная в Дон.

Мы все замолчали. Надвигалась ночь. Река и лес на её берегах постепенно таяли, будто удаляясь всё дальше и дальше, и наконец слились в единое целое. Всё стало тёмным, без очертаний, без теней и бликов. Взошла первая звезда, и тишину прорезали трели кузнечиков и прочей ночной живности. Кончился хороший летний трудовой день... Натрудившиеся за день женщины беседовали у тына уже о завтрашних заботах.

Здесь, в нашем маленьком мире, всё стало по-другому, не так, как днём. Свисающие ветки деревьев кажутся большими и очень важными, груши и яблоки на них уже неразличимы, хотя усыпают эти ветви, словно виноградные гроздья. Весь хутор утонул в садах, но, видимо, урожай пропадёт впустую. Другие ветки так высоко, как будто в самом небе, их еле-еле видно. Все близкие к нам предметы приобрели какую-то загадочность. Наступала свежесть после жаркого солнечного дня, когда термометр в тени зашкаливал за 40 градусов, но ничего не предвещало дождя.

Наша беседа длилась уже более трёх часов, но мы не замечали времени. Меня и моих собеседников волновали одни и те же вопросы: как будем жить дальше? Болтовня, по-местному «брехня», со страниц газет не давала ответов на эти вопросы, и народ стремится ответить на волнующие его вопросы сам.

– Вот ты говоришь, Тимофеевич, что в столице есть всё. А давно ли был 1933 год, потом послевоенный 1946 год, когда ребятишки бегали голодные, а мы, повзрослее, тоже были несытые. Набивали животы тыквою и повторяли каламбур «Захочешь есть – тыква есть!». К лебедовым пышкам-лепёшкам и блинам из желудей прикладывали особую говорушку:

Здравствуй, пышка-лебеда!

С молоком ты не беда.

Рыбка тоже хороша,

Если поймана она!

И ведь ни на что не жаловались, верили в будущее и трудились от мала до велика... А сейчас вроде всё есть для жизни, а каждый ноет: денег не хватает! Да разве жизнь в одних деньгах?! Мы страну собирали, а нынешние «деятели» её распродают, главный их идол – деньги, а это гораздо хуже, чем то, что мы верили в Сталина.

– Тебя бы в президенты, – вступает Илья, – ты бы, Витяха, порядок навёл!

– Эх-хе-хе! Чего ж теперь... после драки кулаками махать, – вздыхает Виктор Николаевич. – Прошла она, жизнь-то. И прошла, скажу вам, совсем не так уж плохо, если бы... Э-э! Не надо. – Он отмахивается от каких-то воспоминаний, как от мухи-осы. – Полжизни в механизаторах: то трактор, то комбайн, то мастерские, шесть лет на войне. Скажете, плохо? Со стороны не очень, а по мне – дай Бог каждому. Ценили и меня.

– Каждому своё, – как бы подытоживая разговор, говорю я.

– Вот ты говоришь, каждому своё, – продолжает мою мысль Илья, – а ведь Витяха прав. Каждый мог бы «быть», но ведь кому-то надо было и хлеб делать, и воевать. Нет, Тимофеевич, что ни говори, а наше поколение удачливее нынешнего. Мы Родину обогащали и защищали...

– Ну ты уж защитник! – подзадоривая Илью, шутливо говорит Виктор.

– Не скажи, – не без обиды продолжает Илья. – Я, конечно, не ты, но ведь не виноват, что тебе всё досталось: и до Берлина идти, и друзей многих похоронить. Но ведь и я там служил, правда, уже после войны. Но то, что нам здесь пришлось пережить в 1942–1943 годах, мало кто знает. Если разобраться, то и нас надо причислить к защитникам Сталинграда.

– Ты не первый об этом говоришь, – перебиваю я Илью. – Твой глас «снизу» подхватывают учёные: «Сталинград на Верхнем Дону» – назвал сражение за Воронеж военный историк В. П. Морозов.

– Это что-то новое, – удивляется мой брат.

– Да ты, Толян, тогда совсем мал был. Пять лет – золотой возраст, всё воспринимаешь и ничего не помнишь. Как ангел. А мне было тринадцать, по сельским меркам – мужик.

– Илья прав, – перебиваю я беззлобный спор мужиков. – Я немного старше Анатолия, но помню и немцев, и мадьяр, и даже итальянцев с перьями на шляпах того страшного времени. Кстати, разгром итало-венгерских войск на Воронежской земле зимой 1942/43 года и, в частности, в тех местах, где мы находимся, способствовал ослаблению и распаду блока фашистских государств. Здесь прекратила своё существование 8-я итальянская армия. Да и сравнение со Сталинградом не лишено смысла, ведь Сталинградская битва и Воронежско-Косторненская наступательная операция закончились в один день 2 февраля 1943 года, да и потери противника в этих двух операциях сопоставимы: в Сталинградском котле в плен попала 91 тысяча вражеских солдат и офицеров, в Острогжско-Россошанской немного меньше – 86 тысяч...

– Я не знаток учёных книжек, но то, что было страшно тогда в этих местах, помню хорошо, – перебивает меня Илья. – Война – это гиблое дело. Возьми Чечню, сколько лет уже прошло, а всё ещё никак не наладится жизнь. Каждый день гибнут наши солдаты. А за что? Да и последствия той большой войны сказываются до сих пор. Вот недавно в Урыве был страшный взрыв склада снарядов, оставшихся с тех времён. Здесь ведь была линия обороны Дона. А прошло более 65 лет...

– Оборону на Дону в районе Коротояка немцы сумели преодолеть с трудом, – говорю я.

– Не то слово, – поддерживает меня Илья, – нас тогда сплошные бомбёжки в течение двух недель загнали в ямы и подвалы. Десятки «мессеров» прямо-таки выжигали каждого нашего бойца, но они стояли насмерть... Но я хочу вспомнить другое, когда наши наступали, а немец огрызнулся и был ещё достаточно силен.

Была зима 1943 года. Теперь наши форсировали Дон по льду. Немцы укрепились на взгорье, а наши наступали с пологого берега. Мы уже осмелели и повылазили из своих погребов.

В один день как-то затихло. Мы, пацаны, бросились собирать «трофеи» и наткнулись на двенадцать наших бойцов в белых маскхалатах,

которые как шли цепочкой, так и полегли. Видно, их с самолёта всех прошило пулемётной очередью. У них не было документов, возможно, это была разведгруппа, а наши в пылу наступления уже и забыли про них. Мы позвали баб и захоронили их по-христиански, поставили крест. Вон в том месте, – Илья показал рукой в сторону взгорий, но ночь уже вступила в свои права и определить, куда он показывал, было трудно. – Потом времена были разные – кресты упали, могильные бугры сровнялись, а память осталась...

– Только через 60 лет дождалась достойной оценки тех событий. Например, бывший начальник Генерального штаба генерал армии Ю. Н. Балуевский сказал: «...Воронежская земля явилась местом крупных сражений, сыгравших важную роль в достижении коренного перелома в ходе Великой Отечественной и всей Второй мировой войны».

– Да, большое видится издалека, – подтверждает Илья. – А вот местные бонзы как-то мало внимания уделяют героическому прошлому своего края. Или вообще не знают истории, или их только Ярослав на купюре и интересуется! Как-то услышал, что всякие организации ищут безымянных солдат той войны, хоронят или перезахоранивают наших ребят по чести. Написал в военкомат, приехал какой-то чин, спрашивает: «Дед, а где эта могила?» – «Да вот была в этом месте». – «А где точно?» Если бы я знал точно... Местность помню, а точно – это уже надо искать. Да мы бы и сами искали, но в хуторе мужиков не осталось...

– Илья Матвеевич, – спрашиваю я, – наверное, не так просто ты рассказываешь эту историю?

– Ты прав, Тимофеевич. Понимаешь, душа мается. Возможно, у этих парней остались потомки, а они для них до сих пор числятся «без вести пропавшими». Какие страшные слова. Может, напишешь об этом в газету, что есть у хутора Гостиный, который в Воронежском краю, безымянное захоронение воинов Великой Отечественной? Кто-то и обратит внимание. А я, Илья Подставкин, тем добрым людям помогу в этом. Не выходят из памяти те парни,

ведь не в бандитской разборке они погибли, а защищая Родину!

– Илья, не писатель я. Да и к писателям-журналистам сегодня не очень прислушиваются, хотя они и много поднимают нужных вопросов. Одним словом, свобода слова: болтай что хочешь – а кто тебя слушает, вот вопрос! Властям всё по барабану! Ничего не обещаю, я не депутат, а вот твой рассказ запал мне в душу, ведь и я эту землю чту всегда, она моя малая родина.

На такой вот ноте закончилась наша мужицкая вечеринка. На небе уже вовсю светила луна, деревья приобрели свой натуральный вид, стали даже видны яблоки и груши. С юга на горизонте выпучивала мрачная гора тучи, закрывая ясный лик луны. Где-то там, вдали, вспыхивали молнии. Глухо зарокотал гром, тихо-тихо, будто в глубине земли.

– Сухой гром... Но пора и расходиться, – сказал Виктор Николаевич по праву старшего. – Завтра опять будет жаркий день!

– А что до сомов, так давно их в нашем Дону не найти, разве в газетах пугают сомми-людоедами. Но это уж фантазии, как и вся нынешняя жизнь, – подвёл итог нашим посиделкам Илья Матвеевич.

Вадим КУЛИНЧЕНКО

Хутор Гостиный Воронежской области – посёлок Купавна Московской области.

Р. С. Рассказ написан в 2004 году, уже нет в живых Виктора Николаевича, совсем плох Илья, но жизнь продолжается не в лучшем русле... В сокращённом виде рассказ был напечатан в 2005 году в тонком журнале «Патриот». Остальные отказались. Да, кузен умер от инсульта, не пережив событий на Донбассе, которому он отдал лучшие годы своей жизни, да и дочь с внуком остались там, под обстрелами. Но что изменилось в жизни моих земляков? Жить стало хуже, и только ещё малая надежда теплится у них – может, станет получше?! Сегодня, обнаружив рассказ в своих архивах, решил повторить попытку, ведь в нашей жизни ничего не изменилось.

Май 2021 года

ВОЗЬМИТЕ С СОБОЙ КАЛЮ-МАЛЮ...

1

Он почти всегда небритый. Лицо желтоватое. На голове – выгоревшая от солнца фуражка-шестиклинка. По белым бровям, по серой щетинке на подбородке и на щеках понятно, что он седой, почти старик. Для нас, деревенских пацанов, так точно – старик. Роста небольшого, но фигурой складный, подбористый. Чаше всего у него в одной руке деревянный ящик со столярным инструментом, другой придерживает мастерской топорик, закинута за плечо. В деревне его зовут Каля-малю. Это потому, что он так называет себя, разговаривая сам с собой.

Особенно когда немного выпьет. А наливают ему частенько. Он умелый плотник и хороший столяр (хотя и не из лучших в деревне), а значит, у него постоянный калым в посёлке... Ну а тут редко обходится без выпивки, особенно если работа закончена и хозяину предъявлены деревянный диван там, этажерка или кухонный шкаф. И всё это остро и свежо отдаёт оструганным деревом, скипидаром, смолой и заставляет улыбаться хозяина, радуя его вычурными завитушками и балясинками. И он, хозяин, обязательно нальёт, хотя и несколько рублишек, конечно, заплатит. А нальёт ещё и с верным расчётом, что ему тоже перепадёт.

И как жена ни косись на это, а надо! Как говорится – здесь рюмка в дело...

Улетаю мысленно в те годы... Вспоминаю. Вспоминаю жаркий июньский день, ушагавший за середину. Деревню, томящуюся в степном зное. Берёзы вспоминаю. Листья на них ещё молодые, но уже крепкие. И пахнут пока ещё тоже молодо и свежо. В такую жару даже у пыли, кажется, есть свой запах... А вот и Каля-маля. Он, как у нас говорят, под турахом, то есть слегка выпивший. Идёт, правда, твёрдо, не качаясь, точно посередине дороги и бормочет, сосредоточенно глядя перед собой. Но вот что бормочет? Это как раз и поражает.

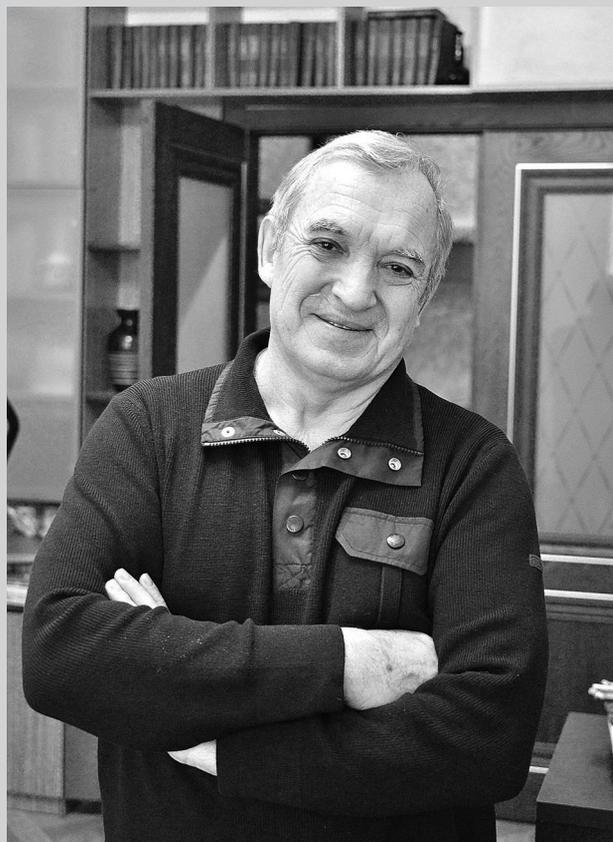
– Ага... Я – Каля-маля... А вы кто? Вы дети на луне при советской власти... Якорь его, материнская кровь... Що вы говорите?.. Ах нищо не говорите...

Он вместо «ч» приносит «щ». Но, что интересно, тоже не всегда. В одной из рыбацких деревень, откуда Каля-маля родом, так разговаривают чалдоны, их даже дразнят из-за этого: «Пощём, паря, щebaщки?» То есть «Почём, паря, чебачки...»

Почему я выделяю чалдонов? Так получилось, что сибирскую Кулундинскую степь, после того как она была обжита русскими, позднее, в переселенческие времена, стали осваивать и украинцы. Иногда они селились на совершенно голых местах, а чаще в деревнях, дымящих трубами, уже по сто, а иногда и больше лет. Такая деревня нередко делилась на две части. Одну называли чалдонским краем, другую – хохлацким. Позднее всё, конечно, перемешается, но поначалу и быт, и говор в такой деревне на разных её концах были разными. И я даже захватил это. Меня так и подмывает прямо сейчас подробно рассказать про такое село. Ан нельзя. Жанр требует другого. Мы же помним, что у нас Каля-маля идёт по пыльной деревенской дороге и бормочет:

– Ага... Я – Каля-малюшка... Всем, всем – доброго здоровьица... Вам-то хорошо... Вы не ветром дутые, вы яблоком тёртые...

У местной пацанвы он вызывает неодолимое любопытство. Что стоит за его словами? Что означает «якорь его – материнская кровь»?

Виктор САЙДАКОВ

Родился в пос. Сибирском Купинского района Новосибирской области. Окончил Новосибирский пединститут и военное училище. Работал в школе, служил рядовым в ГСВГ, офицером в военных газетах и журналах. Уволился в запас полковником. Десять лет возглавлял департамент МА «Сибирское соглашение». Одновременно вёл авторские программы на радио «Слово» г. Новосибирска.

Пишет стихи и прозу. Публиковался в журналах и альманахах «Воин России», «Дальний восток», «Сибирские огни», «Чаша круговая», «Парад литератур», «Александръ», в выпусках серии «Сибирская проза. Век XX – век XXI». Автор книги стихов и прозы «Сияющие окна». Лауреат литературной премии им. П. П. Дедова. Награждён медалью «Василий Шукшин». Член Союза писателей России.

Или «...мы не ветром дутые, мы яблоком тёртые»? Прямо колдовские какие-то слова. И мы нередко потихоньку идём за ним, сопровождая, чтобы послушать, вдруг начнёт выдавать что-то необычное, и тогда уж мы насмеёмся вволю. Иногда кто-нибудь поддразнивает его, но это какие-нибудь уж совсем отвязные пацаны, потому что, если узнают родители, то за такое выпорют будь здоров... Мальчишек в нашем посёлке много, и пока он идёт, нетрезвый и говорливый, не одна ватажка будет его сопровождать. Чаще всего действительно беззлобно, просто чтобы послушать диковатые слова.

На этот раз мы с Минькой Ребровым идём по обочине дороги рядом с Калёй-малёй, потому что нам по пути. В той стороне, куда он направляется, и наши дома стоят. Минька – пацан трусоватый, но задиристый, шкодливый и вредный. Он сразу же начинает приставать к Кале-мале:

– Каля-маля, тру-ля-ля, скажи, кого ты сегодня яблоком натёр?

Но тот, не обращая на Миньку никакого внимания, ступает своими старенькими кирзовыми сапогами прямо по толстому слою пыли, накопившейся в машинных колеях (а можно ведь и на обочину сойти), и вещает своё:

– Вы дети на луне при советской власти... Потом по дуге пошли к солнцу. А луне и не надо яблок... А материнскую кровь на якорь не переставить...

Минька опять за своё. Он забегает впереди Кали-мали, загораживает ему дорогу и снова дразнится:

– Калей-малей, дуралей... Кобыле хвост не пришей...

Я понимаю, что Минька перебарщивает и что всё это может закончиться чем-то нехорошим, и пытаюсь его остановить. Но бесполезно, Миньку несёт. Забегая вперёд, скажу, что это неумение вовремя остановиться и сгубит его в будущем.

А что же Каля-маля? Он останавливается, продолжая бормотать своё, оглядывается и, неожиданно свернув с дороги, направляется к берёзовой роще, к той, что у нашей совхозной бани. Она тут же, рядом. У нас, кстати, вся

деревня в берёзовых рощах. Мы идём за ним, хотя и не понимаем, почему он свернул туда. Оказывается, ему нужен колодец. Подходит, опускает в него ведро, стоящее на срубе и привязанное к вороту цепью, крутит ручку, а сам всё приговаривает:

– Водица не сама родится, её поднять надо вместе с материнским молоком... А молоко за луною белой... И детишков жалко, якорь его... Плывут в Мальково, а там рыбак бестолковый... И баба за гусем летит... А Шурку мою не трогать – приказ наркома...

Достав ведро с водой, он пьёт, обливаясь, затем снимает фуражку и смачивает голову с реденькими волосами. Остатки воды выплёскивает на тропинку, в пыль, и она моментально свёртывается в круглые, будто пуховые, шарики. Каля-маля берёт свой ящик, топор. И вдруг совершенно осмысленными маленькими острыми глазками (а не теми безумно расторможенными, с какими он произносит свои диковатые фразы) взглядывает на нас и говорит, показывая топориком сначала на меня, а потом на Миньку:

– А ты – Витька, Ивана Васильища сынок, а ты – Мишка, Алексея Егорыща...

У меня внутри всё замерзает от страха. Ёлки-палки! А вдруг отцу расскажет! Минька тоже понимает, что дело пахнет керосином, и отступает от Кали-мали. И я бочком-бочком, сначала быстрым шагом, а потом бегом устремляюсь домой. Пока бегу, мне кажется, что около колодца кто-то звонко кричит и ругается на всю рощу. Я не оглядываюсь...

2

Следующий день субботний. Кручусь около велосипеда, подкачиваю колёса, смазываю цепь – собираюсь на овраги. Там, в одном из них, что-то вроде маленькой заводи, где мы купаемся, хотя вода здесь горько-солёная, как и во многих озёрах нашей лесостепи. Выехать из ограды не успеваю. Во двор из дома выходит батя, замечает меня и говорит:

– Во! А ты мне как раз и нужен...

Он смотрит на часы.

– Сейчас к нам плотник придёт, дядя Саша, будем новые рамы в сараях вставлять... Поможешь... Ну подать там, поднести, что спросит... А мне, понимаешь, край как надо в это время в Куликовке быть... Но я быстро, туда и обратно... Через пару часиков обернусь... успеешь ещё закупаться.

– Дядя Саша? – я настораживаюсь. – Какой дядя Саша?

– Ну тот, которого Калёй-малёй зовут...

– Нет, папка, я не могу... и не хочу... мне нужно... – в лёгкой панике я начинаю нести что попало...

Отец с удивлением смотрит на меня и понимает своё:

– А я толкую – помочь надо. – В его голове появляются те самые нотки, когда спорить с ним не только бесполезно, но и опасно. – И правду мать говорит... Ты смотри, как разбаловался! Днями тебя не сыщешь, где-то блукаешь по деревне, вечером в дом не загонишь... Поможешь, я сказал... Здоровый уже (было мне тогда лет девять. – Авт.). А вот и он идёт...

Каля-маля именно в этот момент заходит во двор, здоровается с отцом:

– Доброго здоровычка, доброго здоровычка...

И сразу же направляется к сараю. Достает металлическую рулетку, ножовку, начинает вымерять проёмы окошек. И уже распиливает заготовки на косяки-короба, сбивает их. Молча, без слов.

Отец объясняет ему, что на время уедет и что с ним останусь за помощника я, потом заводит мотоцикл, и через минуту только пыль, поднявшаяся на поляне, напоминает о том, что он уже укатил.

Каля-маля работает, будто меня и нет рядом. Минут через двадцать скажет:

– Ты чего, паря, на солнце пекёшься... Иди вот сюда, под сарай, садись в тенёк...

И ни разу за всё время, пока занимается делом, не попросит что-нибудь подать или принести...

А вот когда возьмётся за рамы, позовет:

– Иди, паря, посмотри, как рамы вяжут.

И снова без слов и пояснений будет быстро и точно пропиливать пазы под перекрестья,

«добирая», где нужно, стамеской, сверлить коловоротом отверстия, обмазывать едким деревянным клеем чопики и лёгкими ударами вгонять их обухом топорика на место. Там, где нужно, проходится рубанком. Весёлая смолисто-хмельная стружка падает на его сапоги. Делается всё это сноровисто, быстро, вроде бы без всякого напряжения. Дерево податливо и послушно под его руками, словно в нём и крепости никакой нет и оно вроде тоже радуется, что с ним так умело обращаются ловкие руки... Раньше смотреть на это мне бы было, наверно, одно удовольствие. А сейчас душонку потряхивает, потому что не знаю, что делать и как себя вести. Я не боюсь, что он меня отругает или там затрещин надаёт, в крайнем случае всё это вытерплю. Куда хуже, если отцу расскажет, как я с пацанами пристаю к нему на улице.

Когда три рамы уже готовы, подъезжает отец. Спрашивает у Кали-мали:

– Ну как тебе мой помощник, Александр Григорьевич?

У меня на душе становится совсем нехорошо – вон как, оказывается, на самом деле зовут Калю-малю и как уважительно относится к нему батя.

А тот быстрыми глазками глянет на меня, на отца (у меня сердце, конечно, заколотится) и вроде нехотя скажет:

– А нищо... Парнишша большой уже, всё понимает...

Потом они заведут разговор о том, стеклить рамы сегодня или обождать, а я потихоньку выведу велосипед и дуну на овраги. Там на время обо всём забуду. Но когда покупаюсь, наняряюсь, надурачусь с пацанами в воде и они станут разъезжаться, мне станет грустно и тревожно. Почему так быстро кончается день и уже надо ехать домой? Медленно, как только можно, кручу педали, а дома посёлка, как назло и уж точно специально, с непостижимой скоростью летят навстречу. Я в это время обратные заклинания шепчу. Раньше они мне часто помогали, может, и сейчас выручат?

Обратные заклинания я придумал, что-бы сбывалось про кино – будет оно или нет. А кино я люблю больше всего на свете. Я бы день

и ночь его смотрел и смотрел. Хоть про что. И журналы про ремонт тракторов, и про спорт, и как целинники работают в наших степях... И даже про любовь. Самые лучшие картины, понятно, про войну и про шпионов. Те, которые я видел, прямо наизусть выучил. До самого последнего слова. Цветные фильмы вообще считаю волшебными. Но картины не каждый день в посёлок привозят. А наш дом стоит на самом краю. Чтобы узнать, есть ли кино, нужно бежать в центр. Там, на специальной чёрной доске, конторский художник Володя Панов меловой краской пишет название фильма. Если кино нет, то и доски нет. Вместо неё пустая рама. По субботам же чаще всего красуется вычурное слово «Танцы». Там тоже всё завлекательное и интересное, особенно музыка, которую крутит модный киномеханик Яша. Но пацанву по субботам оттуда гоняют, фиг в клуб прошмыгнёшь. А если ещё с красной повязкой дежурного ходит дядя Миша Рыбин, то вообще дохлое дело. Этот так прихватит пальцами ухо, полдня потом гореть будет...

Однажды я обнаруживаю, что, если бегу к клубу и всё время повторяю: «Не будет кина, не будет кина, не будет кина...» – то его, наоборот, покажут...

Поэтому сейчас на велосипеде я всё время шепчу: «Не ушёл Каля-маля, не ушёл Каля-маля, не ушёл...»

Потихоньку завожу велосипед в ограду... Ну да, обрадовался! Не сбылось! Сидят отец и Каля-маля на веранде, выпивают, разговаривают, так что в дом незаметно не проскочишь. Батя моментально меня замечает, зовёт к себе. По его расслабленно-благодушному виду понимаю – Каля-Маля пока ничего ему не рассказал.

– Ну что, накупался, сынок? – спрашивает отец, как бы приглашая и Калю-малю к разговору. – Проголодался, наверно, как собачонок? – И зовёт маму из глубины дома (дверь с веранды в комнаты открыта): – Мать, работник пришёл! Корми!

А я внимательно смотрю на батю. Интересно, насчёт работника – это он издевается надо мной или так говорит, потому что в добром настроении?

Появляется мама. Она возражает отцу, но делает это с улыбкой – гость же в доме:

– Чего он тут с вами, со взрослыми, будет... В доме покормлю...

– Да пусть посидит. – Почему-то так хочется выпившему бате.

Мама ещё раз поперечит:

– Зачем ему ваши взрослые разговоры... Да и выпиваете...

– Так мы же ему наливать не будем.

Отцу кажется, что он очень удачно шутит, а мама знает – в таком состоянии его трудно переубедить. Она приносит мне горячий суп, мясо.

А отец с Калёй-малёй тут же забывают про меня и продолжают прерванный разговор о жизни на островах на нашем главном озере Чаны, где они раньше жили. О рыбалках, об охоте... И чувствуется, что разговор у них уже идёт к концу... Я как на иголках. Пожалуеться или нет Каля-маля отцу на меня? И мне совсем в это время не до еды. Пока ехал на велосипеде домой, есть хотелось жутко, а тут еле ковыряюсь в тарелках, хотя мама постаралась: выставила для гостя-мастера и солёных подъязков, и сала нарезала, огурцов и помидоров солёных достала из погребных кадешек. На огороде-то пока ничего нет, только лук-батун да редиска. Остальное, свежее, с грядок, только к августу начнёт нас баловать.

Отец замечает мою вялость:

– Чего это? Разве работники так едят?

Молчу... Какой я работник, три часа простоял около сарая и даже гвоздя не подал.

И тут Каля-маля, молчавший и поддакивавший отцу, заговорит:

– Васильич, – скажет он, показывая на балалайку, которая висит на стене. – Знаю, ты на гармошке хорошо можешь. А на этой тоже?

Отец приосанится, снимет с гвоздя инструмент, подкрутит колки и с ходу запустит в веранду раздольную мелодию. И так празднично и уютно сразу станет за столом...

Но тут из комнат выйдет мама:

– Ты чего это, Ваня? – упрекнёт. – Гулянка у нас, что ли?

Отец возражать не станет.

– И правда, Лиза, – согласится он и повесит балалайку на прежнее место.

После этого Каля-маля засобирается. Он, слегка поклонившись маме, скажет:

– Доброго здоровьичка, хозяйка.

И отцу:

– Доброго здоровьичка, Иван Василич...

И тут пауза... Я гляжу в тарелку и понимаю, что он в это время смотрит на меня... И всё это длится, длится... Или мне так кажется?

Потом он произносит:

– И тебе доброго здоровьичка, паря...

Мама с отцом провожают его за ворота. Солнце в это время уже спрячется за нашу рощу, но просвечивает нежной алостью сквозь деревья, и вся наша поляна перед домами в качающихся закатных пятнах. Каля-маля идёт по этим пятнам, причём некоторые из них почему-то обходит, и начинает потихоньку что-то бормотать себе под нос. До нас доносятся слова и про якорь, и про материнскую кровь...

Мама, стоя у калитки, пригорюнится:

– Вот ведь что с человеком, а? – нажимая на «что», произносит она. – Сидел, молчал... Толковый, нормальный... И как сделал-то всё хорошо в сарае... А выпил – и вот тебе такое...

3

Дня через три-четыре я, как и водится в детстве, напрочь забуду свои предыдущие страхи. Теперь меня и пацанов с нашей улицы будет занимать совсем другое, но снова же связанное с Калёй-малёй.

Как-то поздним вечером, когда уже изрядно стемнеет, за клубом, около кинобудки, где мы собираемся с пацанами рассказывать друг другу на ночь страшные истории, кто-то из пацанов с нашей улицы спросит:

– А знаете, почему Каля-маля такой?

Молчим. Чего говорить, если не знаем.

– Потому что он бывший белогвардеец... Это он притворяется, чтобы себя не выдать... А дома у него такое... А Шурку... он пытается...

Вот тебе на! По-моему, у нас у всех в это время открыты рты. Особенно у меня. Хорошо, что уже темно и не видно... Мы, конечно, готовы

поверить в такую ошеломляющую невероятную новость. Каждый только об одном жалеет, что не он это придумал и сказал... А с другой стороны – как не поверить? Почему Каля-маля так странно себя ведёт? Ясно, нарочно притворяется, чтобы не разоблачили. Настораживает только то, что сказано про Шурку. Шурка – это дочь Кали-мали, крепкая, смуглая девчонка, наша ровесница. Смущает, потому что знаем про неё совсем другое, даже обратное... Да вот ещё непонятно: почему взрослые ничего не замечают – давно бы уже схватили и отправили куда надо этого заразу – Калю-малю... Но мы это в расчёт не берём. Ведь всё так приманчиво-интересно и, что важнее всего, таинственно.

Отношение пацанов с нашей улицы к Калё-мале теперь меняется. Если раньше мы смотрели на него с опасливой настороженностью, то теперь серьёзно побаиваемся, особенно когда встречаем по вечерам. И ведь что поразительно, в душе-то каждый, наверно, понимает, что с «белогвардейцем» мы явно нахимичили. Но разве в этом дело? Зато у нас начинается новая, жгуче-интересная, со всевозможными приключениями игра. Мы теперь, как нам кажется, по-разведчески умело следим за ним и по вечерам у кинобудки или около конторы первой фермы докладываем друг другу, где он бывает, что делает и чем занимается. И однажды решаем «проверить» Калю-малю стуколкой.

Стуколка? Это такая пацаньячья самодельно-устрашающая штукавина. Ею можно на расстоянии стучать в окно. На конце длинной-предлинной толстой двойной суровой нитки прикрепляется сырая картошина. Она подвешивается к окну. За нитку дёргаешь – картошина тарабанит в стекло или раму... Но это ещё не всё. Дома нужно тайком взять тыкву с огорода, разрезать её пополам, вынуть мякоть, а из корки вырезать рожу, да такую, чтобы, когда в неё вставишь зажжённую свечку, она с горящими глазами и зубами скалилась в окно... Постучишь – подёргаешь за нитку – хозяин отдёрнет занавеску:

– Кто там?

А там – жуткое страшилище, получай, белогвардеец, по заслугам!

И вот мы лежим в зарослях высокой конопели и полыни напротив дома Кали-мали. Вечер потихоньку переходит в ночь. Кое-где и звёзды уже проблескивают. В двух комнатах Кали-мали давно горит свет, а мы всё решаем и никак не можем решить самый главный вопрос: кто привяжет нитку к окну? И хотя хорохоримся, показывая свою смелость, на самом деле никто во двор Кали-мали идти не хочет. Минька возмущённо шепчет, что свою работу уже выполнил – картошку с ниткой принёс. Петька, мой брат (он погодок и поэтому как хвост, куда я – туда и он), рожу из тыквы вырезал... И получается, что именно мне надо подвешивать к окну стуколку и устанавливать тыквенную рожу... Сердце у меня колотится где-то в горле, пока я перелезаю через прясло из осиновых жердей в ограду. Хорошо, что собаки нет. В несколько прыжков долетаю до окна. И понимаю: повезло – прямо в раме торчит гвоздь, куда я и привязываю картошку на особую петлю, чтобы она двигалась. Потом кое-как прикрепляю рожу из тыквы, но без свечки. В этот день мы полдеревни обегали, и ни у кого из знакомых пацанов свечки не оказалось... И снова лихорадочными прыжками назад, в спасительную траву...

Нитка в руках у Миньки, и он начинает её дёргать. Подёргает – замрёт, подёргает – замрёт. И даже сюда, хотя до дома метров десять, доносится стук. Да и не стук даже, а, нам кажется, просто невероятный грохот на всю улицу. Но в доме никакой реакции. И тут слышим, глухо хлопает внутренняя дверь в избе, потом скрипит другая в сенках, и во двор выходит Каля-маля. Мы обмираем. Видно не очень хорошо. Стеннело-то изрядно. А ну как с ружьём? У нас такое бывает. Почти в каждом доме есть дробовик – охотников полдеревни. Случается, если кто-то кого-то уж сильно по ночи донимает, хозяин запросто может выскочить из избы и пальнуть вверх для острастки. Хорошо, коли вверх, а не солью по заднице. Мужики у нас народ незлой, но решительный. Да что там мужики, недавно парни, для нас, пацанов, уже завидно взрослые, идут по Школьной улице мимо дома Мариниченко и друг перед другом выделяются. И чем-то не понрави-

лась одному из них собака. Ну и запустил он в ограду камнем. А на крыльце тетя Поля стоит. Хозяйка.

– Что же ты вытворяешь, идол головастый! – кричит она. – Чем она тебе помешала?

А это те парни, которые себя считают самыми смелыми и лихими в деревне. Правда, не там, где надо. Позднее некоторые из них из тюрем вылезать не будут. И бросивший камень отвечает пожилой уставшей женщине:

– Гавкает она у тебя не так, как надо... – И после паузы уже совсем по-хамски добавляет: – Почти как ты...

И идут дальше, хохочут.

Буквально через несколько секунд слышат громкий тётти-Полин голос:

– Эй, хохотуны...

Оборачиваются – тётя Поля на крыльце с двустволкой. Как саданёт из одного ствола по верх голов, а потом из другого в воздух. Треск от рвущихся штанов стоит на полдеревни – это удалцы скачут по улице, не жалея ни узких в шагу брюк, ни обуви...

...Снова мы заговорились. А у нас ведь Каля-маля вышел во двор к нашей стуколке и ворчит:

– И шебуршит, и шебуршит... Чего шебуршит? Кто? Спать вить надо...

Теперь мы различаем его силуэт на фоне окна.

– Мудрёно, – продолжает ворчать он, разглядывая стуколку.

И тут замечаем, что Минька трясётся, машет рукой и пытается сбросить намотанную на палец суровую нитку. Оказывается, Каля-маля тянет её с того конца в свою сторону. Мы смотрим, как она рывками ползёт внутрь ограды, и в этот момент нам становится особенно страшно. Вот тебе и напугали Калю-малю! Сами лежим и колотимся от страха. В это время Каля-маля громко хмыкает, обнаружив тыквенную рожу.

– А это что за солдатик? – спрашивает он. – Плохой солдатик. Раненый солдатик.

Потом тишина, и прямо перед носом Миньки что-то шлёпается со смачным звуком... Минька от неожиданности взвизгивает, вска-

кивает на ноги и несётся в темень, подальше от дома Кали-мали... Ломая полынь и коноплю, летим следом за ним и мы...

На следующий день в разговорах каждый гнёт свою, конечно, самую правдивую линию. У меня такая:

– Каля-маля с ружьём выскочил и дулом туда-сюда, туда-сюда, потом, как увидел рожу, затрясся, ружьё выронил и давай бросать камнями в нас, а после этого забежал в сенки и закрылся... Завтра, наверно, сдаваться пойдёт в контору... Давайте ему на ограде объявление прилепим: «Сдавайся, гад!»

Петька:

– Он был вовсе без ружья... У него была сабля, спрятанная с белогвардейской войны... Он саблей как по нитке рубанёт, потом хотел и по тыкве тоже, но она такая страшная, что он испугался и упал, а тут Минька как заорёт: «Бежим!» И чего орал, только рассекретил нас, а так могли бы мы саблю эту раздобыть...

Самый большой герой, понятно, Минька:

– Не так! Не так! Не так! – захлёбывается он словами. – Каля-маля как выскочит! Как схватится за нитку! А я как рвану её на себя, он и скопытится, упадёт. А потом поймёт, что это я всё придумал, и как швырнёт в меня тыквой! А в ней граната! Хорошо, что она не взорвалась. А то бы нам всем капуг...

4

А потом... Потом, не помню, когда и почему, у мальчишек моего возраста интерес к Кале-мале пропадёт. Как-то неожиданно, почти враз. Повзрослеем мы, что ли? То есть он станет жить, как и жил, как бы сам по себе, а мы сами по себе. Не пересекаясь, не перенося на него ту жгучую потребность в приключенческой игре, когда не ешь, не спишь, а только и живёшь этим нескончаемым приключением. Слухи о его чудачествах уже перестанут нас будоражить и манить полусказочной, по-детски наивной притягательностью...

Позднее стану примечать и другое. Если он куда-нибудь уедет или, заболев, долго не будет выходить из дома, то как-то пусто ста-

нет на это время в деревне, словно чего-то в ней не хватает. Впрочем, это касается и других людей, в коих живёт какая-нибудь причудинка. И вижу, понимаю – у нас почти каждый был таким... Таким, да не совсем. Именно поэтому пробьётся как-то один недовольный голос через все остальные ко мне: ну а с какого, мол, боку ты здесь Калю-малю прилаживаешь? Ведь блажной какой-то! Да боже ты мой! С того же, что и всех других. Из него и из тех, о ком я уже рассказывал, из их самородных характеров и складывается душа всякой нашей деревни, её корневая крепость и особость...

Конечно, Каля-маля другой. Так крепко запавший в мою память, он странно жил, странно и ушёл. Правда, всё остальное, связанное с его жизнью, я уже узнаю из разговоров и слухов, где больше домыслов и предположений, потому что рано уеду из родного дома... Но так получилось, что это самое остальное отложилось в моей душе как продолжение предыдущего, а кое-где оно слилось и перемешалось с ним. И получается, что я заканчиваю свой рассказ о событиях, связанных с Калёй-малёй, как бы увидев их теми же пацаньими, мальчишескими глазами, какими смотрел на него в детстве. Понимаю, что здесь есть своя условность, но ничего поделать с этим не могу. Всё соединилось в одно, начиная с того момента, когда мы шагали рядом по знойной пыльной деревне и он выговаривал диковатые и не совсем понятные слова: «...Якорь его, материнская кровь! Вы дети на луне при советской власти...»

Его, кстати, и вызовут пару раз в контору по поводу этих присказулек, и местный начальник, насупившись, спросит:

– Ты чего там буровишь про советскую власть?

– А не помню, можа, пьяненький был...

– У нас всё равно – пьяный или трезвый, за свои слова отвечать надо...

– Дак и не помню я... Меня вить как шархнуло тогда два раза, так и забываю всё... И в голове гудит, и вроде разговаривает там кто... А вам разве не говорили?

– Где это тебя шархнуло? – силясь что-то вспомнить, напрягается конторский работник,

потому что биографию Кали-мали не знает, да и не знал никогда. Слышал только, что переехал он в посёлок из какой-то рыбацкой деревни, что на озере Чаны. Но таких сейчас много – совхоз растёт и приманивает жителей, особенно из соседних колхозов, где совсем недавно стали выдавать паспорта и отменили трудовни.

– Дак где? Где всех шарахало... На войне жа, – часто помаргивая короткими белёсыми ресницами, простодушно отвечает Каля-маля...

Начальник пристальнее смотрит на невысокого мужичка в заскорузлых кирзовых сапогах и в неопределённо-серого цвета пиджачке-обдергайке. В руках у того выцветшая пропотевшая фуражка. Он её мнёт, перебирает. И заметно, как непривычно и неловко чувствует он себя в прохладном кабинете с длинными, до пола шторами. Конторский человек что-то прикидывает в уме, машинально высчитывая, на сколько старше его пожилой плотник. И неожиданно для самого себя переходит на «вы», напряжённо пытаясь вспомнить имя этого «шарахнутого». И не может. На языке всё вертится и вертится дурацкое прозвище – Каля-маля.

– Вы уж как-нибудь того, – конторский неопределённо крутит пальцами около головы, но что-то соображает, отдёргивает руку и, сердясь непонятно на кого, в конце концов почти просительно добавляет: – А то вот милиционер жалуется, просит воздействовать, говорит, могут и в район привлечь...

– Так был уже...

– Не понял, где был?

– Да в районе же.

– И что?

– Тоже за советскую власть говорили... Так я же защищал... Я им, как было, всё и сказал... У меня и документ есть... Я показывал...

– Какой документ?

– Ну что шарахнуло... Меня отпустили, сказали, чтобы не хулиганил... А можно я пойду?... Сегодня баня, а я пораньше хотел... – И снова улыбается простодушно и наивно.

– Идите, – вздыхает начальник.

Когда за Калёй-малёй закроется дверь, он нальёт себе из гранёного графина стакан воды, выпьет её в два глотка, закурит папиросу и по-

дойдёт к окну. Посмотрит. По дорожке между тополей идёт Каля-маля, разговаривая сам с собой, останавливаясь, разводя как бы в удивлении руками и снова продолжая замысловатый путь по нашей деревне, по своей контуженной жизни...

Кабинетный дядька резкими затяжками докурит «беломорину». Он ощущает, как неровно бьётся его сердце. Как-то боками, что ли. Пока он смотрел на Калю-малю, возможно, вспомнил своего батю в таком же пиджачишке и в такой же точно фуражке-шестиклинке. Почти все их тогда носили. И подумает – надо зайти на кладбище, проведать, ведь каждый день мимо проезжает... Эх, стыдоба! В начальники, видишь ты, выбился...

...Не знаю, так ли точно было с этим конторским человеком. Но мне захотелось, чтобы так...

Совхозная баня у нас завидная. Просторная. Вода из скважины. Хоть залейся. И парилка по уму сделана. Пар в ней не из каменки, а из трубы, но такой, что и самые закоренелые парильщики нос не воротят. «Настоящий, ядрёный, – говорит сосед по нашей улочке дядя Вася Горковенко, – аж внутри свербит и костишки как надо распариват».

Это местные умельцы расстарались, что-то придумали там с паровым котлом, переходниками, какими-то золотниками... Да и неважно, как там всё устроено, важно, что придумали и что есть они у нас, умельцы-то. И значит, есть где попариться мужикам всласть. Ну и мы, пацанята, иногда в парилку свой нос суём. Интересно же! Заскочишь, а там такое! Малиновые, алые, вишнёвые тела ворочаются на полке. Веники по спинам, ногам, животам и задам ходуном ходят! И почти в предсмертном сладостном всхлипе папки наши кричат не своими голосами, какими кричали, наверно, только на войне: «Ещё! Ещё! Так! Так, едри её мать! Вот достал так доста-а-а-ал!»

Назад как ошпаренный, да чего там «как», действительно ошпаренный, выскочишь – и через мойку в предбанник. К прохладному решётчатому полу голову присунешь и дышишь, дышишь... А сердчишко вот-вот выбьёт рёбра...

Повезло! Снова живой! Снова, потому что опять ведь полезешь на полочку пробовать несусветный жар. А как же! Папки и старшие братья могут, а ты?

Самая интересная жизнь у нас в банном коридоре. Здесь по стенам стоят лавки. На них сидит «очередь». Человек пятнадцать мужиков. И хотя почти все они эту самую очередь заняли давным-давно, проходят по ней так: дверь открывается, какой-нибудь пацан или дедуля спрашивает:

– Кто последний?

Ему тут же отвечают:

– Иди вместо меня, я пропускаю, сам позднее пойду...

И так всё длится часа два-три. А те, кто остаётся сидеть, коренные крепкие мужики, ведут в это время разговор. Боже мой, какой он притягательно-интересный, этот разговор. Если удавалось потихоньку «застрячь» в коридоре, то такое услышишь! Тут тебе и прибаутки, и анекдоты, и всякие случаи на охоте и на рыбалке. Иногда с хохотом, иногда с раздумчивым покашливанием: «Ты смотри, мать её за ногу!» Но больше говорили про войну. Про то, что и как каждый видел. А дым махорочный стеной стоит, такой плотный и едкий, что глаза слезятся.

И Каля-маля здесь же сидит, в уголочке, и когда кто-то рассказывает, как его ранило, как накрыло роту миномётным огнём или как чуть не захлебнулись при форсировании реки, – всплёскивает руками и сокрушённо качает головой: «Ой-ё-ёй, надо же!»

И кто-нибудь из мужиков не выдержит, скажет с удивлением:

– Ты смотри, как переживает... – И хохотнёт, хотя и по-доброму, но всё-таки обидно-снисходительно.

Чаще всего бывает, тут же и отправят Калю-малю мыться:

– Ну чего ты-то здесь толчешься? Иди уже мойся... Шагай вон по моей очереди.

– Ну да, ну да, – встанет Каля-маля с лавки и вроде как сказать что-то захочет, но снова растерянно произнесёт: – Ну да, ну да... – И пройдёт раздеваться в предбанник...

По неведомым свыше законам именно в бане произойдёт с Калёй-малёй случай, который взбудоражит всю деревню. Как-то весной, с утра, когда баня ещё почти пустая, он придёт туда вместе со своим напарником по работе (назовём его Артемием). Пока будут раздеваться в предбаннике, этот самый Артемий всё его будет подзуживать и поддевать. Такой это человек, без подковырок жить не мог. Потом расскажут об этом примерно так: Каля-маля, дескать, сидит в какой-то своей внутренней задумчивости и молчаливости, а Артемий его всё шпынует и шпынует:

– Чего морщишься, Каля! Голова, что ли, болит? А ловко ты это придумал – дурачком прикидываться, а? И на работе тебе послабка за это, и сто грамм, жалеючи, всегда нальют... У нас вот одна бабка во время войны всё на тятке ездила, а зимой снег полола, чтобы, значит, за тронутую принимали и работать не заставляли...

– Не надо, Артемий, нехорошо, – слабо отговаривается Каля-маля.

– Конечно, нехорошо. И что существенно, тоже войну сюда приплёл... А как же, рассопливятся, война же всё спишет, контузия, мать её перемать...

– Зачем ты так... Ты же не знаешь... Мне вот больно...

– Во-во! Ты прямо артист у нас... Больно ему... Ещё и слезу подпусти... И по деревне ходишь, буровишь черт-те что, да складно, прямо писатель...

– Эх, Артемий, а если тебе кто больно делает?

– Мне больно? Мне больно не бывает, хоть ломом бей...

И тогда, как расскажут очевидцы, Каля-маля вытащит столярный ножичек и ткнёт им Артемию в плечо...

Как он закричит и заверещит! На улице будет слышно:

– Сволочь! Гадина! Убил! Мне же больно...

– Так и мне больно, Артемий, – ответит Каля-маля. – Я же говорил тебе...

Ну, понятно, милиция, врач. Хотя врач там и не нужен, ранка так себе, пустяковой окажется.

Увезут Калю-малю в райцентр, в милицию, а по деревне языками станут трепать.

Одни говорят:

– Так и надо! Что за мода ножиками тыкать, так он нас всех перережет. Такие в тюрьме должны сидеть.

Другие:

– Да жалко мужика. Этому Артемию давно пора уже его гадский язык топором отрубить. Сам напросился. Нашёл с кем воевать... Он муху-то хоть обидел за все эти годы, Каля-маля? Довёл он его...

Но, к удивлению всех, через два дня Каля-маля снова появится в посёлке. Снова он будет идти посреди деревни и снова приговаривать своё диковатое:

– Детей нельзя допускать к яблокам через луну...

В общем, всё как раньше. Хотя нет, не всё. Добавятся ещё такие фразы:

– А Артемий хотел, чтобы Каля-маля его зарезал. А нельзя... Больно... У Артемия ведь материнская кровь...

Отпустят из милиции Калю-малю, как будут говорить, из-за его справки и из-за того, что Артемий скажет в милиции, что он сам случайно на ножичек наткнулся. В деревне удивятся. И порадуются.

– Ишь ты, – скажут, – не совсем пропащий, выходит, Артемий...

5

Потом май подоспеет. Да тёплый, да весёлый, да ранний. Каким-то розовым, сплошь праздничным он казался тогда нам в детстве. Раз на раз, конечно, не приходилось. Но в том году, о котором речь, с начала апреля солнце лупило без всяких перерывов. Быстро высохнут в степи огромные, сверкающие чуть не до самого горизонта лужи, набравшиеся из талого снега. Уйдёт вода из берёзовых околков. На озёрах всё тише и тише будут гомонить дикие утки и гуси, постепенно успокоившись после хлопотливых свадеб, определившись в пары и высиживая своё потомство. По обычно грязной в это время деревне уже вовсю ездят. Дорога

крепкая, тропинки сухие, и можно ходить в летней обуви. Ноги – так прямо радуются: очень уж устаёшь от валенок, а особенно от сапог.

В наших степных сибирских местах природа проявляет себя резко и отчётливо. Бывает, холода жмут почти до июня, и всё вокруг серенько и по-сиротски скудно. Трава еле-еле пробивается, листья на деревьях сжаты в бледно-сизые комочки. А если весна такая, как на этот раз, то солнце – в полнеба. В степи и в окошках травы и деревья беспрерывно и густо взрываются зеленью, под гривами разноцветные полосы от местных подснежников-прострелов. А птицы что вытворяют! Скворцы по утрам и вечерам до такого беспамятства допеваются на своих скворешнях, что хоть кричи, хоть стреляй, хоть руками маши рядом с ними – ни на что не обращают внимания. И жаворонки от них не отстают. День-деньской напролёт вышивают серебряными нитками под самым солнцем такой трепещущий песенный узор, что голова кружится. Да и как не закружиться, когда ещё и с полей волнами накатывает на деревню пряный воздух, будоража моих земляков забытыми за зиму степными запахами. Кто-нибудь из мужиков, стоя в огороде около заканчивающейся скирды сена и глядя на далёкие, в синей дымке гривы, вздохнёт, качая головой:

– Вот ведь что выдывает весна, а! И помирать не захочешь!

Три небесных сердечных и добрых праздника обычно приходятся на апрель и май. Пасха, которую у нас отмечают обязательно, хотя церкви в посёлке никогда не было, Родительский день и День Победы...

И когда праздник совпадает с такой весной – ослепительно-розовой по утрам и яростно бушующей в степи зеленью, – то это уже и не праздник, а паломничество души в какие-то счастливые выси.

Девятого мая все собираются к памятнику около клуба в центре села. Памятник у нас хороший, удачный. Высоченный и острый, как винтовочный штык. На нём орден Отечественной войны. Внизу плита с барельефами – картинами войны – и, конечно, фамилии тех, кто не вернулся. Идут к памятнику с утра семьями,

не торопясь, принарядившись... И Каля-маля идёт, немного в сторонке. Он и во время всего митинга будет стоять как бы поодаль. Со снятой фуражкой, которую по привычке мнёт в руках. А на него всё чаще и чаще взглядывают. В большинстве своём – с удивлением. Как будто заново узнают. Некоторые – так и с недоумением. Вроде: «Да кто это? Неужели Каля-маля?» И, скосив взгляды на свои медали, ревниво и озадаченно переводят их на грудь Кали-мали, которая плотно завешена уже потускневшими, но сплошь боевыми наградами... И будет женщина пожилая, приехавшая специально из того самого рыбацкого посёлка, откуда родом Каля-маля, стоять в толпе, вытирая концом платка глаза, и говорить:

– Вот и довелось ещё увидеть тебя, свет Григорич... Ох, какой же ты стал... Ох, какой... А соколиком ведь летал, Саша... Соколиком...

Он идёт от обелиска последний... Плачет, прикрываясь фуражкой и произнося совершенно отчётливые и ясные слова:

– Ребятишечки-то какие позаснули на войне, да не только же здесь, а в каждой деревне, в каждом хуторе... Вот бы все-то встали да пошли – это сколько их бы было? Не сосчитать...

И какое-то время в деревне, помня его на митинге, будут останавливаться мужики и здороваться за руку или издали снимать кепку. А в коридорчике бани станут уважительно предлагать место, и в разговорах о войне, когда он туда приходил, будет меньше тех приукрашиваний, без которых наш человек никак не может жить...

А потом снова всё начнёт забываться и затираться. И снова начнут посмеиваться, когда он, выпив пару рюмок, будет идти по деревне, сосредоточенно упёршись в одну точку впереди себя, выговаривая непонятные и нелепые слова...

Так он зайдёт однажды летом в берёзовую рощу, что рядом с его домом. В роще он увидит бортовую машину с оборудованными в кузове сиденьями и молодых парней и девчат, с гомоном, с песнями и гармошкой усаживающихся в ней, чтобы ехать на купание, на знаменитое местное озеро Яркуль.

Он заволнуется, подойдёт к шофёру, стучащему носком сапога по автомобильным баллонам, попросит:

– А меня с собой не возьмёте?

– Нет, отец, не возьмём, – ответит парень, полуулыбаясь, передвигая папироску из одного угла рта в другой, попыхивая дымком. – Мы же день молодёжи отмечать едем. Тебе-то зачем туда?

– Так это... Там ведь деревня рядом, где я, значит, родился... Возьмите, а? Я попроведавать хочу деревню-то...

– Нет, отец, не проси... Видишь – и так машина перегружена. Куда тебя садить?

– Никто не хочет брать Калю-малю... Никто и никуда, – сокрушается он и садится на ствол изогнутой берёзы. И всё смотрит и смотрит просительно на шофёра. А рядом мальчишка лет пяти-шести. Он по-детски внимательно и как-то строго за всем этим наблюдает и вдруг начинает плакать:

– Возьмите с собой дедушку! Ну возьмите...

Так под слёзы пацанёнка с песнями и смехом выезжает из рощи на дорогу машина. Нет, не возьмут с собой Калю-малю...

И опять он будет идти по деревне, по моему детству, приговаривая:

– Вы дети на луне, а я здесь пока тоже. А может, и не здесь... А туда кто же пустит меня?.. А вы ничего не знаете про меня... И не надо знать. Ох, не надо... И про себя тоже...

Я иногда думаю об этих словах. Думаю – ведь он что-то вкладывал в них? Что?

ЗДРАВСТВУЙ

Казалось бы, такие простые вещи, как сказать человеку спасибо или поздороваться с ним при встрече, сами собой разумеются. Но недавно родившийся ребёнок, подрастая и выходя в мир, не имеет об этом понятия. В его жизни обязательно должен быть кто-то, кто научит, объяснит ему, как вести себя в той или иной ситуации, воспитает его. В противном случае судьба такого маленького человека незавидна.

Ещё недавно и я был маленьким. Моя прабабушка, Павлина Ивановна, прожившая немногим больше ста лет, была очень мудрой. Бывало, сядем с ней на лавочку за воротами, и она рассказывает мне про старину. А порой чему-то учит. Как-то раз она и говорит:

– Лёня, слушай, что скажу. Когда видишь человека, обязательно здоровайся! Скажи «здравствуй» и поклоняйся. Поклоняться – голова не отвалится. И старайся сделать это первый.

– А почему, бабушка, здороваться первым нужно? – недоумеваю, спрашиваю я.

– А это чтобы твой ангел быстрее до человека долетел, чем его ангел долетит до тебя. И неважно, знакомый он тебе или нет. Повстречался с ним на пути, пожелай ему здоровья – поздоровайся. А я как-нибудь буду по улице идти и спрошу, здороваешься ты или нет, или люди сами про то скажут. Если скажут, что не здороваешься, мне будет очень стыдно, что мой внучок – шалыган непутёвый, а скажут, здороваешься, – большая радость, буду не стыдяться смотреть людям в глаза! – ответила она.

Тут я задумался и спросил:

– Бабушка, а кто такие эти ангелы и почему они наши?

– Ангелы, внучок, – это могучие светлые духи, которых сотворил Бог. Он дал каждому из нас ангела, чтобы этот разумный дух всю нашу жизнь приглядывал за нами и помогал нам. – Потом, немного помолчав, как будто что-то вспоминая, бабушка продолжила: – У меня в сундуке есть записанная мной когда-то сказка

о людях и ангелах, которую рассказала мне моя тётка. Я тебе её сейчас принесу.

И, с трудом поднявшись, опираясь на кофты, бабушка пошла в хату. Вскоре она вернулась, в руках у неё было несколько пожелтевших и почти истлевших, пахнувших нафталином листов. Присев ко мне поближе и обняв, бабушка начала неторопливо читать:

– «Жили два человека. Два ровесника. Один был богат, силен и красив, жил во дворце и ни в чём не нуждался. Второй, напротив, был беден и всё время искал себе пропитание. В один из дней пошли они странствовать. Богач от скуки покинул дворцовые стены, пресытившись благами шикарной жизни, а бедняк, пытаясь нужду, искал себе кусок хлеба.

Первый человек шёл по дороге угрюмым, тому, кто встречался с ним, не говорил ни слова, всё вокруг казалось ему враждебным. Даже в самый погожий день этот богач не видел солнца, не замечал неба над своей головой. Он всё молчал и внутренне гневался, думая, что люди первыми должны с ним заговорить. Он был горд, и гордое сердце превратило его в старика! А второй человек был хоть и беден, но весел и радостно приветствовал всех, кто встречался ему на пути. Милостыни не просил, путники сами щедро угощали его, радуясь встрече с ним, так как имел наш бедняк живое приветливое сердце!

Вот однажды встретились богач с бедняком. Богач, как обычно, прошёл мимо, уже еле волоча по каменистой дороге натруженные, больные ноги. Вдруг услышал он за спиной долгожданное доброе слово:

– Здравствуй, – сказал ему бедняк.

– Здравствуй, – несколько отрешённо отозвался богач.

Словно живой водою, был напоен богатый человек этим чудесным словом. Его гордое слепое сердце ожило! В это время в небесах два ангела, встретившись и вняв благодатному слову этих людей, с одного сбросили одеяния старости, вернув ему молодость и красоту, а второго навсегда укрыли от бедности, поселив как прекрасного, надёжного друга во дворце у богача».

– Вот так-то оно всё и было, – сказала бабушка, вытирая краешком платка влажные глаза.

И тогда я впервые понял, как важно просто поздороваться! Ведь когда мы приветствуем первого встречного, даже не зная, кто он, мы желаем ему здоровья! От этого становится хорошо на душе не только у нас, но и у наших близких радость поселяется в сердце, а главное, в этом нехитром деле участвуют ангелы – бесплотные, светлые и добрые силы! Значит, обыкновенное приветствие имеет необыкновенную силу!

С тех пор я всегда здороваюсь и учу этому своих детей. Даже бывая в городе, видя человека, говорю ему: «Здравствуйте!» Реакция бывает разная. К сожалению, культура здороваться с незнакомыми людьми у горожан почти сошла на нет. Некоторые, случается, кивнут в ответ, но большинство молчаливо проходят мимо, вероятно, думая: «Вот чудак! Я его не знаю, а он со мной здороваётся...» Ну и пусть! Главное, мой ангел долетел до незнакомца и принёс ему чуточку здоровья! И бабушкина душа видит меня и радуется всякий раз, когда я, её правнук, отдаю кому-то приветствие. Да и мне самому иногда очень приятно слышать от людей, особенно от стариков, что мои дети с ними здороваются.

Давайте всегда здороваться друг с другом, чтобы тёплыми были наши встречи и здоровья в окружающем нас мире с каждым произнесённым «здравствуй» становилось неизмеримо больше.

РОЗЫГРЫШ

Эта история приключилась со мной в детстве. Мне повезло: детство моё случилось на закате советской эпохи. В ту пору не было смартфонов, планшетов и компьютеров, но зато были настоящие друзья – весёлые ребята, такие же, как и я, жившие со мной по соседству. Да и само время было иным: добрым и

неторопливым. И это время мы проживали как могли – шумно и озорно.

На каникулах в домах нас видели редко. С утра до ночи были мы на улице. Играли в различные подвижные игры вроде догонялок или «казаков-разбойников», бегали купаться на речку, в золе от костра пекли картошку, а иной раз просто собирались где-то в лесу и травили друг другу леденящие душу байки, пугая девчонок. А однажды летом устроили им такое эффектное представление, о котором я и сейчас вспоминаю с дрожью в душе.

Недалеко от моей улицы, в переулке, в котором жили мои дедушка с бабушкой, стояла старая хата. В эту хату заселились новые жильцы и, как полагается, стали наводить порядок. Около двора спилили несколько огромных тополей и сложили их возле своего забора. Вот как раз там все и играли. Иногда, в солнечные дни, мы сидели на тополёвом стволе и лупой выжигали на его коре причудливые узоры, а бывало, забирались на массивные ветви и раскачивались на них, как на качелях.

И вот как-то раз, так качаясь, мой друг Максим предложил:

– Пацаны, а давайте девчонок разыграем?

– Как? – спросил я.

– Да просто, будем качаться, а когда они станут мимо проходить, мы тебя столкнём. Ты упадёшь и притворишься мёртвым, а мы тебе подыграем.

– Пойдёт, – сказал я, и мы стали ждать.

Вскоре появились девчонки, а Максим с Юркой меня толкнули. Я, сорвавшись с веток, так натурально упал на спину, что не только девчонки, но и сами пацаны, наверное, поварили в мою неминуемую смерть. Я до сих пор удивляюсь, как тогда ничего себе не сломал.

– Лёшка, вставай! – крикнул Юрка.

Я лежал не шелохнувшись, вполглаза наблюдая за происходящим. Максим, спрыгнув с ветки, стал меня тормошить, призывая подняться, а потом всем объявил:

– Да он не дышит...

– И пульса нет, – вторил Максиму перепуганный Юрка.

– Что делать будем? Нужно скорую вызывать, – предложил Серёга.

– Ага, ты ещё в милицию позвони, – цыкнул на него Максим.

Надька, самая старшая из девчонок, побежала ко мне. Стала шупать мой живот. Тут я, закрывши глаза, насколько мог задержал дыхание.

– Наташка, Олька, он правда не дышит! – проревела она и со всех ног побежала к дому моего деда. Олька и Наташка, визжа, кинулись следом за ней.

Пацаны стали свистеть и кричать им, чтобы те вернулись, да куда там! А я лежу и думаю: ну всё, приплыли!

Природа изнывала от июльского зноя. Был полдень. Дед мой, вероятно, дремал. И можно было себе представить, как он тогда спросонок испугался влетевшего в дом девчачьего роя, сообщившего ему, что Лёшка – умер...

Минутой позже я уже видел грузного, в одних семейных трусах мчавшегося ко мне деда и понимал, что сейчас я чудным образом воскресну, но как жить-то теперь... И эта мысль наводила на меня ужас похлеще, чем на девчонок наша разудалая шуточка.

Дед, подхватив меня на руки, горестно запричитал:

– Лёнька, внучок... Да как же так-то?..

Тут я открыл глаза и сказал:

– Дед, ты чего?

Бледный и без того дед побледнел ещё больше и лицом стал похож на только что выбеленную печь. Но надо отдать ему должное, сориентировался быстро, больно ухватил меня за ухо и, прищурившись, прорычал:

– Чтоб я тебя месяц в своём переулке не видал...

В следующее мгновение я был дома. Мне было стыдно и очень жалко горячо любимого деда Юру, который вскоре отошёл сердцем и уже через неделю смилоствивился, позволив мне снова играть с ребятами у себя в переулке.

ЛУЧНИКИ

Память человеческая словно закрытая книга, хранящая в себе превеликое множество воспоминаний. Но бывает так, что порой ветер дум всколыхнёт её, приоткрыв давно забытые страницы. И тогда, словно птицы, летят они, эти страницы, из моего далёкого тёплого детства, оживляя взмахом крыла канувшие в Лету события и ушедших людей, некогда живших на родимой земле, её заботливых хозяев, непрестанно трудившихся, растивших детей, любивших эту жизнь до последней своей минуты, – моих родных бабушек и дедов.

Я расскажу вам историю, которая случилась однажды на хуторе, где жили они, мои старики, и куда мы с сестрою частенько навдывались летом.

В тот год я окончил первый класс. Моя двоюродная сестра постарше меня, и, как это частенько бывает, она командовала мною, младшим, покоя мне не давала. Характером она уже в детстве была человеком педантичным – прямо как немка. Всё у неё по часам расписано, по минутам, распорядок дня такой, что хоть стреляйся! В шесть утра – подъём, в восемь – завтрак, с девяти до одиннадцати – чтение книг... Вот сидит она как-то, читает, а я пристаю к ней:

– Оксанка, что у тебя за книжка?

Она молчит, глазами строчки перебирает. А я не унимаюсь, всё наседаю на неё:

– Ксюш, ну что читаешь?

– Фенимора Купера «Зверобой...», – не глядя на меня, коротко бросает она.

– А что пишет этот Фенимор? – с интересом спрашиваю я.

Сестра, поняв, что пристал я всерьёз, отложив книгу, отвечает:

– Разные истории про индейцев. – И так живописно поведала мне об этом Зверобое, что моё юное сердце загорелось жаждой приключений...

И я тут же предложил:

– А давай-ка в индейцев поиграем!

Эта затея показалась ей интересной, и она согласилась. Мы вышли во двор. День был погожий. Возле бани стояло ветхое корыто с только что налитой водой, а на воде качались солнечные зайчики. Бабушка собиралась стирать бельё, приготовила всё для полоскания, но приболела и пока что лежала в горнице. А мы, докучливые, оказавшись по этому случаю на улице, наглядевшись на зайчиков, побежали к курятнику. Молодой разноцветно-пышный петух важно восседал на заборе дворика, по которому неспешно ходили куры. Увидев нас, петух наершинился, того и гляди слетел бы со своего пьедестала и непременно напал бы, подойди мы к нему ближе. Но в этот раз ни он, ни кудахтавшие куры были нам неинтересны. Нас волновали гуси, а вернее, их перья. Перья у них были шикарные – белые и бело-серые, валявшиеся повсюду. Это обстоятельство чрезвычайно обрадовало нас, освобождая от лишних хлопот по поимке гусей... Набрав перьев и наспех смастерив себе индейскую одежку, мы были готовы встать на тропу войны. Оставалось дело за малым – раздобыть лук со стрелами. Но где их взять? С этим мы решили пойти к старенькому дедушке, то есть прадедушке, который нас всегда жалел и любил так, что сердце щемило. Он никогда нам не отказывал в наших просьбах, частенько потакая даже шалостям. А тут какой-то лук! Изготовить для нас ему как моргнуть.

Прадед Алексей жил по соседству с сыном и снохой. От природы мужик крепкий, почти всю жизнь проработал кузнецом. В саду оборудовал себе мастерскую вроде кузницы и частенько там что-то выстукивал. Вот и тогда он находился в «кузнице» и мастерил какую-то хитрую штуковину. Мы пролетели туда, к нему, через калитку в заборе.

– Деда, сделай нам, пожалуйста, лук, – попросил я, глядя на него с надеждой.

– И стрелы. Много стрел, – вторила мне сестра.

Прадед Алексей, человек доброй души, отложив дела, взял топор и направился в леваду. К слову сказать, он любил порядок, все инструменты держал в пригляде, а топор был

отполирован и так остро наточен, что перерубал даже гвозди... Мы тоже пошли следом за ним. Но в какой-то момент он остановил нас и приказал ждать, а сам скрылся в лесу. Откуда-то издали был слышен стук топора. Минут через двадцать он появился возле нас, держа в руке длинную палку-хворостину с уже проделанными бороздками для тетивы. Прошло ещё немного времени, и сильные дедушкины руки протягивали нам желанный лук со стрелами. Стрелы вообще были загляденье – ровненькие, отшлифованные, с крошечными жестяными наконечниками.

Мы затаились в засаде. Ветвистая яблоня и густая трава вокруг скрывали нас полностью. Как настоящие индейцы, мы, дыша вполсилы, ждали конкистадора. В эту – незавидную! – роль прекрасно вписалась прабабушка Мария Капитоновна, шедшая как раз проведать свою сноху, нашу захворавшую бабушку. Мария Капитоновна была человеком непростым, можно даже сказать черствоватым, смолоду перетёртым в жерновах коллективизации. Раскулаченная, в зиму тридцатого она несколько месяцев прожила в землянке на выселках. А теперь, под тяжестью лет своих и хворей не разгибавшаяся в поясище, слеповатая, в очках из роговой оправы и цветастом платке, она не спеша шествовала по тропинке к хате «молодых» дедов. Ну сущий конкистадор!

– Стреляй в неё, Лёшка! – быстро скомандовала сестра.

– Не могу я стрелять, у неё оружия нет, – спасовал я.

– А вон глянь, костыль у неё. Чем тебе не оружие? Стреляй!

Вождь приказал – индеец подчинился! Прицелившись, я выпустил стрелу...

Та, змеей прошипев по воздуху, качнувшись на ветерке, попала Капитоновне в платок, а точнее, в ухо под платком. Капитоновна покачнулась и остановилась как вкопанная, оглядываясь по сторонам. Но была слаба глазами и нас не увидела. Нам бы тихо сидеть, притаившись, да какой там! Вылетев как ошпаренные из своей засады, мы бросились наутёк. А она молча подняла стрелу и, развернувшись, пошла домой к своему деду, прадеду Алексею. Уж что

она там ему говорила, что причитывала – это осталось тайной. Только дед тут же изъясил у нас индейское вооружение, ругнувшись с досады:

– Ах вы, нечистые духи! Что натворили! Вот поедете домой, отдам тогда лук, будете матерям во лбы стрелять... – А мы стояли, виновато опустив головы.

Так закончилась эта веселенькая история! Много лет уже нет ни Капитоновны, ни прадедушки Алексея Зотыча, да и бабушки тоже нет, а картинка из того времени и сейчас стоит перед глазами, не давая закрыться насовсем страницам книги нашей памяти, продолжая жить и дарить нам свет и радость.

ЗНАХАРКА

В начале двадцатого века в одном из хуторов Царицынской губернии жила вдовья семья. Иван Матвеевич, глава семейства, в одно лето после сенокоса охлынул в ручье, захворал да помер, оставив жену свою, Наталью Фатеевну, с пятью детьми.

Тяжко пришлось бедной женщине. Чтобы детей прокормить, работала она рук не покладая. Днём нанималась за кусок хлеба огорода пропалывать, ночью шила людям незатейливую одежонку да вязала платки с носками на зиму. Только к утру, бывало, сомкнёт глаза, как пелухи запоют. Знать, вставать пора. Помолится Богу – и снова за работу.

Детей своих Наталья Фатеевна держала в строгости. Никто не лодырничал. Сыновья с ранней весны до поздней осени скот пасли, а дочери управлялись по дому. Старшая из детей, дочь Павочка, была матери за первую помощницу. То состряпает, то младших досмотрит. Жили дружно, но бедно: делили одни чирики¹ на троих да миску каши ели без соли.

Как-то раз собралась семья вечерять, да двое братьев спор нешуточный затеяли. Фи-

¹ Чирики – традиционная донская казачья обувь, которую обували в тёплое время года.

липп только стал лоб крестить, как Василий на него набросился:

– Опять ты, Филька, креста отбиваешь! Бога твоего нет!

– Бог есть! – твёрдо и громко произнёс Филипп.

– Ха, есть... – с ехидной улыбкой сказал Василий. – И ты его видал?

– А ты видал, что его нет? – И кинулся с кулаками на брата-коммуниста.

Полетели чашки да ложки, Василий, схватив полено, неумело швырнул им в Филиппа, промазал и угодил коту по хвосту. До смерти выпуганный кот бросился в двери, чуть было не сшиб с ног заходящую с кувшином воды мать. Та, не сразу поняв, что произошло, некоторое время стояла молча.

– Маменька, они опять заспорили, – сказала подбежавшая к ней плачущая Павочка.

– Ах вы, ведьмины дети, чего удумали! – рассердилась мать и стукнула костылём оземь.

Этого было достаточно. В полутёмной хатке воцарилась прежняя тишина. Филипп с Василием, помятые и оборванные, стояли перед матерью на коленях, прося прощения.

– Ну будя вам... – только и успела сказать Наталья Фатеевна, как вдруг постучали в окно.

В следующее мгновение на пороге появилась старушка. Это была старшая сестра Ивана Матвеевича, Катерина. Жила она неподалёку, в соседнем хуторе. И в эту зимнюю пору почти целый день шла пешком к семье брата. На нелёгкий путь под старость лет Катерина Матвеевна отважилась неспроста.

– Здорово живёте! – перекрестившись и тяжело выдохнув, сказала заснеженная Катерина Матвеевна.

– Слава Богу! – устало поприветствовала её Наталья Фатеевна. – Садись повечеряй с нами, отогрей душу, – предложила хозяйка гостье, отрезав небольшой ломоть тёмного хлеба и налив горячего взвара...

Ночью Наталье Фатеевне не спалось, было ей тревожно. Мысли о нежданно появившейся золовке не оставляли.

Спозаранку, протопив печь, женщины сели за разговор:

– Нотя, я ведь не просто так к тебе пришла, – начала Катерина Матвеевна.

Наталья Фатеевна смотрела на свояченицу грустными глазами, не в силах вымолвить слово. А между тем Катерина Матвеевна продолжала:

– Старая я совсем стала, хворая. Силушки поди не как у молодки. Тяжко мне одной и со скотиной, да и смертушка тенью ходит – того и гляди своё возьмёт. А я одна. Не дал мне Бог на длинном веку ни детей, ни внучат. Кому последней слово вымолвить? Нешто вороне на суку...

– Что ты! Что ты, Катерина! Бог с тобой! – запричитала Наталья Фатеевна.

В это время с база в хату зашла Павлина.

– Вот если бы ты, Нотя, в память о моём брате Павочку дала мне на воспитание – душа моя была бы покойна.

– Как можно! – вскрикнула Наталья Фатеевна, глядя на свою дочь. Та стояла ни жива ни мертва.

– Ты погоди возмущаться-то, Наталья. Выслушай до конца старуху, – продолжила чуть было не прекратившийся разговор Катерина Матвеевна. – Павочку я люблю, буду смотреть её, как родное дитя. Ей со мной добро будет. Вас забывать не дам, дюже загорюет – навестит. А как приберёт меня Всемилоостивый Господь, воротится в родные стены.

– Это мне, значит, в дети тебе её отдать? – дрожащим голосом спросила Наталья Фатеевна.

– В дети не в дети, а я по немощи своей тебя прошу Христа ради, – сказала ей золовка.

Наталья Фатеевна залилась слезами. Зарыдала и Павлина. Старуха, опустившись на скамью, обхватила руками свою седую голову. В этот момент на печи проснувшиеся Василий с Филиппом решили вступить в разговор.

– Маманя, что попусту слёзы лить, – сказал Василий. – Уступи тётке. Пусть Павка её донянчит.

– А я так разумею, – отозвался Филипп, – коли Пава сама согласна, пусть пойдёт, а коли нет – ступай, тётка, откель пришла.

– Что скажешь, Павочка? – спросила её растерявшаяся мать.

Пава помнила отца и любила тётку. Понимала, в каком положении та сейчас находится. С другой стороны, не хотелось оставлять мать, братьев и сестёр одних. Но ведь они еле сводят концы с концами, а пойдя она с тёткой – их жизнь немного облегчится.

– Я согласна, – сказала Павочка, – не печалься, маменька, Марфуша с Санечкой тебе вместо меня в помощь будут...

На том и порешили. Уходя, Катерина Матвеевна подозвала к себе Наталью Фатеевну и незаметно сунула ей в руку золотник, прошептав:

– Не тебе – детям твоим. Туго придётся – выручит.

Жили они хорошо, ладно. Катерина Матвеевна сдержала слово, племянницу не обижала, а жалела и любила, как своё дитя. А со временем так прикипела к Павочке сердцем, что только одна мысль о грядущей неминуемой их разлуке приносила Катерине Матвеевне нестерпимую боль.

Павочка тоже отзывалась на этот сердечный зов своей старой тётки и всячески ей угождала.

Тётка жила в большом, светлом и просторном доме с низами. Жилище имело несколько комнат, горницу и кухню. И его Павочка убирала так чисто, что казалось, в нём обитают ангелы. Кроме того, помогала Катерине Матвеевне по хозяйству: доила корову и коз, ходила на реку за водой, стирала бельё да стряпала то, что тётка просила.

У Катерины Матвеевны был свой жизненный уклад, заложенный, видимо, кем-то из стариков. Вставала она рано, до зари. Молилась Богу по несколько часов, а как зорька заиграет – выходила кланяться солнышку. Ела один раз – после полудня – и принималась за работу. А работа была у неё особенная – людям помогать. Кто бы с чем ни обратился – поможет, вылечит и копейки не возьмёт. Спала она мало. К тому же стала приучать и Павлину. Как-то ей и говорит:

– Я как буду молитвочки читать, а ты, Павочка, слушай. Тебе дал Господь память цепучую, быстро всё переймёшь.

Павочка во всём была послушна тётке и усердствовала в новом для себя ремесле.

Однажды ночью проснулась она от запаха гари. Вокруг светло, как днём. Глянула в окно – полыхает соседская хата.

– Тётка Катерина! Тётка Катерина, проснись скорей! – испуганно прокричала девушка.

Тётка, открывши глаза и перекрестясь на икону, быстро спросила:

– Что произошло? Ты что шумишь-то, Павочка?

– Пойдём скорей! Дед Лукьян горит!..

Дед Лукьян жил через несколько дворов от дома Катерины Матвеевны. Лет семь как схоронил жену да запил втёмную. А она то привидится ему, то к себе позовёт. Он и рад – хвастается, что Нюрка его в раю поджидает. А тут, видимо, закурил да задремал, выпивши, – сигарку выронил, и занялась хата...

Тётка Катерина, схватив икону «Неопалимая Купина» и белый плат, кинулась на улицу. Улица не спала. Со всех сторон к пылающей хате спешили люди. Дело нешуточное, подуй ветер – загорятся другие хаты... Беда!

– Дорогу! Дайте мне дорогу! – шумела бежавшая с иконою Катерина Матвеевна.

Кучковавшиеся хуторяне расступились. Старуха начала трижды обходить вокруг разгоравшегося пожара, читая молитву Богородице. Огонь стал помаленечку угасать.

– Держи икону, – обратилась Катерина Матвеевна к подбежавшей Павочке, а сама, приблизившись к двери горящей хаты, помаха-ла белым платочком в небо. И тут же начался сильный дождь, который пожар и затушил.

На утренней молитве Катерина Матвеевна вместе с Павочкой помянули душу усопшего деда Лукьяна и всех сродников от Адамова колена.

После тётка Катерина сказала:

– Павочка, детка, ты не пей горькую никогда. А то ведь первую выпьешь – не поймёшь, вторую – не заметишь, а в третьей – чёрт сидит... Он-то, волохатый, тебя и погубит!

Ничего не ответила Пава, а только обняла тётку Катерину за шею и горько заплакала.

На Святой неделе к дому Катерины Матвеевны подъехал тарантас. Из него вылез представительного вида, уже слегка тронутый сединой мужчина с окладистой бородою и, осмотревшись, направился к воротам.

Катерина Матвеевна вышла к нему на встречу.

– Здравствуй, матушка! – произнёс незнакомец.

– Здравствуй, сынок! Ты, я вижу, нездешний. Что тебя привело ко мне? – спросила его тётка Катерина.

– Мать, пришла беда – отворяй ворота... Супружница моя шибко заболела. Всю Россию с ней проехали, лучшим докторам её показывал – всё впустую. Людская молва до тебя довела. Помирать ей нельзя, у нас дети малые – восемь душ. Подсоби не оставить сиротами.

Некоторое мгновение Катерина Матвеевна озадаченно смотрела на незнакомца.

– Вижу, матушка, откажешь ты мне. Нынче-то праздник великий, не возмёмься... – продолжал незнакомец.

– Что ты! Что ты, сынок! Помогать людям в любой день не грех. Веди супружницу, – от-

ветила ему Катерина Матвеевна.

Незнакомец пошёл к тарантасу и уже через несколько минут нёс свою жену на руках следом за шедшей в дом Катериной Матвеевной. Идти сама женщина уже не могла.

– Ты, сынок, клади её вот здесь, на кровать, да выйди на баз. Мы тут сами управимся, – строго сказала Катерина Матвеевна, обращаясь к незнакомцу.

Мужчина не прекословя подчинился.

– Покажи, дочка, где болит у тебя? – ласково спросила её Катерина Матвеевна.

Страдалица из последних сил подняла левую руку. Под мышкой тётка Катерина увидела воспалённую сочившуюся шишку размером с крупное куриное яйцо. Эта хворь была ей знакома и звалась в просторечии «Нехорошая». Страсть эту знахарка выводила не единожды.

– Ну, не тушуйся, дочка, я тебе помогу, – уверенно проговорила Катерина Матвеевна, – только и ты помоги мне – делай так, как скажу, – продолжила она и, обратившись к племяннице, сказала: – Павочка, детка, сбегай-ка в погреб да принеси мне огуречик солёненький и холодушку¹ вытащи вот в эту тряпицу.

Пава всё сделала, как тётка наказывала. Тётка Катерина взяла огурец с холодушкой и нашептала на них. Потом подала лягушку в руку больной женщине и приказала какое-то время дышать на неё.

– А теперь смотри, милая, как хвороба твоя от тебя поскачет, – сказала знахарка и опустила лягушку наземь. Та, сделав несколько прыжков, остыла.

– Я к шишке твоей огурец привяжу, напою тебя водицей, и ты поспишь, дочка, – сказала женщине Катерина Матвеевна.

И та, сомкнув усталые глаза, задремала.

– Павочка, зажги лампадку перед иконою, и оставим её, пусть сил набирается, – сказала тётка.

Всё это время во дворе, возле лошадей, находился незнакомец. Он жутко нервничал, нюхал табак и так громко чихал, что не заметил, как тётка Катерина к нему подошла:

¹ Холодушка – маленькая травяная лягушка, которую деревенские хозяйки клали в кувшин с молоком, чтобы оно не скисало.

– Сынок, не волнуйся. Всё позади. Теперь нужно обождать...

– Сколько обождать, матушка? – с надеждой в голосе спросил незнакомец.

– Два-три дня, до той поры пока проснётся твоя ненаглядная, – улыбнувшись, ответила ему знахарка. – А ты пока в церковь сходи, свечи поставь за здоровье жены своей да деток. Бога всегда помни! Всё, что жизнью дышит, – в Его власти пребывает и Его словом живёт. Опосля приезжай. Будешь нашим гостем, – подытожила Катерина Матвеевна.

Обрадованный человек вскоре стоял в храме перед иконами, горячо, неистово молясь Богу за свою семью...

Тем временем в доме знахарки болезная женщина вся взмокла от пота. Стараясь не тревожить сна, тётка Катерина аккуратно переодела её в свою невладанную рубаху, а снятую с неё одежду сожгла.

Через три дня супруги уехали. Хвороба полностью оставила женщину, как и предсказывала тётка Катерина. А через несколько лет Фома Петрович, тот самый незнакомец, вновь наведлся в донские края. Только в этот раз приехал один, да пригнал с собой отару овец.

Повстречавшись с Катериной Матвеевной, сказал:

– Матушка, это стадо – тебе! Владей! Супружница моя жива-здоровая, прислала тебе поклон! – И, низко поклонившись в ноги Катерине Матвеевне, обнял её по-сыновьи.

– Сынок, – отвечала ему Катерина Матвеевна, – я не возьму. У тебя уже поди девять деток, им нужнее. Гони всё домой.

– Но откуда, мать, знаешь про детей моих? – удивился Фома Петрович.

– Сорока на хвосте принесла, – рассмеялась Катерина Матвеевна.

– Значит, не возьмёшь? – спросил её Фома Петрович.

– Нет. На кой они мне, старухе? Но вижу я, человек ты настойчивый и от своего не отступишь, – сказала она.

– Не отступлю! – уверенно подтвердил её мысль Фома Петрович.

– Тогда скачи в соседний хутор и животиною свою туда гони. Спросишь, где хата Ивана Чурекова. Там вдова его с детьми живёт. Дай им столько, сколько возьмут. Да скажи, что это от Павочки. Остальных, коль не хочешь домой ворочать, раздай обратной дорогой бедным людям, сотвори милостыню. Нищему подашь кусок, это дело тебе впрок – ангелы небесные за тебя попросят! Ступай с миром, сынок, да Бога не забывай.

Но мирно пожить Россия не успела. Пришла на её земли коричневая чума – самая подлая и страшная!

В первый год войны отдала Богу душу Катерина Матвеевна. Ушла на Его Праведный Суд. Осознавала ли эта добрая женщина, стремящаяся помочь страждущему, то, что занималась чем-то Богу не угодным? Скорее всего, нет. В её душе, как и в душах многих сельских жителей, органично срослась горячая вера в Бога с элементами языческих славянских традиций и ритуалов. Она искренне верила, что помогает людям, делает добро...

Простит ли её Господь? Как знать. Святые люди говорят, что поминальная молитва о сродниках способна повлиять на участь их душ – кардинально. Господь, внимая таким молитвам, может изъять грешную душу из адских подземелий и переселить в райские чертоги.

За душу бабушки-знахарки до конца своих дней молилась Павлина, поминая её наряду со своими родителями. Возможно, сейчас они где-то вместе... Всё в руках Божьих.

Алексей ИЛЬИЧЁВ-МОРОЗОВ

ДИК

С самого начала, ещё когда Дик не знал, что является серьёзной служебной собакой и что у него есть имя, он сразу почувствовал, что в этом мире не просто так появился – у него есть особая тайная миссия. Конечно, а как же иначе? Если бы было по-другому, то зачем его и братьев так внимательно рассматривают проходящие к хозяину во двор люди? И ведь не просто смотрят, а озабоченно переговариваются между собой, стоя возле вольера, и даже крикнуть могут, хлопнуть громко или грохнуть о землю каким-нибудь предметом. Со значением и умыслом. Грохотнут и в щенков пальцами тычут, соображают, значит.

Дик вместе с братьями тоже рассматривал людей. Сбивались плотной кучей, толкались и старались подлезть ближе – интересно же. На громкие звуки реагировали старым и проверенным способом – отскакивали и прятались. Кто-то бежал под защиту матери, кто-то просто увеличивал дистанцию и издали принимался к опасности, а Дик вместе с сестрёнкой тут же возвращались, чтобы разобраться – что это такое шумнуло.

– Ишь ты, шустряк какой, – однажды одобрил его поведение человек, от которого пахло чем-то резким, но одновременно и приятным.

Как только Дика подхватили руки этого человека, щенок сразу признал своего нового друга и хозяина. Не вырывался, не старался куснуть, а скосил глаза через плечо: «Ну и что дальше? Куда пойдём?»

– Будем дружить? – спросил человек, перехватывая кутёнка за загривок и поворачивая животом к своему лицу. – Назову тебя... Дик.

Кобелёк ослаб в сильных руках нового хозяина: «Почему нет? И дружить будем, и имя нормальное».

Так Дика забрали от матери и присвоили имя. А вот к новому месту жительства ехать пришлось на машине. В салоне автомобиля щенку не понравились: много шума, тряска, запахи не самые приятные. Дик ехал, притаившись в высоком картонном ящике и опасаясь высунуться. Более того, он даже несколько раз готов был заскулить от страха и растерянности, но сидящий рядом на сиденье новый хозяин периодически поглаживал щенка по голове и спине:

– Тихо, тихо, скоро приедем.

Щенок сопел, вздыхал, раскрывал немного пасть, вроде бы зевнуть, и стойко терпел поездку. Дик крутил головой, шевелил бровями, разглядывая руку Хозяина и крышу салона авто, но сердечко колотилось так, будто он с братьями целый час гонялись друг за другом по двору. Хорошо, что под густой шерстью этого «страха» не видно.

В новом доме Дик у показали место для отдыха, миску... Чтобы ознакомиться с обстановкой, пришлось многое обнюхать. И хотя комнат было всего две, каждый предмет требовал внимания: и просто посмотреть, и на зуб попробовать. А потом началась хорошая жизнь. Хозяин с Диком ходил на променады, подолгу играл и почти не ругался, когда щенок от избытка чувств и некоторой рассеянности (исключительно по малолетству) делал лужицы, не дождавшись прогулки.

Когда же Дик чуть подрос, его начали водить в специальную школу, где обучали слушать команды, палку приносить, ползать, правильно ходить и потом уже, когда ещё повзрослел, защищать Хозяина. И голосом, и действием. К этому моменту пёс подрос, набрал мощи и уверенности. Ему исполнился год. Вот тут-то Дик окончательно понял своё предназначение: он – защитник. Защитник Хозяина. Он за Хозяина... да что угодно, несмотря ни на что.

– Молодец, – хвалил Хозяин, теребя пса за загривок.

А Дик и рад: телом замрёт, голову подставляет, язык вывалит – блаженствует. И всё норовит Хозяина лизнуть: «Ты себе не представляешь, как мне сейчас хорошо».

Прошло ещё немного времени, и однажды в доме Хозяина появилась женщина. С Диком у неё с первого дня наметились отношения... прямо скажем, натянутые. Женщина забирала себе много внимания Хозяина, а с собакой играть не стремилась. Всё больше уводила Хозяина из дома без верного друга.

– Что ты, – говорила она, – в театр с собакой не пустят.

А в другой раз:

– И хороши мы будем, если заявимся в гости с таким громилой?

А Дик был очень не против заявиться хоть куда, лишь бы рядом с Хозяином: вдруг ему какая-то помощь понадобится.

«Что он с ней возится? – недоумевал пёс, который теперь чаще оставался дома один. – Какая от неё польза? Команд не знает, палку не приносит, через барьер прыгать не умеет. Разве что в доме пахнет теперь вкуснее».

Тут уж Дик признавал – конечно, хозяин должен питаться вкусно. А с другой стороны, и ему перепадает. Что тоже неплохо. Так Дик прожил ещё один год. И вот женщина начала полнеть. Стала более раздражительной.

– Не место такому кобелю в квартире, – такую фразу она часто говорила Хозяину. – Ему во двор нужно, чтобы было много места.

Хозяин, как мог, защищал друга:

– Он же у нас воспитанный. В школе обучен. Смотри.

И тут же давал несколько команд, которые Дик бросался выполнять с повышенным энтузиазмом.

– Ну, не знаю, – поджимала губы женщина. – Всё же служебной собаке лучше где-нибудь на улице. И места у нас не так много. А ведь коляска ещё будет, кровать, столик... Не знаю, не знаю...

Дик слушал и, с одной стороны, не мог не согласиться, но с другой – понимал, что это же означает разрыв с Хозяином. От таких мыслей

пёс недовольно скалился. Еле-еле, краешком губ. Но, хоть и старался он сдерживать эмоции, однако женщина замечала:

– Смотри, он опять скалится. А что будет, когда маленький появится? Вдруг...

В общем, в один из дней Хозяин надел Дикю ошейник и отвёл его в не очень далёкий двор за высоким забором и железными воротами, где закрыл в большой железной клетке.

– Так ему всё же лучше, – говорил он своему знакомому, который с восхищением оглядывал здорового пса. – И у вас территорию охранять будет.

Ушёл Хозяин, на пса не взглянув. Постоял с другим человеком, поговорил и медленно пошёл к воротам. Дик не сразу понял, что Хозяин уходит. Сидел в клетке спокойно, оглядывал незнакомую обстановку, потом несколько раз гавкнул, когда Хозяин отошёл довольно далеко: «Эй, Хозяин, друга забыл. Это игра такая? Дверь откройте, догоню».

Но тот уходил не оборачиваясь. Дик гавкнул ещё и ещё. Нет, не возвращается Хозяин, не берёт с собой, скрылся за воротами. Дик опешил: как же так, столько между ними было общего – и вот так просто его оставили. Неужели женщина и её слова пересилили былую дружбу?

День пёс ожидал, что Хозяин вернётся, второй... За это время не притрагивался к еде, которую ему просовывали через решётку палкой. Когда же кто-то подходил ближе, на длину руки, Дик коротко и зло на него лаял и бросался на прутья.

По ночам Дик особенно тосковал и выл. По округе разносился этот вой-плач, от которого у многих мурашки пробегали по коже. Дик казалось, что его зов услышит Хозяин, вернётся и поведёт его домой. Но тщетно.

Люди, которые его кормили – вернее, старались покормить, – носили похожую одежду, которая отличалась одна от другой только блестящими украшениями на плечах, и менялись очень часто. А со временем Дик учуял, что от небольших кожаных сумочек на поясах у них пахнет так же, как когда-то пахло от рук Хозяина, когда он забирал его щенком от матери. Это немного повысило к ним доверие, и Дик

начал принимать от них пищу. Тем более что от голода его уже начинало мутить. Кормили Дика четверо. Каждый день новый человек, но одни и те же. Всех других, которые приближались, пёс продолжал атаковать. Даже когда угощение просовывали, хватал, например, кость через решётку, рывком бросал в сторону и тут же кидался, оскалившись, на прутья, норовя схватить подошедшего.

– Хорошо, что прутья толстые, – говорили люди, отскакивая подальше. – Чумной кобель. Бешеный какой-то.

Дежурные, которых Дик принимал, придумали легенду, что это специальная тренировка у собаки такая была, чтобы от чужих пищу не принимать.

– Ишь ты, – качали головами зеваки, оглядывая огромного кавказца с сосредоточенным недобрый взглядом, и больше не стремились «подружиться».

Прошло полгода. Дик притерпелся к роли затворника и даже иногда позволял себе вильнуть хвостом, когда с утра давали новую порцию еды. Но из клетки выпускать его опасались.

– Кто этого телёнка удержит? – рассуждали одни. – В нём же килограмм девяносто.

– Да ну, – возражали другие. – Кавказец кило семьдесят будет, не больше.

– И чё? Всё равно дури у него ого-го. Тем более этот. Нет, с ним не сладить.

– Пусть пока посидит, – рассуждал начальник. – Хотя я ведь его брал, чтобы ночью территорию охранял.

Позвали ли или сам соскучился, но во дворе у клетки Дика появился Хозяин. Пёс заскулил, затыкал тонко, словно щенок, распластался по земле, заюлил всем телом: «Хозяин, ты про меня вспомнил. Ура! Мы пойдём домой! Как хорошо! Хозяин, хозяин, коснись меня. Дай я тебя оближу. Хозяин!»

– Ты глянь, что творится, – удивлялись наблюдатели. – Стелется что шёлк. А так чуть клетку не сносил.

Хозяин вошёл в клетку и немного потрепал Дика за шерсть. А тот и прыгал, и кувыркался, тёрся о ноги и тут же лез лизаться – крутился волчком.

– Рад, рад, – теребил ему голову Хозяин.

Радость Дика оказалась преждевременной.

– Ну вот. Я ведь говорил, что он нормальный пёс, – доказывал Хозяин начальнику. – Подход к нему только нужен.

– И как?

– Чёрт его знает. Может, приходиться к вам иногда, – пожимал плечами Хозяин. – Домой-то теперь я его точно не могу взять. А так глядишь, и притрётся.

– Так ты почаще ходи. – Начальник уже и не рад был, что согласился забрать неукротимую собаку. – За полгода только дежурных более-менее признаёт, а других порвать готов.

Олег ЛУЗАНОВ

Родился в 1964 году. Постоянно проживает в г. Курске.

Окончил Ленинградское мореходное училище и Курский государственный технический университет.

Пишет рассказы различной тематики и стихи.

Публиковался в журналах: «Сибирские огни» (Новосибирск), *Seagull magazine* («Чайка», Балтимор, США), «Дальний восток» (Хабаровск), «Приокские зори» (Тула), и др., а также на различных литературных интернет-порталах.

Лауреат нескольких литературных конкурсов, в том числе Всероссийского конкурса МВД «Доброе слово» в 2018 году и новогоднего конкурса журнала *Seagull magazine* (США) в 2019 году. Автор четырёх сборников стихов: «О серьёзном и весёлом» (Курск, 2017), «Парадоксы и факты» (Курск, 2017), «Поэтический гардероб» (Курск, 2019), «Не всё равно» (Курск, 2020) – и трёх сборников рассказов: «Жуки Момбасы» (Курск, 2017), «Разнообразно об обычном» (Курск, 2018), «Неправды нет» (Курск, 2020).

Член лиги курских писателей при СПР.

– Чаще чем раз в неделю не обещаю, – сказал Хозяин и снова вышел из клетки, оградившись от друга железными прутьями.

Пару дней Дик продолжал ожидать прихода Хозяина, но он всё не показывался. Тогда пёс решился. Каким-то невероятным образом кобель прокопал нору под решёткой и в один момент оказался на свободе. Дежурный, который был рядом, никакого шума не слышал, но стоило ему открыть дверь на улицу, как перед собой увидел Дика.

– Ты как тут?..

Пёс со значением посмотрел на него и побежал вдоль забора, выискивая выход. Оставалось совсем немного – вот ещё немного, и Дик побежит домой. Однако забор был высокий и без щелей.

– Стой! Куда? – дежурный пошёл следом. – Дик, на место.

Дик носился по территории и не находил выхода. Он стал нервничать.

Потом на помощь первому вышел ещё один человек. Вдвоём они старались направить кобеля к клетке. И это им почти удалось. Но пёс, как только увидел ненавистные прутья, вдруг развернулся и кинулся на ближайшего человека. Повалил, начал таскать по земле. Он на нём вымещал весь накопившийся гнев от испытанного предательства, всю свою злость. Мстил Хозяину через другого человека, от которого так же пахло. Порядком потрепав одного, Дик бросился на другого. Мстить, так по полной. Но второй успел скрыться в помещении. Дик с разбега ударился о дверь дежурки, однако дверь выдержала. Дик снова кинулся на первую жертву, добить. Но и первый сумел укрыться за дверью, ноги ведь не пострадали.

Полдня обезумевший кавказец носился по двору, не давая никому выйти во двор. Ворота тоже никто не мог открыть снаружи. В течение этого времени осаждённые сотрудники обзвонили все инстанции, докладывая о ситуации с нападением большой собаки на человека.

– Может, пристрелить его? – спрашивали. – Он опасен. Одного уже порвал, на второго бросался.

Но среди многих никто не хотел брать на себя ответственность по отстрелу собаки в центре города.

– Вы попробуйте его в клетку загнать, – советовали «ответственные» издалека.

– Он подкоп там сделал, – чуть не плакал потерпевший парень. – Какой смысл?

– Позвоните... – и на другом конце телефона называли адрес организации, на которую они хотели бы переложить ответственность, – это их тема.

Пробежав почти дотемна, Дик сам забежал в клетку – просто захотел пить. Этим воспользовался второй дежурный, который удачно сумел избежать клыков собаки. Он высочил из дежурки, захлопнул дверь и, пока Дик не разобрался, что снова оказался в ловушке, в подкоп сунул оказавшийся поблизости лом. А потом ещё что-то, не менее крепкое. Короче, подкоп больше не работал, и пса снова заперли. Очень быстро нашли сварщика, вбили в грунт по периметру дополнительной арматуры и крепко приварили.

– Теперь не прокопает, – оглядывали модернизацию ответственные сотрудники.

– Но оставлять так нельзя, – чесало в затылке руководство.

А Дик с того раза снова стал неменяемым, бросался на всех без разбора. Прежняя жизнь для него потеряла смысл. И зачем тогда она ему? Всюду сплошной обман. Если незадолго до этого испытал предательство самого дорогого человека, то теперь не верил вообще никому. Все могли предать и в любой момент. Ни от кого не будет помощи. И если раньше была цель человека защищать, то теперь цель изменилась – мстить. Всем! Беспощадно!

– Приходи срочно, – говорил по телефону начальник своему бывшему сослуживцу. – Пёс твой натворил дел. И карабин захвати. Давай прямо сейчас, тут всё расскажу.

Последнее, что в своей жизни видел Дик, так это Хозяина, который держал в руках длинный предмет, от которого шёл запах, с самого начала ему так понравившийся. Пёс неподвижно сидел, глядя в прищуренные глаза когда-то самого дорогого человека. Смотрел спокойно. К чему выражать эмоции перед чужим? Это уже не Хозяин. Так, столб на дороге, его только пометить. А потом Дик горячим обожгло голову.

Олег ЛУЗАНОВ

ПОРА В КОСМОС!

18 марта в 18:55 по московскому времени был успешно произведен старт пилотируемого корабля «Союз МС-21» с космонавтами Роскосмоса Олегом Артемьевым (членом Союза писателей России), Денисом Матвеевым и Сергеем Корсаковым. Впервые за долгие годы на Международную космическую станцию отправился экипаж, полностью состоящий из российских космонавтов.

Командиру экипажа Олегу Артемьеву были переданы флаг Российского нового университета, экземпляр литературно-исторического журнала «Александръ» и цифровая картина с изображением космонавта, написанная Василием Поповым, которые пробудут на орбите 195 суток и вернутся вместе с Олегом Артемьевым на Землю.

В состав делегации, участвовавшей в торжественных мероприятиях по знаменательному запуску, вошли рабочие секретари

Союза писателей России профессор Российского нового университета Анатолий Труба (главный редактор журнала «Александръ») и Василий Попов. За два дня до старта они провели неформальную встречу с Олегом Артемьевым: обменялись электронными адресами для оперативной связи с космонавтом и обговорили идею создания книги – сборника с рабочим названием «Пора в космос», в который войдут поэтические и прозаические произведения членов Союза писателей России и фотографии, сделанные Олегом Артемьевым за время нахождения на орбите и переданные на Землю.

Слова огромной благодарности хочется сказать ректору Российского нового университета Владимиру Алексеевичу Зернову, благодаря которому удалось осуществить столь важную миссию.

Александр СЕРГЕЕВ

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru